

СМЕНА

2006

АПРЕЛЬ • 4

35 Побоище за... две сережки

124 Развод со смертью

159 Пицца Франкенштейна

Пасха
стр. 174—177

СМЕНА

Литературно-художественный иллюстрированный журнал

4

Основан в январе 1924 года

2006 • АПРЕЛЬ (1698)

Главный редактор

Михаил Кизилов

Зам. главного редактора

Тамара Чичина

Главный художник

Надежда Веселова

Над номером работали:

Башкеев Максим

Вартанян Галина

Исмагилова Олеся

Калинина Людмила

Молчанова Надежда

Подоляк Кирилл

Подорванова Светлана

Силакова Марина

Чейшвили Владимир

Учредитель — ООО «Издательский дом журнала «Смена»

Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Набор, верстка и оформление ООО «Издательский дом журнала «Смена».

Отпечатано в ФГУП «Смоленский полиграфический комбинат»

по адресу: 214020, Смоленск,

ул. Смольянинова, д. 1.

Журнал выходит

12 раз в год.

© «Смена», 2006

Проект осуществляется при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Подписной индекс в почтовых отделениях **70820** (по каталогу Агентства «Роспечать»)

ISSN 0131-6656

Наш журнал вы всегда можете купить в киосках сети

«Аргументы и факты»

Адрес редакции:

Бумажный проезд, 19, стр. 2, Москва, А-15, ГСП-4, 127994.

612-15-07 — для справок.

Факс (495) 250-59-28.

E-mail: jurnal@smena-id.ru

www.smena-id.ru

Отдел распространения: (495) 257-31-37
sales@smena-id.ru

Сдано в набор 15.02.2006.

Подписано к печати 17.03.2006.

Печать офсетная.

Заказ № 13193

Тираж 50 000 экз.

Цена свободная

Журнал зарегистрирован в Комитете Российской Федерации по печати
Per. № 014832

ЧУДЕСА НА ПЛАНЕТЕ

Игорь Опарин
Колизей 4

ВСЕМИРНАЯ ГАЛЕРЕЯ

Денис Логинов
Франс Халс 13

ИЗДАЛЕКА

Любовь Русева
Апостолы любви и милосердия 26

ИРОНИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Илья Деревянко
Бриллиантовый психоз 35

ДЕТЕКТИВ

Дональд Уэстлейк
Прогулка вокруг денег 74

ПОЭЗИЯ

Татьяна Смертина
Стихи 122

КРИМИНАЛ

Екатерина Постникова
Алиментщик 124

НЕФОРМАТ

Анатолий Пимонов

**Победивший
смерть**

129

СТОП-ТУР

Татьяна Полева

**А у нас в Рязани
грибы с глазами!**

134

РАНДЕВУ

Елена Воробьева

Безбрежный дар

140

Алла Люден

Вечно молодой

153

СПОРТ

Севиль Гусейнова

Дела мужские

150

ТЕХНОКРАТ

Алина Гуринова

Русская рулетка

159

МУЗЫКА

Ольга Быстрых

**Цветы
«Мертвых дельфинов»**

164

ХОББИ

Ксения Мишина

Тегестолог звучит гордо!

167

КОМПЬЮТЕР

Просто Кир

Невидимое преимущество

170

МОДА

Алла Пустынова

**Не прыгайте с платформы,
лучше ее носите**

182

КУЛИНАРИЯ

Евгения Гордиенко

Финансовая каша

186

О РАЗНОМ

Александра Зотова

Секретарь в двух шагах

145

Максим Башкеев

**Светлое Воскресение
Христово**

174

Екатерина Кочеткова

Девочка-весна

178

КРОССВОРД

188

ЭРУДИТ

190

РЕКЛАМА

192

Андре Лей.

У моей смерти — голубые глаза

Безоблачное счастье супругов Ронни и Патриции Блэк рухнет в один миг, постепенно превращаясь в мрачную трагедию. Любовь, страсть, страх потерять любимую и безумная ревность приводят главного героя к преступлению. В этом романе нет особой интриги, на которой держится детектив, но он написан с легким изяществом и проникнут глубоким психологизмом, что и присуще обычно французскому роману.

АНОНС: май 2006

Прошли герои здесь —
мы топчем
прах столетий!

Байрон

Игорь Опарин

КОЛИЗЕЙ

«Прошли герои здесь — мы топчем прах столетий!», так писал Байрон под впечатлением Колизея, увиденного им во время путешествия в Рим. Полуразвалившиеся стены, поросшие травой и кустами — знаменитые руины и тогда, спустя столетия после падения Римской империи, поражали величием и благородством архитектурных решений. Но, глядя на грандиозные развалины, невозможно не думать о потоках крови, заливавших эту арену, о восхищенных и кровожадных криках толпы, требующей «Убей!», о страшных трагедиях, разыгравшихся на этой сцене во славу императора и на потеху римской публике.

Гладиаторские (от слова *gladius* — меч) бои занимали в жизни римлян огромное место. Возникнув как ритуал в честь умерших, в подражание этрусским обычаям — этруски заменили ими жертвоприношения при погребениях, — они превратились в публичное убийство, совершавшееся ради развлечения толпы, в грандиозное, щекочущее нервы и пробуждавшее самые низменные инстинкты зрителей. Вооружали гладиаторов мечами, сетями или трезубцами. Обучали в специальных школах, под строгим контролем. Приходившие в Колизей, как на праздник, развращенные и жаждавшие все новых зрелищ плебс и аристократы

страстно алкали все новых и все более жестоких кровопролитий. «Хлеба и зрелищ!» — требовали римляне, и если кто-то испытывал проблемы с хлебом, то уж со зрелищами все было в порядке.

Первыми гладиаторами стали военнопленные. В руки римлян попадали целые армии, солдаты которых были обречены погибнуть на аренах. Даже Константин Великий, основатель Константинополя и принявший христианство, использовал побежденных врагов как материал для зрелищ, и общество его за это превозносило — как здорово придумал! Не просто убивал, а смертью побежденных развлекал своих подданных!

Гладиаторами становились и преступники, за совершение разбоя, убийства, поджог или осквернение храма, государственную измену, военный мятеж. Это наказание — «к мечу» или «к диким зверям» — считалось очень тяжким.

В период преследования первых христиан в число несчастных попадали и борцы за новую веру. Их обычно бросали на

растерзание диким зверям, которые ждали своего часа в клетках под ареной. Часто в гладиаторы попадали рабы. В 1 веке римлянин мог легко продать своих рабов для участия в кровавых представлениях. Но особенно ценились свободные бойцы — от них ожидалось особенное вдохновение, ярость, ожесточенность, ведь они шли на бой из любви к искусству. «Сколько же бездельников страсть к оружию соблазняет наниматься на гладиаторскую службу!» — восклицал Тертуллиан, христианский писатель, живший в III веке. Бывшие рабы, вольноотпущенные, солдаты, оказавшиеся не у дел, видели для себя лишь один выход — идти в гладиаторы и убивать, делать то, что они только и умели. Иногда императоры ради потехи заставляли выходить на арену и своих подчиненных — вполне уважаемых людей. Так любил развлекаться оставивший после себя долгую и весьма сомнительную память император Калигула. Светоний рассказывает, как однажды Калигула бросил на растерзание диким

зверям одного легионера, а когда тот надел ему своими криками, повелел вырвать ему язык и снова бросил на арену. Цезарь во время одной из игр заставил биться известных римских адвоката и патриция, причем до тех пор, пока оба не упали бездыханными.

Поразительно, что среди гладиаторов были и женщины! Еще при Нероне, пишет Тацит, устраивались кровавые бои женщин из почтенных семейств. На девятом году правления Нерона эти бои приобрели огромные масштабы. В 66 году, во время визита армянского правителя Тиридата устроили выступления — одновременные — африканских гладиаторов обоих полов. Можно представить, что это было за зрелище! Участие женщин в боях запретили только в 200 году,

и то благодаря римским юристам, но отнюдь не императорам.

Поначалу бои проходили на простых, возводившихся на рыночных площадях деревянных помостах, но очень быстро возникла потребность в более масштабных строениях, и тогда появились амфитеатры. По-видимому, первый известный истории амфитеатр был построен в Помпеях, затем и в других городах империи, некоторые дошли и до нашего времени — в Италии и Хорватии, Франции и Германии, Испании и Британии — везде, куда ступала нога римского легионера. Возводили амфитеатры и в Риме, но все они — те, что были до Колизея — не соответствовали величию императора и империи.

В 69 году правителем Рима стал Веспасиан. Надо сказать, он был совсем не-

плохим императором. Годы его правления отмечены миром и спокойствием. Веспасиан как мог укреплял империю, проводил прогрессивные по тем временам реформы и много сил отдавал строительству своей столицы. Риму не хватало амфитеатра, который мог бы вместить всех жаждавших зрелищ, и в 72 году Веспасиан начинает возведение такого сооружения. Прошли годы, и Веспасианов театр стали называть Колизей, «гигантский» — дело в том, что рядом со строящимся театром находилась гигантская статуя Нерона, Колоссум, которая оказалась далеко не вечной — каменный Нерон не сохранился, о нем уже все забыли, а название «Колизей» прочно срослось с амфитеатром Веспасиана. Надо сказать, оно вполне соответствовало ве-

личию и невероятным размерам этого создания римских архитекторов. Да и задачам Колизея — театр должен был символизировать безграничную власть императора и могущество его империи.

При правлении Веспасиана работы не были завершены — театр открылся уже при его сыне Тите. Для окончания работ Тит велел пригнать из Иудеи, из разрушенного Иерусалима десятки тысяч военнопленных. И вот, наконец, наступил торжественный день. Колизей открыли в 80 году, стодневными торжествами, в рамках которых устроили грандиозное представление: на искусственном озере, покрытом бревнами, состоялись гладиаторские игры, а затем — травля 5000 диких зверей — это в первый день. На второй там же прошли состязания боевых ко-

лесниц. На третий последовала морская битва между «афинянами» и «сиракузянами» — победили афиняне, взявшие крепость, вышившуюся на острове посреди озера. (Позднее подобные морские сражения устраивались на арене Колизея, легкая превращавшейся в озеро.)

Время не сохранило имени архитектора Колизея, но это был великий архитектор. Колизей имеет в основании эллипс

налов, по которым на поверхность арены подавалась вода — и тогда перед восхищенными зрителями возникало озеро, и разыгрывались морские сражения.

Строился Колизей из кирпичей, облицовывался мрамором и блоками травертинского известняка, который добывали в каменоломнях недалеко от Рима, причем дорогу, ведущую от каменоломен в столицу, специально расширили до 6

18 158 метров, длиной окружности 527 метров и высотой 57 метров. На трибунах Колизея помещались 50 000 зрителей!

Первый этаж образуют аркады с 60 арками. На них лежат второй и третий этажи, а четвертый этаж — стена, разделенная на секторы, каждый второй сектор имеет окно. Первый этаж украшают дорические колонны, второй — ионические, а третий — коринфские. Глубина фундамента Колизея — 9 метров. Под ареной находились различные переходы и помещения (их и сегодня можно увидеть). Использовались эти помещения для клеток, где содержались звери, а также для гладиаторских комнат, складов и сценических механизмов, необходимых для сложных постановок. Уже в 80 году здесь существовала система ка-

метров — ведь требовалось доставить огромные камни!

Все 80 арок первого этажа были пронумерованы, и гостям раздавались специальные приглашения-билеты, на которых указывались номера мест (ряд и сектор). Таким путем регулировались потоки зрителей, ведь сидячих мест было 45 000, а стоячих — еще 5 000! В четыре арки зрителям запрещалось входить — две из них предназначались для императора и его свиты, а две других — для колонн гладиаторов.

Лучшие места в ложах нижнего ряда отводились для высокопоставленных лиц — правителя Рима, членов его семьи, придворных, сенаторов, жрецов и весталок. (Весталки, жрицы богини Весты, поддерживавшие огонь в ее храме,

выбирались только из самых аристократических родов Рима. Служа Весте с 6—10 лет до сорока, они соблюдали обет целомудрия. Весталки пользовались исключительными почестями, почитались как залог вечности Рима.) Тут же были и высокие гости: посланники из самых разных римских провинций и дружеских стран. В особой ложе восседали префекты города и магистраты.

женщин — вблизи, на первых рядах, позволяется сидеть лишь почтенным матронам из императорской семьи и весталкам.

Сверху были установлены специальные мачты, на которых моряки императорского флота натягивали накрывавший весь амфитеатр огромный навес — он защищал зрителей и участников зрелищ как от палящего солнца, так и от дождей. А однажды во время одного из представ-

Над первым рядом расходятся вширь и поднимаются вверх места с мраморными сиденьями для всех остальных зрителей. По случаю праздника — а представления в Колизее, как правило, устраивались по большим праздникам — они в белых тогах, головы украшают венки. Но на трибунах не только римляне — тут и купцы из стран Африки и Востока, они в самых разных, ярких и разноцветных одеяниях. Арабы, эфиопы, египтяне, сарматы — кого только ни увидишь на представлениях в Колизее! Чем выше, тем беднее одета публика — наверху уже совсем нищие, неграждане и рабы, в грязных суконных рубищах. Но и отсюда, с самого верха, им прекрасно видно, а посмотреть гладиаторские бои хочется всем! Кстати, на верхних рядах много

лений во времена Нерона полог изображал усеянное звездами ночное небо.

По всей сцене били фонтаны — струи воды, смешанной с благовониями, распространяли свежесть. А еще тут был оркестр — звуки труб, бой барабанов, флейты порой даже заглушали рык и стоны сражавшихся гладиаторов, крики несчастных, растерзанных дикими зверями.

Архитектурное совершенство Колизея, роскошь убранства, шум толпы, музыка, море празднично разодетых людей, сознание того, что совсем рядом, вместе со своим народом и сам император с приближенными, — все это производило невероятное впечатление на простых римлян. Их не могло не переполнять сознание величия империи и гордость за то, что они являются гражданами великого

государства. И невозможно было противостоят безумным чарам кровавых зрелищ, показываемых на арене Колизея. Даже те, кто считал себя непримиримым противником этих варварских забав, хотя бы однажды оказавшись в Колизее и став их свидетелем, поддавались губительной страсти. Блаженный Августин, теолог и философ IV века, рассказывает в «Исповеди» о своем друге, некоем Алигии, приехавшем в Рим изучать право и превратившемся из яростного врага в пылкого поклонника гладиаторских боев. Увидев кровь на арене, он внезапно почувствовал в себе дикую, первобытную жестокость и уже не мог оторвать глаза от сражавшихся, получая огромное удовольствие и упоиваясь страшным зрелищем. Став одним из огромной толпы, он, пишет Августин, «заразился безумием» и с тех пор снова и снова приходил, увлекая за собой все новых поклонников боев.

Как правило, гладиаторские бои проводились после полудня. Но зрители стекались в Колизей с утра. Обычно праздник открывали травлей диких зверей.

Кровавые сцены, когда хищники раздирали друг друга или со зверями боролись люди, сменялись показом дрессированных животных. Иногда на арене совершались публичные казни: людей бросали на растерзание зверям, не кормленным в течение нескольких дней. Иногда жертву привязывали к столбу или давали в руки оружие. Разъяренные животные набрасывались на жертву и выдирали из нее такие куски, что любознательные врачи порой собирали эти куски для анатомических штудий. Марциал описывает, как один преступник был прибит на кресте и отдан на растерзание зверям. Его плоть и члены отваливались кусками, пока тело не перестало быть телом. Все обставлялось с невероятной пышностью. Во время этих спектаклей несчастных «актеров» заставляли надевать театральные костюмы и изображать тех или иных героев мифов и легенд. И публика, упоившись созерцанием страданий, слыша крики и наблюдая муки, получала невероятное удовольствие! Вот, например, одного «артиста» в роли Аттиса лишали признаков пола, а

другого, в роли Сцеволы, заставляли держать руку в пламени до тех пор, пока она не сгорала. Сцены жестокости сменялись сценами веселыми, порой неприличными — так, зрители хохотали, видя, как свою страсть удовлетворяла жена Миноса, царя Крита, наказанная Афродитой вожделением к быку.

Смесь этих представлений — жестоких и забавных, щекочущих нервы и тешащих душу — подготавливала зрителей к основному — к гладиаторским боям.

И вот появлялись главные герои: облаченные в праздничные одеяния — пурпурные, расшитые золотом накидки, шлемы тонкой работы, со сверкающими на солнце посеребренными мечами, трезубцами и щитами — они сходили с колесниц, которые доставляли их в театр, и шли в центр арены. Они были очень хороши, эти гладиаторы — мощные тела, скульптурные мускулы, точеные профили. Недаром римлянки — богатые, почтенные

матроны и их юные дочери — частенько влюблялись в гладиаторов. (По Риму ходило множество слухов по этому поводу. Например, говорили, что отец императора Комода — не Марк Аврелий, а кто-то из гладиаторов, поскольку Фаустина, жена Марка Аврелия, всегда испытывала к ним слабость.) Напротив императорской ложи процессия обреченных на смерть останавливалась — гладиаторы приветствовали императора: «Здравствуй, цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя». Для многих из них это были не пустые слова... Затем проверялось оружие, шла жеребьевка пар. Публика уже изнемогала в ожидании. Прикидывали, кто станет победителем, а кто сдохнет тут, сегодня, у них на глазах.

Своеобразной затравкой перед основным блюдом были бои с тупым оружием, без кровопролития.

И вот, наконец, раздавались звуки трубы, означавшие начало боя, и под бой

вом захоронении, это считалось верхом милосердия.

Гладиаторские бои проводились в Колизее вплоть до 405 года, а до 526 года — травля зверей. Потом пришли другие времена, другие нравы. Амфитеатр был забыт. Какое-то время он использовался как каменоломни, и только с середины XX века итальянские власти стали принимать какие-то меры по сохранению памятника.

барабанов и звуки флейт на арену вышла первая пара. Начинаясь бой.

Обычно дрались по парам, но иногда устраивались и групповые бои. Зрители остро реагировали на происходящее, подбадривали и подгоняли: «Режь, бей, жги! Почему он так робок? Почему так лениво убивает? Почему так неохотно умирает?» — неслось с трибун.

Когда все было закончено, на сцене появлялись служители в масках Меркурия, бога подземного царства. Тыча в тела раскаленным железным жезлом, они проверяли, кто мертв, а кто еще дышит или притворяется мертвым. Добив живых, трупы утаскивали в мертвецкую через украшенные венками «Ворота смерти». А потом выходили специальные рабы — привести арену в порядок. И вот все снова готово, смертельное представление может продолжаться! Гладиаторы считались отбросами общества — ну кто будет хоронить эту мразь! Тела сваливали в ямы и закапывали, а когда какой-нибудь владелец гладиаторов вдруг решался поставить памятник на таком группо-

«Раз Колизей стоит, стоит и Рим, но Рим падет вслед за Колизеем, за Римом — мир!» — гласит известное изречение, дошедшее до нас из VIII века и принадлежащее, по-видимому, одному из англо-саксонских паломников, который до глубины души был поражен грандиозностью античного амфитеатра. С тех пор прошли века, Римская империя уже давно канула в Лету, оставив людям бесценные сокровища материальной и духовной культуры, влияющие на развитие мира и ныне, спустя столетия. Человечество пережило страшные эпидемии, безумные войны, узнало Холокост и ужасы атомных взрывов, а Колизей все живет, напоминающая о своих великих создателях, о могуществе римских правителей и о чудовищных зрелищах, которыми с таким упоением наслаждались зрители, заполнявшие эти трибуны. И глядя на знаменитые развалины, мы словно видим потоки крови, заливающие арену, изуродованные тела корчащихся в предсмертных судорогах гладиаторов и слышим крики разгоряченной толпы: «Убей его! Убей!» □

**Денис
Логинов**

*Улыбающийся
кавалер, 1624*

Франс Халс

Пожалуй, мало кто умел так писать жизнь, как величайший голландский портретист Франс Халс! На портретах, созданных его кистью, сияют глаза, влажно поблескивают губы, светятся задором и счастьем бытия улыбки. Его герои — самые разные люди, тут и простые ремесленники, и зажиточные купцы, и офицеры-аристократы, и бродяги-цыгане, и завсегдатаи кабаков — пьют вино, поют и танцуют, важно позируют или просто радуются тому, что вот сейчас они сыты, здоровы, спокойны, и ничто их не тревожит. Картины Халса словно излучают

энергию, а его герои, как говорили современники, на картинах казались более живыми, чем в реальности.

В голландском искусстве рядом с ним можно поставить лишь Рембрандта.

«Сохраняя индивидуальные черты модели, Халс подымает ее в то же время в какую-то иную сферу, где она начинает жить новой, более интенсивной жизнью, где быстрее пульсирует ее кровь, где горячее становится ее дыхание, где ее глаза загораются искрящимся блеском, где ее витальные потенции достигают своего предельного напряжения», — писал

*Цыганка,
1628—1630*

выдающийся российский искусствовед В.Н. Лазарев.

Франс Халс родился в Антверпене в 1582 году. Его родители переехали в этот фламандский город из Голландии, из Харлема в 1573 году. А вызван переезд был весьма драматическими событиями. Шла первая в Европе буржуазная революция. Мучительно, не жалея живота своего, голландцы-протестанты отвоевывали независимость от католической Испании и свое право жить и молиться Богу так, как они считали нужным. В 1572 году Харлем, второй по величине и важности город Голландии, осадили войска герцога Альбы. В числе защитников города был и отец будущего художника. Харлемцам в тот раз не повезло — после семимесячной осады город взяли. Разъяренные столь ожесточенным сопротивлени-

ем испанцы принялись творить невероятные мерзости. Все, кто мог, вынуждены были бежать. Бежал и Халс-старший. Пристанище он и его молодая жена нашли в Антверпене (Фландрия тогда находилась в союзе с мятежными северными провинциями). Жизнь начинали сначала, под новой крышей, среди совсем незнакомых, чужих людей. Точно не известно, чем занимался старший Халс. В одних источниках говорится, что он был суконщиком, ткачем, в других — портным. Но, в общем, сейчас это и не столь уж важно, главное — два его сына стали художниками, а это говорит о том, что и отец, видно, интересовался искусством и скорее всего тоже баловался красками.

В 1585 году испанцы подчинили себе и Антверпен, и Халсы снова бежали — теперь обратно, в свободный, протестант-

*Семейный
портрет,
1628—1630*

ский Харлем, уже входивший в состав Республики Голландия, названной по имени одной из своих провинций. Здесь, в 1591 году, родился младший брат Франса — Дирк.

Маленький Франс рано обнаружил страсть и способности к рисованию, и отец определил его на учение в мастерскую известного в Харлеме художника Карела ван Мандена, специалиста по исторической живописи. Это была большая удача — учиться у Мандена, неплохого художника и умного тонкого человека, которого называли «голландским Вазари» — как и его итальянский собрат, он написал «Книгу о художниках», сборник жизнеописаний голландских мастеров, своих современников.

Тогда в Голландии ремесло художника считалось вполне уважаемым и до-

стойным делом. Да и прибыльным тоже. Представители всех сословий, жившие в небольших, уютных городках, — купцы и ремесленники, владельцы мануфактур, офицеры, врачи, зажиточные крестьяне — с удовольствием покупали картины, чтобы украсить ими стены своих домов. На этих небольших полотнах художники изображали жанровые сценки, пейзажи, портреты, интерьеры — все, что так хорошо знакомо их заказчикам, и все, что тем хотелось видеть. Картины покупались через перекупщиков, в мастерских, на ярмарках, рынках. Стоили они недорого и были доступны всем, даже крестьянам. В соседних странах (Бельгии, Франции) цены на картины были гораздо выше, и изделия голландских художников в больших количествах покупали и заезжие гости, что экономически весьма сти-

*Веселый
субульчик,
1628—1630*

мулировало развитие голландской живописи.

Нидерландское бюргерство решительно отрещивалось не только от политических принципов католичества, но и от всего уклада жизни, которое оно диктовало. Церковь, королевский двор, аристократические приемы — все, что задавало тон в Испании, Италии, Франции, в Голландии отсутствовало. У местных живописцев не было могущественных клиентов из высородной знати, не заказывали им картины и представители католической церкви, а в протестантских кирхах живопись не играла такой роли, как в пышных католических храмах, поэтому голландские художники редко об-

ращались к библейским сюжетам, и герои их картин жили той же жизнью, что и сами художники. Отстояв ценой огромных потерь свою независимость, отстояв ее благодаря единению и общему порыву народа, голландцы гордились собой и были полны чувства собственного достоинства. Недаром именно портрет становится одним из излюбленных жанров в голландской живописи. (Иногда клиент заказывал даже несколько экземпляров своего (или членов семьи) изображения — в этом смысле тогдашние мастерские художников очень напоминали современные фотоателье.) Художники призваны запечатлеть черты поколения, сумевшего создать новое государство —

с новой религией, новой экономикой, с новым, свободным народом. И среди этих художников первым стал Франс Халс.

В 1610 году Халс — ему около тридцати — уже признанный в городе мастер, член гильдии Святого Луки (в гильдию принимали художников, камнерезов, стеклодувов). Конечно же, он пишет портреты — среди его ранних работ известны «Портрет Якоба Зафиффюса» и «Портрет человека, держащего череп». Видно, он неплохо зарабатывает и справедливо полагает, что вполне созрел для семейной жизни — 2 сентября он женится на очаровательной Анетье Хармансдр. Брак замечательный во всех отношениях — во-первых, супруга мила и покладиста, а во-вторых, ее опекун — Геррит Библант, известный в городе человек, влиятельная фигура, вхож в высшие харлемские круги. Супруги Библант покровительствуют молодому Халсам, и когда 2 сентября 1611 года у них рождается сын — первенца назвали Херменом — его крестной матерью становится госпожа Тентье Библант.

В те времена в каждом голландском городе организовывались стрелковые роты, отряды народной милиции — их воины наблюдали за порядком на улицах. Состоять в такой роте считалось весьма престижным, и, естественно, там можно было найти самых известных и зажиточных бюргеров. В военные времена такие роты участвовали в защите города от неприятеля, а в мирной жизни они занимались парадами, встречами, банкетами, организовывали почетные караулы. Это, скорее, были не военные отряды, а своеобразные, привилегированные клубы. По окончании службы офицеры устраивали торжественный обед, праздник — кстати, оплачивался он из городской казны, но приветствовались и частные взносы, — продолжался порой несколько дней, и запечатлеть сей важный момент в жизни и покидающих роту офицеров, и в истории самой роты приглашались самые известные и заслуженные художники, причем офицер, внесший большую сумму,

мог претендовать на то, что его портрет будет занимать центральное положение на картине.

Членом одного из таких харлемских «клубов», стрелковой роты Святого Георгия, был и господин Библант. Ну, и наверняка с его подачи, в 1612 году мушкетером роты становится и Халс. А уже в 1616 году ему заказывают большую работу — групповой портрет «Банкет офицеров роты Святого Георгия». Групповой портрет имел в Голландии, быстро развивающейся и стремительно завоевывающей место самой прогрессивной (и в экономическом плане, и в культурном) страны в Европе, особое значение. В такой картине можно было выразить столь ценное для граждан молодой республики чувство свободы, равноправия, товарищества, солидарности. И Халс оправдал доверие своих заказчиков. Он с блеском передал на полотне идеи общности, дружбы, полноты бытия. Вот они, победители, еще хорошо помнящие бои с солдатами испанского короля, и они сильны тем, что они вместе, и в трудные минуты жизни, и в радостные. У Халса получилась удивительная по живости, красочная, прекрасно передающая настроение пирующих картина. В центре — ротный капитан: в его руке нож, и сейчас он отрезает себе хороший кусок мяса. На почетном месте, под роскошным шелковым балдахином, сидят старшие офицеры роты — полковник и подполковник. Полковник поднял бокал, приветствуя собравшихся. Красно-белые (цвета Харлема) перевязи на мундирах офицеров, флаг на заднем плане и румяные щеки уже изрядно выпивших храбрых воинов оживляют колорит картины. Полотно вывесили в ратуше, и она тут же стала самым посещаемым заведением в городе — уж очень картина Халса понравилась харлемцам.

Но в личной жизни Халса не все выглядело столь радужно, как на его картинах. Анетье, любимая жена, умерла при родах, а затем умер и малыш, второй ребенок Халса.

*Портрет
мужчины
с бородой*

Но горечь утраты не смогла помешать ему работать. Он пробует себя в разных жанрах, не только в портрете, который уже удается ему блестяще, но и в жанровых сценках, приобретающих все большую популярность среди голландских бюргеров, которые так любят украсить ими свои чистенькие и уютные дома.

В 1617 году Халс снова женится — теперь его избранницей становится совершенно простая женщина, из самых низов, неграмотная служанка по имени Лисбет Рейнирс, шумная, а порой и скандальная дама. Да и высоконравственной ее назвать сложно — их с Халсом пер-

вый ребенок, дочь, появилась на свет через девять дней после свадьбы родителей. Но, видно, было в ней что-то такое, что привлекало Халса — ведь прожили они вместе пятьдесят лет! И родила она мужу за эти годы одиннадцать детей! Детишки у них получались неплохие — современник Халса Ханс Хоубракен писал, что у чадолюбивого художника дети отличаются живостью, любознательностью, очень любят пение и музыку.

А между тем супруг неграмотной госпожи Халс стал членом Кафедры риторики (риторической камеры) города Харлема — еще одного «клуба», теперь уже

*Масленичное
гулянье,
1615*

харлемских интеллектуалов, куда приходили — обычно по воскресеньям — почитать стихи, поговорить о книгах, попеть песни или даже поучаствовать в любительском спектакле. Здесь Халс находил и друзей, и единомышленников, и заказчиков. Так, на собраниях Кафедры риторики он познакомился с харлемским богачом Исааком Масса, который стал крестным отцом одной из дочерей художника, и которого Халс с таким теплым чувством изобразил на теперь всем известном портрете.

К 1624 году Халс — уже владелец собственной мастерской, есть у него и

ученики. Среди них — будущий замечательный мастер Адриан Браувер. Как и положено в те времена, Браувер не только осваивает мастерство учителя, но и нянчится с его детьми. Есть и ученицы, например, Джудит Лейстер, прославившаяся рисунками к каталогам тюльпанов. (Тогда вся Голландия сходила с ума — страсть к тюльпанам овладела, что называется, широкими народными массами. «Тюльпаноманией» заразились студенты и трактирщики, мясники и цирюльники, трубочисты и пивовары. Харлемские ткачи, совсем недавно не интересовавшиеся ничем, кроме своих станков и мануфак-

Группа детей, 1620

тур, с головой ушли в спекуляцию драгоценными луковицами. Неудивительно, что каталоги сортов тюльпанов ценились невероятно дорого и порой переходили из рук в руки. Вот и Джудит Лейстер внесла свой вклад в это общее безумие, неплохо на нем зарабатвав.) Частенько вечерами ученики провожали любимого учителя домой. Ну, и заходили выпить по чарочке, поговорить. Эти милые вечерние пирушки порой заканчивались за полночь. Молодежь еще способна и выпить, и поспорить, а у учителя глаза уже слипались. Перед сном Халс всегда молился, а в конце молитвы просил Бога: «Господи Милосердный, скорей возьми меня на Небеса». Однажды ученики, прознав про эту его привычку, решили проверить, насколько же господин учитель искренен. Они привязали к спинке кровати веревки и пропустили их через дырки в потолке. И вот когда Халс произносил заключительную фразу, шалуны стали медленно поднимать кровать, в полусне решив, что Господь таки услышал его молитвы, он в ужасе закричал: «Не так скоро! Не так скоро, Господи!» Умирая от смеха, ученики медленно опустили кровать на место и убежали. Говорят, что их учитель узнал о том, что тогда его поднимал на небеса не Бог, а Божьи созданыя, противные мальчишки, которых он приобщал к живописи, только через несколько лет.

В 1624 году появилась и одна из самых знаменитых работ художника, да и вообще один из самых известных портретов в европейской живописи — «Улыбающийся кавалер».

Глядя на этого человека, мы, не зная ни его имени, ни обстоятельств его жизни, фактически можем сказать о нем все: это явно офицер, и наверняка он пользуется неизменным вниманием слабого пола — иначе отчего бы так лихо закручены вверх его усы, отчего так лукаво светились глаза и так изысканны кружева на рукавах! Его костюм явно стоит больших денег — этот человек отнюдь не беден. А кто был не беден в хал-

совском Харлеме — пивовары и ткачи, владельцы больших мануфактур. Так что, скорее всего, этот весьма довольный собой и своей жизнью господин — из них, из местных богачей. И как-то скорее верится в то, что он был связан с пенящимся, золотым пивом — уж слишком свеж цвет его лица и упруги румяные щеки! Пиво считалось в Голландии национальным напитком. Его пили во время, до и после еды, а иногда и вместо, дома и в трактирах. К 1600 году посетители харлемских пивных выпивали около 250 тысяч гектолитров пива в год! Кстати, среди заказчиков Халса в то время множество харлемских пивных магнатов, владельцев пивоварен.

В этой работе мастерство Халса — портретиста, психолога и колориста — достигло высочайшего уровня.

В 1627 году он снова пишет парадный групповой портрет — на сей раз «Банкет офицеров стрелковой гильдии Святого Адриана». А чуть позже еще один — «Банкет офицеров стрелковой гильдии Святого Георгия». «Во всем — непринужденность и изящество человека, уверенного в себе. ...Головы не в равной степени хороши по исполнению, но все выразительны и поразительно индивидуальноны... Халс в полном расцвете...», — писал об этих полотнах Эжен Фромантен.

Халс работает энергично и быстро. Он — первый в европейской живописи мастер свободной, «эскизной» живописи. Почти не делая набросков, рисунков, он сразу кистью создает композицию, дает и рисунок, и цвет, и форму, и объем. Мазки, которые он кладет, казалось, не думая, виртуозно передают и мимику, и движение. Однажды в дверь его дома постучали. Гость оказался неким иностранцем, прослышавшим о харлемском мастере и пожелавшим получить свой портрет его кисти. Цену чужеземец согласился платить высокую, да еще за быстроту художнику обещал огромную надбавку. Отказываться от столь выгодного предложения было по меньшей мере глупо. И Халс, усадив гостя, принял

за работу. Через два часа портрет был готов. Вручив Халсу обещанные деньги и высказав восхищение, странный гость сам захотел написать портрет — портрет хозяина дома. Прошел час, и гость пригласил художника взглянуть на свою работу. «Черт возьми, кто вы такой! — воскликнул Халс. — Так может рисовать только великий Ван Дейк!» И Халс оказался прав — его гостем действительно был Ван Дейк. Вот так они и познакомились, эти два выдающихся живописца — голландец Халс и фламандец Ван Дейк.

В 1636 году Ван Дейк, приглашенный ко двору английского короля, позвал Халса поработать в Англии, однако тот отказался — он любил свой город, его узкие улочки и каналы, горбатые мосты и устремленные в небо шпили церкви, трактиры и рынки, любил его обитателей, богатых и не очень, зажиточных бюргеров и неунывающих нищих. И харлемцы отвечали ему взаимностью. Ценили и уважали. А художники Харлема даже выбрали его в Совет гильдии Святого Луки, в правление своего «профсоюза». У дверей его мастерской всегда толпились потенциальные заказчики — всем хотелось получить портрет своей, а еще лучше — своей семьи, сделанный знаменитым мастером. Договорившись о сеансах позирования, шли сюда харлемские бюргеры, ведя жен, а то и всех детей — целыми семьями, надев свои лучшие костюмы. И Халс пишет семейные портреты, и с особым чувством — детишек — у него это получалось замечательно.

Что отличает Халса от других художников, так это то, что ни у кого нет столько улыбающихся лиц, как у него! При этом на картинах Халса улыбаются и смеются не только почтенные члены общества, но и простонародье. Вот, например, очаровательная, полная огня «Цыганка». С непокрытой головой, распущенными волосами — верх неприличия! — да еще с почти обнаженной пышной грудью, в красном платье, она улыбается нам, и ее призывная улыбка полна обещания плотских утех. Скольких она

Малле Баббе, 1630—1633

соблазнила своей чарующей улыбкой, эта свободная от всех условностей и догм цыганка! И совершенно ясно, что среди ее жертв мог быть и Франс Халс, она обворожила и его! Как зарабатывала себе на жизнь героиня Халса? Кто знает. Но очень может быть, что она работала в одном из домов терпимости, которых в протестантской, чопорной и упорядоченной Голландии было множество. Известно, что в 1681 году Амстердам по числу этих веселых заведений уступал лишь Парижу!

А вот совершенно другая улыбка — страшноватая, демоническая. Малле Баббе — так звали хозяйку самой дешевой харлемской харчевни. А еще ее звали «харлемской ведьмой». Недаром Халс пишет на плече Малле Баббе сову, символ темных сил. Закончила Малле Баббе свои дни в исправительном доме — видно, попала она туда не зря... Халс великолепно умеет связать образ портретируемого со средой, в которой тот живет. Глядя на эту картину, легко представить дешевый ка-

*Банкет офицеров
роты святого Георгия, 1616*

бачок — шумные завсегдатаи, не стесняющиеся в выражениях, хриплый хохот, порой мелкие потасовки, кружки пенящегося пива, и в центре — она, эта старая ведьма, «королева бала»...

Когда говорят о пуританском характере, пуританской этике, имеют в виду умение работать, обеспечивать жизнь семьи, быть благопристойным и правильно вести свои дела. У Халса получалось только работать. Это он делал самозабвенно, однако зарабатывать деньги у него выходило не всегда. Порой не хватало даже на краски и холсты, а после его смерти осталась куча неоплаченных счетов от мясника и пекаря, сапожника и аптекаря. Он никогда не старался угодить заказчику, был честен и не лицемерил, писал то, что видел, а не то, что хотел увидеть какой-нибудь чванливый бюргер, в кармане которого, в отличие от Халса, водились денежки, что, как он полагал, давало ему право диктовать художнику свои условия. Иногда Халсу страшно мешал его независимый и упрямый характер. Од-

нажды ему заказала большой парадный групповой портрет одна из амстердамских стрелковых рот, так Халс заявил, что он напишет головы в Амстердаме, а остальное — в своей мастерской, в Харлеме. Начались долгие переговоры, цену подняли до невероятных высот, а художник заупрямился и вообще отказался от заказа. А ведь до Амстердама из Харлема всего-то двадцать километров! И съездить, уважить достойных людей ему ничего не стоило!

Да и дома не все шло хорошо. В 1642 году больной сын Питер, с рождения не совсем нормальный, окончательно помешался, и его поместили в сумасшедший дом. А тут и доченька Сара, работница мануфактуры, преподнесла сюрприз — забеременела, да уже во второй раз! Халс с женой решили попытаться хоть слегка поправить материальное положение, обвинили хозяина заведения в том, что это он совратил и обесчестил их невинную девочку. Начался суд. Но все дело испортила сама Сара — во время

*Питер
ван ден Брокке,
1633*

разбирательства она призналась, что ее дружком был племянник отцовского приятеля Исаака Массы! Снова неудача.

И тут в его жизни происходит важное событие — он знакомится с выдающимся философом Рене Декартом, более двадцати лет жившим в Голландии, в Лейдене, в знаменитом на всю Европу университете, куда съезжались из самых разных стран и ученые, и студенты — свободная Голландия считалась не только центром демократии, но и наук, просвещения. Несомненно, знакомство с Декартом не прошло для художника даром. Жаль лишь, что после окончания портрета ученый уехал по приглашению шведской королевы Христиании в Стокгольм.

А у Халса дела становились все хуже и хуже. В 1661 году его постиг страш-

ный позор — за неуплату взносов исключили из гильдии Святого Луки, по сути, исключили из официального круга харлемских художников. Правда, городские власти назначили ему пенсию — очень небольшую — эта сумма не могла обеспечить его даже самые минимальные потребности, а тем более, дать возможность расплатиться с долгами. Стали поговаривать, что художник спился. Сошел с ума. И тут Халс снова доказал всем, что он в Голландии — первый художник. В 1664 году появляются два гениальных полотна — «Регенты приюта для престарелых» и «Регентши приюта для престарелых». Здесь Халс достиг потрясающей психологической глубины, которой, может, ему и не хватало в молодые годы.

Художнику — 84 года. Он хорошо знает, что такое старость, болезни, немощь. И он предельно честен, изображая этих престарелых господ и дам, попечителей и попечительниц приюта для стариков. В его регентах — разочарование и обреченность, безволие и духовная опустошенность. И каждый страшно одинок. Где та радостная общность, которая веселила сердце на ранних групповых портретах Халса? Все осталось в другом времени. Почтенные дамы-регентши в неизменных чепцах — протестантская церковь строго требовала, чтобы женщины покрывали голову — сидят вокруг черного стола, на котором ярким пятном лежит гроссбух приюта. Темные одинаковые платья, одинаковые же белые воротнички. Но как выразительны эти скупые черные и белые тона! Ван Гог как-то сказал, что у Халса 27 оттенков черного. Подагрические, высохшие руки. Морщинистые, застывшие лица — жизнь этих женщин вся в прошлом. И ничего у них нет впереди. Ничего не оставалось впереди и у самого художника...

Умер Халс 29 августа 1666 года. 1 сентября его похоронили в соборе Святого Бавона — народу было очень немного, только самые близкие. Харлемцы не знали, что в этот день провожали в последний путь самого известного их земляка, благодаря которому в разных странах мира люди помнят об их маленьком провинциальном городке, подарившем миру генерального художника.

Во второй половине XIX века интерес к творчеству Халса невероятно вырос. Его картины все чаще стали появляться на аукционах, и покупались они за сумасшедшие деньги как частными коллекционерами, так и большими музеями. Сегодня полотна Халса хранятся в самых лучших собраниях Америки и Европы, ими гордятся Лувр и Метрополитен, Эрмитаж и Лондонская Национальная галерея. Но чтобы действительно почувствовать обаяние и мощь живописи Халса, конечно же, надо приехать в его родной город Харлем, где бережно хранится самая большая

*Пьющие мальчики,
1623—1625*

коллекция работ художника. Основное здание музея располагается в доме, где раньше была та самая богадельня, регенты и регентши которой стали персонажами последних шедевров художника. Богадельня существовала до 1810 года, потом ее переоборудовали в сиротский приют, а 14 мая 1913 года здесь открылся музей Халса. Походите по рыночной площади Гротте Маркт, полюбуитесь собором Святого Бавона (или как его еще называют Гротте Керк), на органе которого играли Моцарт и Гендель, зайдите в старую ратушу, поблуждайте по уютным улочкам, — и в старую богадельню, к Халсу, на встречу с его временем, с его героями, с его вечным живым искусством... □

иллюстрация
Геннадия Новожилова

Любовь Русева

Апостолы
любви
и милосердия

Апостолы любви и милосердия

— Будет ли толк от них? — поинтересовался у Пирогова князь Меншиков, узнав, что скоро в Севастополь прибудет первый отряд сестер милосердия. — Чтобы не сделать-с еще третьего сифилитического отделения в госпитале.

— Не знаю, ваше сиятельство, все будет зависеть от личности женщин, которых выберут. Мысль учреждения, очевидно, хороша и уже практически применена, остается знать, как удастся применение у нас.

Применение удалось на славу. По-нашему, по-русски. Чиновники медицины с появлением отрядов Крестовоздвиженской Общины взвыли. Но не по причине, которую высказывали императору, противясь участию женщин в войне, — разврат в армии. По словам Николая Ивановича, это был их единственный и самый сильный довод, потому-то в одном письме к жене он сообщит: «...До сих пор ничего не слышно о любовных интригах с офицерами, но, как об этом начали было поговаривать, то я запретил посылать сестер к юнкерам, тем более, что между ними мало опасных раненых». Взвыли они потому, что Пирогов, которому император поручил попечение обо всех госпиталях в Крыму, отдал их на растерзание этим холеным изнеженным дамочкам. «Теперь никто не может себе представить всю отвратительность и тупоумие тогдашнего официального администрировавшего медицинского персонала. Эти господа сразу смекнули, куда поведет учрежденный мною нравственный присмотр и контроль административного попечения над руководителями госпитальных порядков. Дела эти были поручены мною сестрам... Это смутило господ администраторов, и они стали громко роптать на превышение власти (с моей стороны), и только благодаря благосклонному вниманию генералов Сакена и Васильчикова я обязан тем, что, несмотря на все интриги, за сестрами был удержан весь надзор за госпиталями».

Но бороться с хищниками-казнокрадами сложно. Они были не по зубам даже князю Меншикову. Главнокомандующий приказал заготовить 200000 четвертей муки. Заготовили, но кто его знает, куда она делась, видно, смерч обоз настиг. Приказал 11 миллионов пудов сена — заголосили: «Помилуйте, ваше сиятельство! Дай Бог, четыреста тысяч набрать». Врачи завалили жалобами, мол, комиссариатские чиновники жульничают, дерут лишние рецепты. Покладистые медики иногда хоть какие-то лекарства получали, а вот в Симферополе сыскался принципиальный доктор, не потакал жуликам. Эх, молодо-зелено! 80 солдат померло у него от лихорадки — без хинина сидел, чтоб другим неповадно было свои принципы наружу вытаскивать.

— Распорядился я своею властью выдать раненым со складов восемьсот матрацев, — сказал Нахимов. — Глядишь, и под суд отдадут. После войны.

Но то, что не под силу было мужчинам, сделали женщины. «...Бакунина вела все дела присмотра за уходом больных с та-

ким тактом, энергией и совестливостью, что полученный успех оказался блестящим и для всех здравомыслящих людей неоспоримым. Все, что прежде удерживали и не выдавали, и теперь еще старались удерживать; но Бакунина пунктуально исполняла мои и других медиков предписания, настоятельно вытребовывала недоданное. Неудивительно, что подобное вмешательство и такая деятельность женщин не могли быть приятны господам командирам и официальным инспекторам».

Тем не менее спустя два месяца после прибытия сестер в Севастополь Пирогов еще жалуется жене: «...езде воруют и везде беспорядок по-прежнему... В госпиталях нет ни одного лишнего матраца, нет хорошего вина и хинной корки, ни кислот даже на случай, когда тиф разовьется. Врачей почти половина лежит, — больны, и еще что из всего этого хаоса точно хорошо, так это сестры милосердия. Дай Бог здоровья великой княгине: она одна сделала истинное благодеяние для края. Если бы не они, так больные лакали бы вместо сытного супа помой и лежали бы в грязи. Они и хозяйничают в госпиталях, и кушанье даже готовят, и лекарство раздают, — за то также и болеют, опять двое заболели и одна, Бакунина, — тифом. Если будешь кого видеть от великой княгини, то скажи, что я приготовлю 2-й подробный отчет о действиях сестер, и прочтет ли его она или нет, а я ей пошлю, потому что я горжусь сам их действиями; я защищал мысль введения сестер в военных госпиталях против дурацких нападений старых колпаков, и моя правда осуществилась на деле...»

Пирогов разделил сестер в каждой дежурной смене на перевязочных, аптекарш и хозяек. Первые помогали врачам при операциях и перевязках; вместе с фельдшерами приготавливали перевязочные средства. Вторые следили за правильной раздачей лекарств, проверяли работу фельдшеров. Сестры-хозяйки наблюдали за содержанием больных, чистотой белья, питанием. В руках милых дам оказались продукты, медикаменты и вся материальная часть. Они хозяйничали на кухнях (отмеряли по норме продукты, засыпали в котлы, после чего их запечатывали), штурмовали цейхгаузы, где, точно натасканные ищейки, обнаруживали складские тайники, вытаскивали на свет Божий «затерянные» палатки, сотни «позабытых» матрацев, одеял, — словом, все, что запрятали интенданты. Комиссары вопили: сестры-де внесли беспорядок...

Александра Ивановна Травина, заведовавшая хозяйством, аптекой и порядком, и вовсе жила при перевязочном пункте. Почище Кошца Бессмертного дамочка оказалась: тот так свое сокровище не охранял, как она медикаменты и перевязочные материалы, жизненно необходимые раненым. Никакой смерч ей не страшен — ничего не утащишь.

Эти изнеженные аристократки в прямом и переносном смысле выпряживали души из казнокрадов. В том же письме от 23 марта Пирогов сообщает жене: «Да, вот еще геройский поступок сестер, о котором я сейчас услышал... — они в Херсоне аптекаря, говорят, застрелили. Истинные сестры милосердия! Так и нужно, одним мошенником меньше. Не худо, если бы и с здешним Федором Ивановичем сделали то же. Правда, аптекарь сам застрелился или зарезался, — до оружия дела нет; но это все равно. Сестры подняли дело, довели до следствия, и дела Херсонского госпиталя, верно, были хороши, коли уже аптекарь решил себя на тот свет отправить. Но за то они должны теперь ухо остро держать: с комиссарским ведомством шутки плохи...»

Николай Иванович, собираясь покинуть Севастополь, чрезвычайно переживал за своих помощниц. При нем их все любят, носят на руках, но что будет, когда он уедет? «Достанется и сестрам; уже и теперь главные доктора и комиссары распускают слухи, что прежде без сестер, с одними фельдшерами, шло лучше. Я думаю, действительно, для них шло лучше; я учредил хозяек из сестер, у которых теперь в руках водка, вино, чай и все пожертвованные вещи, — это комиссарам не по зубам, и потому прежде шло лучше».

Частично опасения великого хирурга оправдались — ушат грязи вылили на головы женщин. Некоторые-де потому в затишье ходят купаться на море, что собираются уплыть к стоявшим неподалеку французским кораблям. Одна из сестер из своих окон по ночам подает сигналы англичанам — военные секреты выдает. А уж о «любовных интрижках» и говорить нечего. Но что все эти сплетни и трудности в борьбе с интендантами по сравнению с минутой, когда приходится возвращать матросу два рубля, которые он просил передать своей «вдове»? Что все эти дразги по сравнению со словами раненного солдата, сказанными вослед:

— Вот сестра идет, ах, дай Бог ей здоровья, да и тем, кто прислал их сюда! Кто досмотрит нас хорошо? — сестра; кто покормит, напоит, как мать ребенка? — сестра; кто постарается белье чистое достать — сестра. Все сестра да сестра.

Когда Николай Иванович вернулся в Крым, многое пришлось начинать сызнова. Эвакуированные в Симферополь раненные находились в ужасных условиях. «Всякий вечер до 1-го часа я провожу с Хитрово, Бакуниной и Карцевой — три столба Общины. Я не понимаю, как великая княгиня с ее умом и желанием добра могла послушать наветов на Бакунину, — это удивительная женщина: она с ее образованием работает, как сиделка, ездит с больными в транспорты и не слушает никаких наветов, держит себя, как нужно даме ее лет и ее образования. Хитрово — опытная женщина, по делам общины мне много помогает и сообщает многое, чего я не знал, не занимаясь Общиной, т.е. внутренним бытом, так, как теперь. Карцева принялась совестливо за дело, и мы в 7 дней так поставили запущенный госпиталь, что теперь не узнаешь. Отдали вместе с нею смотрителя под следствие, завели контрольные дежурства из сестер, и обо всем всякий день она приходит мне сообщать отчет...»

Наскоро сколоченные из досок бараки для раненых не защищали их ни от холода, ни от дождя. Пирогов беспрестанно и безрезультатно просил дрова для отопления «ледяных барачков» генерала Остроградского, возглавлявшего симферопольскую администрацию. Не выдержав, он в очередном послании допустил недопустимое: «имею честь представить на вид». Генерал пожаловался главнокомандующему, «и вследствие этой жалобы мы дров не получили, но я зато получил резкий выговор сперва от Горчакова, а позднее от самого государя».

Под стать хирургу были и сестры. Раненые, спасенные ценой невероятных усилий, гибли во время транспортировки. Николай Иванович создал особое транспортное отделение сестер, которое возглавила его надежная помощница Бакунина. Она должна была проверить, перевязывают ли на этапах раненых, чем их кормят и поят в пути, дают ли им одеяла и полушубки... До Перекопа добрались благополучно: ни одного раненого не потеряли. «Бакунина... ездит с транспортами до Перекопа: трудны дороги, ночи в аулах, постоянное наблюдение за больными ей нипочем, редкий характер; нельзя не уважать».

В Симферополе Пирогов вместе с Хитрово и Карцевой «вводили всевозможные крючки», чтобы поймать госпитальных воров. «Карцева просто неумоима, день и ночь в госпитале, и варит для больных, и перевязывает, и сама делает все, и всякий день от меня выходит с новыми распоряжениями. Несмотря на то, еще мы не успели поймать, отчего куриный суп, в который на 360 человек кладется 90 кур, таким выходит, что на вкус не курицей, а крупой одной действует, тогда как сестры варят меньшее количество и меньше кур кладут, а вкус лучше; уж мы и котлы запечатывали, все не помогает, а надобно подкараулить; право, жалко смотреть: дают такое количество, что можно было бы чудесно кормить, а больные почти не едят суп».

Но самая трудная обязанность сестер милосердия — дежурства на главном перевязочном пункте и в госпиталях. К приезду Пирогова в Севастополь раненые в двух кровопролитных сражениях загрохотали город: лежали на улицах, во дворах, без

крова и пищи. Тысячи еще ждали «первой помощи». «Жизнь, которую я веду, не позволяет скучать... Мыслей других нет и быть не может, как о раненых; засыпаешь, видя всё раны во сне. Пробуждаешься с тем же... Пробыв 12 дней в Севастополе, я успел в это время распределить больных по отделениям, отделить нечистые раны от чистых и оперировать всех запущенных с 24 октября. Кончив это, я отправился 25 ноября в Симферополь».

Из Севастополя раненых везли в Симферополь, который превратился в город-госпиталь. Губернское правление, Дворянское собрание, благородный пансион, десятки частных домов — все занимали раненые. Но везде — грязь, голод, холод, свирепствовали гангрена и тиф. Врачей же — единицы, вместо фельдшеров — цирюльники, лазаретной прислуги и вовсе нет. Лекарств почти не было: всего одна-единственная аптека на весь город. Бинты, ветошь, компрессы присылали не годные к употреблению, да и таких недоставало — их снимали с умерших, стирали и еще мокрыми накладывали на живых.

— Вся Россия щиплет корпию, — возмущался Пирогов, — а перевязывают ею англичан. Для русского же солдата у вас одно лекарство — солома.

В ответ на это «исчезла» и солома. Слава Богу, в конце ноября 1854 года в Симферополь прибыл 1-й Отряд Крестовоздвиженской Общины (28 сестер милосердия) во главе с Екатериной Петровной Стахович, который привез с собой тьму необходимых медикаментов, перевязочного материала и теплых вещей. Пятерых сестер Николай Иванович отправил в бахчисарайский госпиталь, оставшиеся сразу приступили к «святому служению под знаменем креста». Пирогова порадовало, с каким усердием и самоотвержением принялись они «за трудную обязанность служить ближнему». Но спустя 20 дней их деятельность временно прекратилась. «Большая часть сестер, еще молодых и не привыкших к госпитальным занятиям, жертвуя чрезмерно собою на новом поприще, изнемогли от трудов и от разрушительного влияния господствовавших эпидемических болезней...» В числе заболевших тифом — и сама Стахович. Община понесла первые потери: в Симферополе от «тифозной горячки» умерли 4 сестры милосердия, в Бахчисарае, где все посланные также заболели, — одна.

Первый же в «русской Трое» оказался 2-й отряд во главе с Меркуловой. 13 января 1855 года защитники Южной стороны, к удивлению своему, увидели женщин в коричневых платьях, белых чепчиках, воротничках, манжетах и передниках. Офицеры сострили:

— Голубая лента на шее сестры и ее голубые глазки напоминают о небе.

Но после первого же «дела» даже подобные безобидные шутки не сорвутся из уст этих доблестных защитников. По словам Пирогова, сестрам пришлось прямо идти в огонь страшной крымской кампании. Бакунина, находившаяся при 1-м перевязочном пункте и последняя из сестер покинувшая Южную сторону после взятия Малахова кургана, начнет свои воспоминания словами: «Боже, что это было за трудное и мучительное время!»

Великий хирург впервые ввел «сортировку» раненых. Всех приносили на перевязочный пункт. Легкораненые, получив помощь, возвращались на бастионы, смертельно раненых сразу относили в дом Гущина, тех, кого еще можно было спасти, оперировали тут же, остальных отвозили в другие помещения госпиталя. Сестры милосердия служили везде.

О действиях сестер во время бомбардировки Пирогов писал: «Для всех очевидцев памятно будет время, проведенное с 28 марта по июнь месяц в Дворянском Собрании... Двери залы ежеминутно отворялись и затворялись: вносили и выносили по команде: «На стол», «На койку», «В дом Гущина», «В Инженерный», «В Николаевскую»... «Более месяца врачи и сестры неусыпно день и ночь действовали на главном

перевязочном пункте. Старшая сестра 2-го и 3-го отделений Екатерина Михайловна Бакунина отличалась своим усердием. Ежедневно днем и ночью можно было ее застать в операционной комнате ассистирующею при операциях в это время, когда бомбы и ракеты то перелетали, то не долетали и ложились кругом всего Собрания, она обнаружила со своими сообщницами присутствие духа, едва совместное с женскою натурою и отличавшее сестер до самого конца осады. Трудно решить, чему должно более удивляться, хладнокровию ли этих сестер или их самоотвержению в исполнении обязанностей. Военное время налагает на врачей обязанности, иногда жестокие, но необходимые для общей пользы. Так, при огромном скоплении раненых необходимо сосредоточивать всю врачебную деятельность на вспомоществовании тем, для которых помощь необходима и полезна; ибо, излишне занимаясь безнадежными, можно легко упустить из вида тех, которым своевременная помощь могла бы возратить жизнь и здоровье... Так было и на главном перевязочном пункте в Дворянском Собрании: раненые, беспрестанно приносимые по несколько, свидетельствовались в большой зале, и тут же делался приговор врачей: можно ли им еще спасти жизнь, нужно ли пожертвовать членом для спасения, или отнести раненого к числу безнадежных. Первые переносились в операционную залу или в Николаевскую батарею и поступали после оказанного пособия на руки сестер, находившихся под руководством Бакуниной, вторые отсылались в дома: Гущина, Орловского и Инженерный, где сестры Травина, Григорьева, Голубцова и Богданова делали, что могли, для облегчения участи страдальцев, действуя то по предписанию врачей, то по собственному благоусмотрению, ознакомившись из опыта с этим родом страданий. Велика и высока была обязанность этих сестер: им поручались и последние желания, и последний вздох умирающих за Отечество! Кровавые траншейные битвы 10 и 11 мая требовали со стороны врачей и сестер усилий, доходивших до изнурения сил, тем более, что раненые прибывали на главный перевязочный пункт ночью. Утомленные ночными дежурствами, производством операций, перевязкою раненых врачи и сестры в течение этих достопамятных дней не знали другого спокойствия, кроме короткого сна на лавках и койках в дежурных комнатах, пробуждаемые лопанием бомб и воплем вновь приносимых раненых».

Бакунина об этих же днях писала сестре: «С понедельника на вторник наши выходили рыть траншеи, — кажется, между пятым и шестым бастионами, — и устраивать батареи под прикрытием войск. Мы были наготове всю ночь. Ночь прошла благополучно, и во вторник днем все было тихо и спокойно. Вечером опять ждут, и все необходимое готовят в нашей белой мраморной с розовыми пилястрами зале... Все это еще в полумраке, в какой-то странной тишине, как перед грозой; в зале пятнадцать, а может быть, и более докторов; иные сидят в операционной комнате, другие попарно ходят по зале. Офицер и смотритель торопливым шагом входят и выходят, распрягаясь, чтобы было больше фельдшеров, больше рабочих. А когда посмотришь в дверь или в ряд высоких окон по обеим сторонам нашей залы, то ночь такая светлая, тихая, тонкий серп луны блестит так ярко, звезды такие ясные!.. Но в десятом часу точно молния блеснула, и раздался треск, даже стекла задрезбуждали в рамках и блестит все чаще и чаще... Нельзя расслышать отдельных ударов, но все сливается в один гул. Это пальба на 5-м и 6-м бастионах, там, где работают новые батареи...

Мы сидим и слушаем все в том же полумраке. Так проходит около часа... Вносят носилки, другие, третьи. Свечи зажглись. Люди забегали, засуетились, и скоро вся эта большая зала наполнилась народом, весь пол покрылся ранеными; везде, где только можно сесть, сидят те, которые притащились кое-как сами. Что за крики, что за шум! Просто ад! Пальба не слышна за этим гамом и стонами. Один кричит без слов, другой: «Ратуйте, братцы, ратуйте!» Один, увидев штоф водки, с каким-то отча-

янием кричит: «Будь мать родная, дай водки!», во всех углах слышны возгласы к докторам, которые осматривают раны: «Помилуйте, ваше благородие, не мучьте». И я кричу сама, насилию пробираясь между носилок, кричу: «Сюда рабочих! Этого надо отнести в Гушин дом, этого — в Николаевскую батарею, а этого положить на койку».

Много приносят офицеров; вся операционная комната наполнена ранеными, но теперь не до операций: дай Бог только всех перевязать. И мы всех перевязываем. Принесли офицера; все лицо обито кровью. Я его обмываю, а он достает деньги, чтобы дать солдатам, которые его несли; это многие делают... Наконец, рассвело. Пальба прекратилась. При доме Собрания есть маленький садик. Представь себе, — и там лежат раненые. Я беру водки и бегу туда. Там, при чудном солнечном восходе из-за горы над бухтой, при веселом чириканье птичек, под белыми акациями в полном цвету, лежит до 30 тяжело раненных и умирающих. Какая противоположность с этим ясным весенним утром!.. Говорили, что в эту страшную ночь вышло из строя 3 000 человек; у нас перебивало более 2 000, и было 50 раненых офицеров. На другой день начались операции и продолжались во весь день до вечера... на третий день пальба была меньше и раненых — тоже; мы думали, что можно отдохнуть, но вдруг двери отворились и пошли носилки за носилками; и это оказались несчастные, которые были ранены еще в ту ужасную ночь и так пролежали там почти двое суток. Иным французы давали воды и галет. Все были ранены в ноги...»

«Французы не позволяли убирать наших убитых в траншеях... несмотря на то, что с нашей стороны выкидывали 3 раза парламентский флаг... Это делали, вероятно, для того, чтобы убрать втихомолку своих убитых и тем показать, что у них меньше убиты, чем у нас. Раненые, лежавшие целые два дня, рассказывают, что неприятель возился целую ночь, собирая свои. Один солдат, наш раненый, рассказал, что он просил у одного француза напиться, показывая ему рукой на небо, но он в ответ ему плюнул. Какой-то другой раненый, англичанин, лежавший возле него, сжалился над ним, дав ему воды из манерки и галету...» (Н.И. Пирогов)

Вместе с нашими защитниками приносили и пленных французов, которые после операции лежали в одних палатах с русскими. Сестер до слез трогало, когда в тяжелом состоянии соотечественник просил ее:

— Родимая, ты уж обо мне не заботься, а поди к этому французу — ведь он здесь, сердешный, не на своей стороне.

— Только очевидец мог составить себе верное понятие о самоотвержении и героизме этих женщин, — говорил профессор хирургии Христиан Яковлевич Гюббенет, работавший на другом перевязочном пункте, — с редким мужеством переносили они не только тяжкие труды и лишения, но и явные опасности. Они выдержали бомбардирование с геройством, которое сделало бы честь любому солдату. На перевязочных пунктах и в госпиталях они делали перевязки раненым, не трогаясь с места, несмотря на то, что бомбы, то и дело, летали кругом их и наносили присутствующим тяжелые раны. Еще более удивления достойны многие из них (Борщевская, Мещерская и другие), с истинно христианской любовью помогавшие врачам при самых трудных операциях, перевязывавшие кровоточащие сосуды с величайшим хладнокровием и вообще подававшие больным всякого рода помощь.

«О самоотверженной деятельности сестер милосердия в Крымских госпиталях надо спрашивать не меня, — писал из Севастополя другу и коллеге Пирогов, — так как я не беспристрастен, ибо горжусь тем, что руководил их благотворительной деятельностью, но самих больных, которые пользовались их уходом».

Те, кто пользовался уходом сестер, настолько благоговели перед ними, что перевод в другую палату или помещение отрицательно сказывался на их душевном состоянии, и они требовали перевести их назад. Часто больные просили, чтобы вместе с

ними переводили и ухаживавших за ними сестер милосердия. Как-то бомба, пробив крышу и потолок палаты, упала между ранеными и зарылась в землю. Это случилось в присутствии старшей сестры госпиталя, которая выразила опасение за их жизни.

— Матушка! Бомба-то ничего, а вот ты у нас не отыми дорогой нашей сестрицы!

В каждом номере журнала «Морской сборник» за 1855 год можно найти письма или заметки свидетелей героического служения в осажденном городе сестер милосердия. Приведу всего несколько. «В доказательство, что попечение сестер о раненых истинно облегчает солдат наших, может служить следующий случай: тяжело раненный, весьма беспокойный после операции солдат настоятельно просил, чтобы одна из сестер оставалась при его постели. На вопрос, почему он этого желает, он отвечал: «Хоть потолкайся, матушка, около меня, так мне уж легче будет».

Раненые умирали в присутствии сестер и за них готовы были жизнь отдать. Когда рядом с госпиталем на графской пристани взорвалось судно с порохом, баронессу Будберг контузило и засыпало стеклами и рамами выбитых окон. Один из ампутированных, за которым она ухаживала, бросился ее вытаскивать. После окончания войны госпитали закрыли. Одна из сестер милосердия возвратилась в свое небольшое заложенное имение. Каково же было ее удивление, когда оказалось, что оно за несколько дней до ее возвращения было выкуплено и все долги ее уплачены. Много позже сестра узнала, что это сделал один из раненых офицеров, лежавший в ее палате.

Бакунина посещала раненых и не в свое дежурство, чтобы просто с ними поговорить или почитать книгу.

Врач Сеницын, знавший Бакунину, писал: «Через несколько лет после крымской войны современница ея, английская сестра милосердия мисс Найтингель (Nightingale) издала свои записки, переведенные потом на все европейские языки и доставившие ей известность и уважение всего цивилизованного мира. А наша труженица, такая же возвышенная, как и ея английская современница, такой же апостол любви и гуманности, тихо, безвестно трудилась в маленьком уголке России, и имя ея мало кому знакомо было за пределами этого уголка... «Больше сия любви никто же иметь, да кто душу свою положит за други своя», сказал евангелист Иоанн. Покойная действительно положила душу свою во имя этой любви...»

Эти слова можно отнести ко всем крестовоздвиженским сестрам милосердия, из которых каждая четвертая нашла свою могилу в Крыму. Они были совсем разные: вдова мелкого чиновника Травина и баронесса Будберг, дочь канцеляриста Голубцова и княгиня Щербатова, вдова коллежского советника Григорьева и Щедрина... Но все они были апостолами любви и милосердия. □

A black and white illustration. In the upper left, a man with a large, detailed tattoo on his left hand is shown in profile, looking upwards with a pained or intense expression. In the center, a woman with her hair pulled back looks down with a distressed, almost tearful expression. In the lower right, a soldier in a military cap looks upwards. The style is graphic and expressive, with strong contrasts and visible brushstrokes or ink lines.

иллюстрация
**Алексея
Остроменцкого**

Бриллиантовый **ПСИХОЗ**

**Илья
Дервянко**

Пролог

15 августа 1812 года. Война с Наполеоном. Н-ская губерния, деревня Лозовка, усадьба помещиков Коробковых.

Благодаря окну, разбитому кем-то из одуревших ввиду шаткости привычной власти мужиков, по комнате разгуливал шустрый ветерок, притащивший с собой несколько рано пожелтевших листьев, содранных с деревьев помещичьего сада. Графиня Амалия Львовна Коробкова, сухопарая сорокалетняя дама в темном дорожном платье, неестественно застыла в высоком деревянном кресле, судорожно прижимая к плоской груди худые пальцы. Взгляд графини — неподвижный, отсутствующий — до ужаса пугал молоденькую кузину Лизу, девушку нервную и впечатлительную. Пугал гораздо больше, чем неумолимо приближающиеся наполеоновские войска, чем поголовно пьяные, неуправляемые, вконец распустившиеся мужики. Лиза морщила хорошенький вздернутый носик, поминутно вытирала глаза и дожидалась лишь повода разрешиться по-настоящему, например, известия, что в имение уже вломилась французская солдатня, или что лозовские крестьяне, недавно наотрез отказавшиеся грузить на подводы графские пожитки, окончательно взбунтовались и намереваются «поднять господ на вилы». Нарушить молчание она, однако, не решалась. Томительно тянулись минуты. Хулиганистый ветерок беззастенчиво трепал прически дам. Наконец, в коридоре послышались шаркающие шаги. Обе женщины невольно напряглись. Скрипнула дверь. В комнату, отдуваясь, вошел управляющий помещьем Михаил Михайлович Скляров или попросту Михалыч, — низенький, толстенький, плешивый старичок, верный слуга Коробковых, знавший графиню буквально с пеленок и потому позволявший себе в общении с ней некоторые вольности, впрочем, вполне безобидные.

— Есть две новости, одна — хорошая, другая — плохая, — отвесив почтительный, но легкий поклон, доложил он.

— Начни с плохой! — осевшим голосом распорядилась Амалия Львовна.

Кузина Лиза всхлипнула.

— Французы менее чем в пятнадцати верстах отсюда, — кряхтя, сообщил Михалыч.

— А х-хорошая? — Лицо Коробковой дрогнуло, налилось румянцем.

— Мужички больше не артачатся, спешно загружают подводы. Через полчаса должны закончить...

— Почему? Неужто совесть проснулась? — искренне изумилась графиня.

Вчера лозовцы неведомыми путями получили от французского командования некую прокламацию, в категорической форме запрещающую жителям покидать свои дома, и, как водится, взбаламутились, вообразив, будто старые господа им больше не указ. А некий Тит Бутылкин, известный на деревне пьяница и бездельник, принялся туманно намекать, что он не кто иной, как чудесно спасшийся император Петр III.

— Да нет, не то чтобы совсем совесть, — на губах Склярова промелькнула едва заметная усмешка. — Но час назад в здешних краях объявился сотник Платова с двумя казаками. Сено для лошадей промышляли. Сотник лыка не вязал. Поэтому я не решился представить его вам, однако мужикам намекнул: смотрите, мол, ребята, наши-то недалече. За сопротивление законным господам не помилуют, а казаки, зверюги известные, так вообще всю деревню под нож пустят. Им это как два пальца... Кх-кх... Простите, барыня. Вырвалось!

— И они поверили? — усомнилась Амалия Львовна.

— Конечно! — ухмыльнулся управляющий. — У страха глаза велики.

— Слава Богу! — облегченно вздохнула графиня и размашисто перекрестилась. — Скорей бы уехать!

Лиза все-таки разрыдалась. От радости...

Вскоре после того, как графские подводы скрылись за горизонтом, Михаил Михайлович с чувством выполненного долга неторопливо прогулялся по покинутому дому, мимоходом заглянул в будуар графини и вдруг замер, как громом пораженный.

— Батюшки святы! — всплеснул он руками. — Украшения, подаренные покойным графом, забыла влопыхах! Богатство-то какое! — Тут старик, грешным делом, подумал было, что Амалия Львовна мужа не шибко жаловала, даже, поговаривали, рогаставляла, но сразу устыдился, усилием воли отогнав непотребные мыслишки.

«Ладно. Не мне судить, однако драгоценности придется надежно спрятать. Иначе либо французы уволочут, либо собственные мужички разворуют!» Скляров не любил откладывать дела в долгий ящик. С соблюдением строжайших мер предосторожности он немедленно принялся за работу, которую завершил только к середине ночи.

— Слава тебе, Господи! Справился! — устало выдохнул Михалыч, вернувшись обратно в дом, вымыл перепачканные землей руки, сменил пропотевшую одежду на свежую, не стесняясь (заслужил, как-никак!) выпил два полных стакана мадеры из графских запасов и, усевшись за стол, набросал на бумаге план-схему, дабы по старости лет не запаматовать, где именно закопал сокровище. Затем бережно вложил листок в первую попавшуюся книгу в зеленом сафьяновом переплете и поставил ее на полку справа...

В ноябре 1812 года, когда остатки «непобедимой» армии Наполеона, теряя десятки тысяч людей убитыми, ранеными, замерзшими, бросая орудия и обозы, в панике драпали к границам Российской империи, толпами сдаваясь в плен при первом же удобном случае, в Лозовку вернулась графиня Коробкова. Дорожка к дому была предостроительно расчищена услужливыми мужиками. Население Лозовки, невзирая на колючий мороз, встречало помещицу с непокрытыми головами.

— Где Михалыч? — откинув полог кареты, требовательно спросила у толпы Амалия Львовна.

— Во флигеле, барыня. Помирает вроде, — виновато пробасил Тит, успевший отречься от «царского происхождения», покаявшийся перед односельчанами «в помрачении ума», но все же высеченный старостой на конюшне, «дабы впредь не смущал народ самозванством».

— Что с ним? — испуганно воскликнула Коробкова.

— Грудь застудил, кажись, — хором ответило несколько голосов.

Выпрыгнув из кареты, графиня прямо по снегу кинулась к флигелю, где вместе с семьей жил управляющий...

Старик, подхвативший двустороннее воспаление легких, действительно находился при смерти. Бледный, осунувшийся, он безвольно лежал на кровати под ворохом овчинных тулупов. Дыхание с хрипом вырывалось из груди. Губы запеклись. Глаза затянула мутная поволока.

— М-ма-т-тушка! Г-гол-лубуш-шка, — узнав графиню, прохрипел он, пытаясь подняться. — Д-дож-ждал-лся! — Скляров надрывно закашлялся. — Д-д-драг-гоценности т-твоя я с-с-берег, — кое-как переведя дыхание, прошелестел он. — Я з-зак-копал их в... — Досказать бедняга не успел. Тело задергалось в предсмертных судорогах, а душа отправилась на встречу с Всевышним...

Управляющего похоронили внутри ограды местной церкви. Клад некоторое время поискали наугад, потом перестали. Иголлка в стоге сена! Тем не менее, легенда о нем сохранилась в народе и с некоторыми изменениями дошла до наших дней.

Глава 1

Наши дни. г. Лозовск Н-ской области. 2 июля 1998 года.

Развеселая компания, втиснутая в потрепанную «восьмерку», катила на шашлыки. Машин на шоссе хватало с избытком, то там, то здесь возникали пробки. В открытое окно вливался прохладный, заметно подпорченный выхлопными газами воздух. В магнитофоне вопила очередная рок-звезда. В «восьмерке» сидели четверо: ее владелец — мелкий коммерсант Вадим Никаноров, двадцати восьми лет от роду, сотрудник частной охранной фирмы «Варяг» Андрей Кожемякин — одноклассник Никанорова, двадцатидвухлетняя Ольга Жеребцова — девица без определенных занятий, беспрерывно учащаяся то на одних, то на других курсах, и «белая ворона» — Иван Скляров, в 1988 году закончивший с отличием Историко-архивный институт, смолоду подававший большие надежды, а в настоящее время работающий, вернее, нищенски существующий на должности заведующего Лозовским городским музеем. Склярова пригласили случайно, в результате не слишком удачной шутки Кожемякина, соседа Ивана по лестничной площадке.

— Гы! — узнав о намеченном пикнике, сказал он, морща низкий обезьяний лоб. — У меня мысль!

— Какая? — живо заинтересовался Никаноров.

В крохотном, сдавленном массивными черепными костями мозга охранника мысли рождались столь редко, что уже сам по себе факт «рождения» являлся сенсацией.

— Давай позовем архивную крысу! Ради приколу! — поднатужившись, выдал Андрей и победно ухмыльнулся: «Вот, мол, вам, пожалуйста! Не такой уж я дебил! Тоже извилинами шевелить умею!»

— В чем же заключается приколу? — не понял Никаноров.

— А в том! Гы! — Сегодня Кожемякин определенно был в ударе. — Мы выпьем, а он нам побухтит про историю! Гы, гы!

— Пожалуйста, зови, — равнодушно пожал плечами коммерсант. — Водки на всех хватит. Я целый ящик закупил...

Вадим Никаноров намеревался обмыть удачную сделку по перепродаже партии китайских трусов, и, ввиду астрономических цен во всех мало-мальски приличных ресторанах, решил провести торжество на лоне природы: дешево, сердито и возду

свежий. Изначально он позвал лишь старого приятеля Кожемякина. Склярова, как упоминалось выше, взяли «ради приколу». Что же касается Жеребцовой... Гм, гм... Вы, полагаю, сами догадываетесь...

Итак, компания сколотилась, для поднятия тонуса приняла «на грудь» по стакану другому-третьему и двинулась в путь по направлению к популярному в здешних краях водохранилищу с помпезным названием «Голубая лагуна», находившемся километрах в десяти от Лозовска. Плюсами «Голубой лагуны» были близкое расположение и относительно чистая вода, а минусами — наличие при подъезде алчного поста ГАИ да в придачу хронический дефицит дров на побережье (чересчур много шашлычников развелось).

— Только бы проскочить! Только бы проскочить, — монотонно, словно заклинание, твердил Никаноров, добросовестно соблюдая правила дорожного движения и остервенело жуя мятную жевательную резинку. — От меня перегаром, блин, несет! Обдерут, как липку! Только бы проскочить! Только бы проскочить...

Однако «заклинание» не сработало. У злополучного поста повелительно взметнулся полосатый жезл. К понуро остановившейся машине суетливым колобком подкатился жиренький лейтенант с розовой лоснящейся мордочкой, усиками-щеточками и шныряющими по сторонам глазами-бусинками. Гаишник втянул носом воздух, учуял аромат спиртного и аж подпрыгнул от радости.

— Ну-у-у? — протянул он, выжидательно глядя на водителя.

Никаноров с тяжелым вздохом вынул из кармана денежную купюру. Взгляд мента сделался сосредоточенным. Очевидно, соображал — хватит полученной мзды, или маловато будет. Оказалось — маловато.

— Ну-у-у! — В голосе лейтенанта зазвенели угрожающие нотки, готовые в любой момент трансформироваться в правоохранительный лай. Щеточки на верхней губе вздыбились. В бусинках вспыхнули злые огоньки. Никаноров с горестным видом добавил вторую купюру, затем третью. Физиономия стража порядка просветлела.

— Проезжайте! — махнул рукой он, демонстративно разворачиваясь на сто восемьдесят градусов.

— Сволочь поганая! Чтоб ты подавился! — удалившись на безопасное расстояние, с ненавистью выругался коммерсант. — Твари ненасытные! Никак не нажрут, подлюги! Тыфу!

Обшарив всю округу, дрова с грехом пополам собрали. Кроме того, Кожемякин украдкой раскурочил топором декоративный пенек, предназначенный для отдыха туристов. Затем развели костер и, дождавшись углей, разложили шампуры с мясом наподобие мангала, сымпровизированного из четырех кирпичей.

— Искупнемся? — оправившись от гаишной реквизиции, предложил Никаноров.

— Неплохо бы освежиться!

Кожемякин отрицательно покачал головой, поглядел на ящик с бутылками и вожделенно облизнулся. Жеребцова зябко поежилась, а Скляров просто промолчал, задумавшись о чем-то своем. По правде сказать, погода не располагала к водным процедурам: в небе толпились тяжелые тучи, дул порывистый ветер, в воздухе веяло сыростью. Неопределенно хмыкнув, Вадим сбросил одежду и, оставшись в одних плавках, решительно направился к воде. «Освежиться» ему тоже расхотелось, но не зря ж прибыл на пляж? Надо окунуться хоть разок, из принципа. Мутная вода встретила коммерсанта, мягко говоря, холодно. Он, чертыхаясь, окунулся с головой, пулей вылетел на берег, растерся полотенцем и торопливо оделся. По телу бегали мурашки. Зубы выбивали барабанную дробь. «Гаишника б, гада, туда, — зло подумал Никаноров. — Прям в форме да с камнем на шее! Бр-р-р!»

Между тем шашлыки почти поспели, шипели капающим на раскаленные угли жиром, источали вкусный запах.

— Н-наливай, — полязгивая зубами, предложил Вадим Кожемякину.

Тот не заставил себя долго упрашивать. Водка, булькая, устремилась в стаканы.

— З-за м-мою уд-дачную сделку! — провозгласил тост коммерсант, залпом проглатывая огненную воду.

Остальные последовали его примеру, закусывая хлебом, зеленым луком, помидорами и недожаренным мясом.

— Повтори, Андрюша, — попросил Никаноров, чувствуя, как растекается по жилам хмельное тепло, забирая озноб и нервное напряжение.

— Что за сделка? — вдруг спросил Скляр, вопреки надеждам Кожемякина не спешащий «бухтеть про историю».

— Китайские трусы! — приосанился Вадим. — Взял по дешевке у косоглазых в ихней общаге да сбегрил оптом в галантерейный магазин. Навар около полутора «лимонов».

— Старых? — уточнила Жеребцова.

— Конечно. Но тоже, знаешь ли, деньги неплохие!

— И-и-и-эх! — вздохнула Ольга. — Деньги! Ха!

— Но-но! Поаккуратнее с плоскими островами! — насупил задетый за живое коммерсант. — Носом фырчать легко! Сперва научись сама зарабатывать, а потом...

— Я не хотела тебя обидеть, — примирительно произнесла девушка. — Просто думала совсем о другом.

— О чем же? О тряпках, небось? — презрительно прищурился Вадим.

— Нет, — прогустив мимо ушей колкость, печально ответила Ольга. — Я вспомнила о кладе, зарытом где-то неподалеку. Вот там — действительно деньги! Агроматные!

— Ты имеешь в виду мифические сокровища графини Коробковой? — догадался Никаноров. — Слыхали, слыхали! Как же! Но все это, милая моя, чушь собачья. Правильно, Андрюха?

Кожемякин с набитым ртом пробурчал нечто утвердительное.

— А вот и не чушь! — вмешался в разговор захмелевший с непривычки Скляр. — Сокровища действительно зарыты, кстати, моим далеким предком, служившим у графов управляющим. Зарыты неподалеку от усадьбы, где ныне размещается сдыхающий из-за отсутствия финансирования музей. — Иван отхлебнул из стакана, занюхал горбушкой. На щеках выпускника Историко-архивного института польхал нездоровый румянец. Глаза горячечно блеснули.

«Окосел и начал бухтеть про историю, — мысленно отметил коммерсант. — Верно Андрюха угадал! Ну, давай, родной, давай! Потешь честную компанию, а то больно кисло сидим. Настроение у меня ниже среднего, да и гаишник проклятый никак из головы не лезет».

— Тебе известно, где именно зарыт клад? — с нескрываемым ехидством вслух спросил он.

— Да!

— Что-о-о-о? — От удивления Никаноров подавился водкой и закашлялся.

— Врет он! — встряла Жеребцова. — Цену себе набивает! Ис-то-рик!

— Я не вру! — задохнулся от возмущения Иван. — У меня есть план!

— Брешешь, как сивый мерин! — специально подначил Вадим, интуитивно почувствовавший, что «архивная крыса» говорит правду, и уже ослепленный открывающимися перед ним блестящими перспективами. — Откуда такому плану взяться?

— Из библиотеки музея, — с достоинством пояснил Скляр. — Я, как тебе известно, являюсь там заведующим. Однажды, разбирая старые книги, сваленные в

кучу на чердаке, я обнаружил в одной из них листок бумаги с планом и подписью Михаила Михайловича Склярова, моего пращура. Книга рассыпалась в руках по причине старости да отвратительных условий хранения. Страницы наполовину сожрали мыши, план, кстати, тоже, но кое-что в нем можно понять. — Заведующий музеем достал из кармана засаленный, напрочь забытый о деньгах бумажник, открыл и торжественно продемонстрировал собравшимся пожелтевший обрывок бумаги со следами мышиных зубов, бережно упакованный в целлофан.

Никаноров, моментально протрезвев, жадно впился глазами в рисунок. На обрывке был грубо, от руки, набросан план известной всем лозовцам барской усадьбы, а также схема расположения клада. Правда, мыши, вкупе со временем и чердачной сыростью, внесли в чертеж значительные коррективы. Разобрать в нем что-либо определенное представлялось весьма затруднительным, но тем не менее это был план! Старинная легенда воплощалась в реальность. Вадима затрясла золотая лихорадка. Жеребцова тихонечко заскулила, и даже флегматично жующий Кожемякин проявил некоторые признаки оживления. В этот момент хлынул проливной дождь, в мгновение ока затухивший костер. Шашлычники, не успев сообразить, в чем, собственно, дело, вымокли до нитки. Опомнившись, они, чертыхаясь, ринулись к «восьмерке». Несущиеся из свинцовых туч потоки воды смывали щепки, объедки, прочий мусор. Смыло и колобка-гаишника. Поэтому на обратном пути Никанорову удалось избежать экспроприации. Подогнав машину к своему дому, Вадим пригласил мокрую компанию к себе в квартиру. «Обсушимся, обогреемся, да заодно «за жизнь» покалякаем». Однако ни обсушиться, ни отогреться времени не дал. Сразу взял быка за рога.

— Ваня, дружище! Ты ведь знаешь, как я тебя люблю! — задумчиво обратился он к Склярову, которого видел впервые в жизни. — Я искренне желаю тебе помочь!

Заведующий музеем недоверчиво хмыкнул.

— Да, да, искренне! — горячо заверил Никаноров, прижав обе ладони к груди. — Я хочу...

— Войти в долю, — перебил его Иван. — Поучаствовать в дележе сокровищ графини Коробковой. Не правда ли?

— Пойми, Иван! В одиночку тебе не справиться, — поняв, что дуриком проскочить не удалось, сменил пластинку Вадим. — Копать придется долго, поскольку чертеж объели мыши во многих местах. Вот, смотри, здесь написано: «Т...ть шагов от флигеля в сторону пруда». Т...ть? Сколько это? Тридцать? Тринадцать? Тридцать пять? Идем дальше: «Поворот под прямым углом налево к забору ...ть шагов». Улавливаешь мысль?

Скляров неохотно кивнул.

— Раскопки отнимут массу времени, — продолжал коммерсант. — Потребуют определенных расходов на еду, на снаряжение, а у тебя в кармане — ни гроша.

Иван нахмурился.

— Не обижайся, — поспешил добавить Никаноров. — Лучше взгляни на вещи трезво. Я профинансирую раскопки...

— А я помогу продать бриллики, — вдруг ляпнул Кожемякин. — Через моего шефа, Арчибалда Артуровича Плутаняна, конкретно завязанного с антикварами и фирмачами. Самому тебе их вовек не сбыть. В лучшем случае, ограбят, в худшем... — Андрей многозначительно провел пальцем по горлу.

Никаноров обомлел. Вторая мысль, причем толкаясь, в крохотном мозгу Кожемякина за один день — это уже не сенсация! Это знание!

— Вы забыли обо мне, — пискнула Жеребцова.

Все посмотрели в сторону девицы. Скляров с недоумением, Никаноров с негодованием, а Кожемякин с кровожадностью.

— С тобой-то как раз проблем не возникнет, — пробасил он. — Бритвой по горлу, да в колодец. Гы!

Вадим одобрительно кивнул. Ольга испуганно попятилась.

— Нет, нет, ребята! Так не пойдет! — вмешался Скляр, которому вовсе не улыбалась перспектива сделаться соучастником убийства. — Лучше возьмем ее в долю! — На хрена? — хором возмутились коммерсант с охранником.

— Ну, в первую очередь — пусть постоянно находится при нас. Иначе проболтается. Тогда в окрестностях усадьбы будет не протолкнуться из-за напыва кладоискателей. Во-вторых, на что-нибудь да сгодится — приготовить, постирать, инструмент почистить. В-третьих, у женщин чутье хорошее... особенно на украшения. Авось, чего унюхает!

— Ага, сгодится! — с ухмылкой подтвердил Андрей, подразумевая, однако, совсем другие обязанности.

Никаноров задумался. Доводы Склярова показались Вадиму довольно убедительными.

— Стало быть, отныне нас четверо, — подытожил он. — Начнем послезавтра. Я раздобуду необходимое снаряжение — лопаты, металлоискатель, запасу продукты, куплю четырехместную палатку и другие нужные вещи. Жить будем прямо там, под видом туристов, дабы не вызывать подозрений.

— Разумная идея, — согласился Иван. — А поделимся поровну, на четверых. Если верить слухам, а также сохранившимся в моей семье преданиям, — богатства — несметные. Хватит на всех с лихвой!

Возражений не последовало. Остаток вечера ушел на усиленное «обмывание» намеченного мероприятия...

4 июля 1998 года кладоискатели, усердно изображая празднующихся туристов, двинулись к усадьбе, находящейся в двух километрах от Лозовска, на берегу старого, запущенного, заросшего камышами пруда, давным-давно вырытого по приказу помещиков Коробковых для украшения ландшафта, а также лодочных прогулок. Свои истинные намерения наши герои сохранили в строжайшей тайне. Только Жеребцова, не удержавшись от соблазна, шепнула по секрету лучшей подруге, что вскоре завладеет графским кладом, сказочно разбогатеет, разоденется в пух и прах и переедет жить в Париж.

— Но гляди, Верочка! Никому ни слова, — на прощание предупредила она подругу.

— Что ты! Что ты! — замахала руками Верочка. — Я как могила! — И, едва дверь за Ольгой закрылась, ринулась к телефону. Вера отнюдь не собиралась разглашать доверенную ей тайну, но... с лучшей-то подругой Светой можно поделиться! По секрету!

Глава 2

Известие о том, что пресловутые сокровища графов Коробковых, спрятанные в 1812 году неподалеку от усадьбы-музея, наконец-то найдены (ну, скажем, почти найдены, осталось лишь откопать), с ураганной быстротой разнеслось по Лозовску. К тому моменту, как кладоискатели прибыли на место и вонзили лопаты в склизкую от дождя землю, весь город точно знал: архивист Скляр отыскал в музейной библиотеке план захоронения графских богатств. Причем по мере распространения слухов размеры этих самых богатств неуклонно возрастали. Верочка говорила Светочке о мешке бриллиантов, Светочка Леночке — о двух, Леночка Галечке — о трех и т.д. В результате, к полудню жители Лозовска судачили уже о десяти мешках, весом не

менее пятидесяти килограммов каждый. Отдельные оптимисты поговаривали о целой подводе. Первым перешел от охов и ахов к конкретным действиям начальник Лозовского ОВД Ольгерд Пафнутьевич Бутылкин (кстати, отдаленный потомок того самого Тита Бутылкина, в период наполеоновского нашествия туманно намекавшего на свое царское происхождение и впоследствии высеченного на конюшне «за самозванство»). В отличие от Тита, Ольгерд Пафнутьевич не объявлял себя императором в изгнании. Его честолюбивые устремления имели куда более скромный характер, а именно, стать генералом и разбогатеть. Новость о графских сокровищах принесла подполковнику соседка Любовь Филипповна — баба пронирливая и болтливая. Бутылкин серьезно задумался. Надо отдать должное — насчет «подводы» он не поверил, но три-четыре мешка... Гм, вполне возможно! «Награбили баре, попили народной кровушки, паразиты! — мысленно рассуждал начальник ОВД. — Ведь это даже не бриллианты, а пот да кровавые мозоли моих предков, вкалывавших на графьев Коробковых от зари до зари! Драгоценности должны принадлежать мне по праву! По законному праву! Восстановлю попорченную справедливость!» — с пафосом думал Ольгерд Пафнутьевич и развил кипучую деятельность. Поначалу он вознамерился выслать за кладоискателями погоню, сцапать, отлупить дубинками, заставить сознаться... В общем, действовать по стандартному милицейскому сценарию. Бутылкин уже хотел отдать соответствующие распоряжения, как вдруг передумал. «Густь сперва отыщут клад, а потом я его, хе-хе, оприходую! Меньше хлопот! — мудро рассудил подполковник. — На данный же момент главное — оградить район раскопок от халявщиков». (Под «халявщиками» подразумевались все прочие граждане, желающие поживиться имуществом Коробковых.)

Не мешкая ни минуты, он отправился на работу, вызвал наиболее доверенных сотрудников, руками коих обстряпал немало сомнительных делишек. На совещании присутствовали: майор Семен Петрович Бураков, капитан Валерий Игнатьевич Спесивцев, лейтенант Вячеслав Коловертов и лейтенант Олег Бибикин. Суть полученных ими распоряжений сводилась к следующему:

а) перекрыть все подступы к раскопкам, не подпустить к усадьбе ни единого постороннего;

б) установить за кладоискателями тайное круглосуточное наблюдение. Глаз не спускать! В затылок дышать! Лишь только в поле зрения появятся мешки с бриллиантами — хватать!

Каждому из подручных Ольгерд Пафнутьевич обещал долю «малую», а также повышение по службе минимум на две ступени...

Яма, копаемая кладоискателями, еще не успела достигнуть глубины полутора метров, как подступы к усадьбе наглухо блокировали вооруженные наряды милиции, а по кустам зашуршали соглядатаи...

В субботу 4 июля 1998 года мэр города Лозовска Татьяна Петровна Звездовская проснулась позже обычного. Перебрала вчера на презентации нового филиала Дыркомбанка, принадлежащего ее старшему сыну от позапрошлого брака, и, пока не оклемалась, сплетням значения не придавала — голова по швам трещала. К половине первого, однако, голова Звездовской отчасти прояснилась, и она, подобно Бутылкину, воспылала жаждой обогащения.

Госпожа мэр не пыталась подвести под свои притязания генеалогическую базу (прежде ее происходила Бог весть откуда), но база эта нужна была Звездовской, как собаке пятая нога. «Хапнуть, и баста! Чего там рассусоливать!» Сим незатейливым принципом Татьяна Петровна руководствовалась всю жизнь, в особенности став у кормила городской власти. Пенсии, пособия на детей и прочие «излишества» мест-

ного бюджета она прокручивала в Дыркомбанке, получая внушительные дивиденды. Пенсии с пособиями доходили до адресатов с огромным опозданием, если вообще доходили, но Звездовскую подобные мелочи не беспокоили. Авось, не околеют, а околеют — значит, судьба у них такая! Карма! Ее же собственная «карма», согласно уверениям многочисленных «прорицателей», к которым Звездовская питала неистребимое пристрастие, сулила Татьяне Петровне сказочное богатство в самом ближайшем будущем. Предоставив себе «подводу с бриллиантами», госпожа мэр сперва сладостно затрепетала от кончиков наманикюренных ногтей до накладных ресниц, впала в транс, затем опомнилась, примчалась в мэрию и спешно вызвала по телефону трех доверенных людей. Доверенных и проверенных не только на службе, но и... кхе, ладно, проехали... Короче, трех надежных сотрудников — Толика, Лелика, Вовика, быкообразных тридцатилетних детинушек с тупыми исполнительными физиономиями, облаченных в шикарные импортные костюмы, сидевшие на них, как на корове седло. Звездовская приказала: под предлогом ремонтных работ перерезать дороги, ведущие в город (а то вся область сюда сбежится), за кладоискателями установить неусыпное наблюдение, и лишь только они разыщут «подводу с бриллиантами», немедля конфисковать!

Послушно кивнув, Толик, Лелик и Вовик покинули кабинет, а госпожа мэр погрузилась в глубокое размышление. В ее прекрасно разработанном плане оставался один пробел. В Лозовске охотников заполучить подводу с бриллиантами пруд пруди. Могут перехватить. Значит, нужно оградить усадьбу Коробковых от гнусных посягательств аборигенов. Но тут собственными силами не справиться, придется обратиться за помощью в милицию, не посвящая, разумеется, барана начальника в истинную суть дела. Навешать Бутылкину лапу на уши. Он — дурак! Поверит! В башке всего одна извилина, да и та — след от фуражки... Прикрыв толстым слоем косметики следы вчерашней гулянки, Звездовская направилась разыскивать Ольгерда Пафнутьевича.

Третьим властью имущим, заинтересовавшимся сокровищами Коробковых, стал местный крестный отец, некий Виктор Кошкин, по прозвищу Котяра, обрюзгший пятидесятилетний мужчина в изысканном костюме, скрывающем многочисленные наколки — следы лагерной молодости. Котяра, двумя днями раньше выкарабкавшийся из очередного запоя, к 4 июля восстановив силы, направился решать скопившиеся за время «штопора» проблемы, но при выезде из Лозовска наткнулся на экскаватор, усердно ковыряющий яму посреди дороги.

— Нашли, блин, время! Давай, Жора, в объезд! Опаздываем! — в сердцах бросил он шоферу, однако на всех остальных выездах из города наблюдалась аналогичная картина.

— Ну и ну! Чудеса в решете! — пробормотал Котяра, отправив шофера к экскаваторщикам, разузнать, что происходит.

Экскаваторщики ничего вразумительного объяснить не смогли. «Приказ мэрии. Зачем? Да пес ее знает! Дура и в Африке дура!»

Подобное толкование событий Котяру не устроило. Он хорошо знал Звездовскую, поддерживал тесные взаимовыгодные контакты и, хоть не оболъщался насчет интеллектуальных способностей Татьяны Петровны, отлично понимал: госпожа мэр не станет выбрасывать бюджетные деньги на ветер. Лучше прикарманит. Стало быть, чегой-то удумала. Чегой-то, сулящее крупную прибыль! Вернувшись домой, Котяра поручил «шестеркам» собрать разведданные, и к двум часам пополудни в принципе уяснил ситуацию.

Стоит ли говорить, что Котяра, подобно Бутылкину со Звездовской, немедленно пожелал завладеть сокровищами? Будучи от природы скептиком, он не поверил ни

«в подводу», ни «в три-четыре мешка», но зато один мешок, пусть не очень большой, представлялся ему вполне реальным. Перво-наперво Кошкин приказал четверым приближенным, занимающим в банде ключевые посты, сесть на «хвост» кладоискателям, и как только, так сразу, короче, изъять камешки да тащить к нему в офис. Потом, дескать, поделимся по справедливости.

Высокого доверия пахана удостоились четверо: Игорь Сычов (погоняла Сыч), Георгий Ворошилов (Генерал), он же личный шофер и телохранитель Котяры, Роберт Градский (Псих) и поразительно похожий на питекантропа Валентин Грушин, известный в криминальных кругах под прозвищем Бу-Бу, обусловленным невероятным косноязычием и скудоумием Грушина.

Бу-Бу выполнял в банде функции штатного палача, с которыми, невзирая на отсутствие извилин, справлялся великолепно.

— Пасти лохов! Глаз не спускать! Дрыхнуть по очереди! Ежели проспите — лучше сами вешайтесь, иначе легкой смерти вам не видать, — напутствовал приближенных шеф и свирепо рявкнул: — Чего вылупились! Вперед!

Бандитов как ветром сдуло.

Вторая часть стратегического замысла Котяры заключалась в следующем: ни в коем случае не допускать в город конкурентов из других группировок. Не дай Бог, пронюхают о наличии клада! Всенепременно попытаются наложить на него жадную, загребущую лапу или, по крайней мере, влезть в долю.

С данной целью он отобилизовал всех имеющихся в наличии боевиков охранять Лозовск от любых поползновений иногородней братвы. И, наконец, лозовский крестный отец решил воспрепятствовать местным жителям добраться до усадьбы. Тут сгодятся менты. Недаром он каждый месяц отстегивает ихнему начальству солидный куш.

Необходимо конфиденциально побеседовать с Бутылкиным. Кошкин позвонил Бутылкину домой, узнал, что тот сегодня трудится сверхурочно, покачал головой в недоумении, уселся за руль своего «мерседеса» и поехал в Лозовское отделение милиции...

Неожиданный визит Звездовской явился для Ольгерда Пафнутьевича неприятным сюрпризом. Он мгновенно заподозрил неладное, а когда госпожа мэр завела странную речь о необходимости тщательно оберегать памятники старинной архитектуры, оградить усадьбу Коробковых от расхищения и осквернения несознательными гражданами, начать там реставрационные работы, Бутылкин окончательно убедился: «Пронюхала, стерва, о бриллиантах! Поживиться хочет! У-у-у, клизма старая! Мало ей Дырккомбанка».

Внешне, однако, начальник отделения сохранил олимпийское спокойствие.

Да, он понимает важность ситуации, искренне сочувствует, но, к величайшему сожалению, ничем помочь не может! Людей катастрофически не хватает, город захлестывает волна преступности, его сотрудники буквально с ног сбились... Ради любви к отечественной истории, ради глубочайшего уважения к почтеннейшей Татьяне Петровне он бы с удовольствием выставил круглосуточную охрану вокруг бывшей графской резиденции... если б имел штат в два, нет, лучше в три раза больше, а иначе ну никак не получается! Уж не обессудьте!

— Тяжелое положение в стране, — скорбно произнес он. — А в правоохранительных органах и того тяжелее! — Из груди Бутылкина вырвался сокрушенный вздох.

Звездовскую затрясло от ненависти. С увядшего лица хлопьями посыпалась штукатурка.

«Врет, старый козел! — злобно подумала она. — За дебилку меня держит! «Волна преступности, с ног сбились!»! Не смешите! Твои зажавшиеся менты сбиваются с ног лишь в пьяном виде после очередной ревизии коммерческих палаток или во время

бесчисленных «дней рождений», празднуемых прямо на рабочих местах. А «волна преступности», под руководством Котяры Пакостного, тебе ежемесячно процент с доходов отстегивает! Мне ли не знать! Скажи лучше — услышал о кладе, позарился, вот и ставишь палки в колеса! Ладно, я тебе припомню!»

— Очень жаль, Ольгерд Пафнутьевич, очень жаль, — вслух произнесла она. — А так хотелось позаботиться о культурном наследии!

Бутылкин театрално развел руками, изобразив всепоглощающую скорбь: «Увы, мадам, я бессилен!»

— Попробую справиться собственными силами. — Холодно кивнув начальнику отделения, Звездовская удалилась...

Оставшись в одиночестве, начальник отделения раздраженно матюгнулся. Обещание Звездовской справиться собственными силами ему совсем не понравилось. «Крашенная мыпра определенно что-то замышляет! Ишь, змеюка подколодная! Как пить дать, она попытается...» Закончить мысль Ольгерд Пафнутьевич не успел. В дверь ввалился Виктор Кошкин и, не дожидаясь приглашения, плюхнулся на стул.

— Здорово, начальник! — просипел он. — Дельце к тебе имею!

— Какое? — внутренне напрягаясь, поинтересовался Бутылкин. «И этот, кажись, туда же метит. В графскую усадьбу, блин! Задолбали, уроды!»

— Желаю купить дом, — без обиняков объявил Котяра.

— При чем здесь я? — мило улыбнулся подполковник. — Обратись в строительную или риэлтерскую фирму!

— При том, — отрезал мафиози. — Мне требуется не вульгарная современная хреновина, а дом старинный, с романтикой, с фамильными привидениями! Скажем, усадьба Коробковых.

«Так оно и есть! — подумал Ольгерд Пафнутьевич. — Правильно я угадал! Только, мил друг, романтика тебе по барабану! Да и фамильные привидения там сроду не водились. Ты, голубок, к графским сокровищам подбираешься! Хрена с маслом! Я — законный наследник!»

Улыбка Бутылкина из «милой» превратилась в «милейшую», шириной от уха до уха.

— Ты, Виктор, не по адресу обратился, — нежно пропел он. — Памятники архитектуры не входят в мою компетенцию! Я...

— Брось придуриваться! — бесцеремонно прервал подполковника бандит. — Нам с тобой хорошо известно, кто городом заправляет. Я, ты да Звездовская. Кроме того, мне от тебя требуется не разрешение на покупку — эти вопросы я улажу самостоятельно, — а просто небольшая приятельская услуга.

— Какая же? — Ольгерд Пафнутьевич попытался улыбнуться еще шире, но не получилось. Губ не хватило.

— Я опасаясь разграбления моего будущего поместья местными жителями, — хитро прищурившись, проговорил Котяра. — Все крадут, падлы! Напропалую! Доски, трубы, кирпичи... Землю с клумб, и ту норывают упереть для садовых участков. Короче, пока оформляются документы, выстави вокруг усадьбы ментовские кордоны, отвадь мародеров, а уж я, поверь, в долгу не останусь!

— Рад бы помочь, — лицемерно пригорюнился подполковник, — но, к сожалению... — Тут он слово в слово повторил недавно произнесенную перед Звездовской речь, не упомянув из деликатности лишь о «волне преступности».

Котяра надулся, помрачнел. «Врет, поганый мусор! — убежденно подумал бандит. — Увиливает, пес облезлый! На графский клад глаз положил! Ну, я тебе устрою райскую жизнь!»

Виктор Кошкин молча поднялся и, не попрощавшись, покинул кабинет...

Пока происходили вышеописанные события, мокрые от пота и нудно сочащегося с неба дождика кладоискатели закончили рыть первую яму.

— Пусто, — уныло констатировал Скляр.

— А ты бы хотел прям сразу! — ехидно, но резонно заметил трезвомыслящий Никаноров.

— Жрать хочу да глоток горячительного, — сказал вымазанный грязью по уши Кожемякин.

— Мальчики, обед готов! Идите! — высунувшись из палатки, крикнула Жеребцова.

Глава 3

К усадьбе графов Коробковых вели две дороги, лет двадцать назад заасфальтированные, по российским меркам, не особенно раздолбанные и, следовательно, пригодные не только для пешеходов, но и для автомобильного транспорта. Согласно распоряжению Бутылкина, одну дорогу (кратчайшую) перекрыли сержанты Зубов, Чубов и Отморозков, под чутким руководством лейтенанта Вячеслава Коловертова, а другую, объездную, сержанты Тупов, Лупов, Дубов, во главе с лейтенантом Бибикиным. Стражи закона загородили проезжую часть «воронками», а сами тусовались вокруг с автоматами на изготовку, резиновыми дубинками, связками наручников и прочими предметами, необходимыми для поддержания общественного порядка. Начальство взидало на мокрых нервных подчиненных из поставленных на обочину легковушек.

Работы у заградпостов было хоть отбавляй: жители Лозовска косяками тянулись к усадьбе. В воздухе висел многоэтажный мат, перемежаемый надсадным милицейским гавканьем, негодующими воплями граждан, а также жалобными стонами тех, кто успел познакомиться с сержантскими дубинками.

— Поворачивай оглобли, блин!

— Вы не имеете права!

— Че-его? Права?

— Получай, придурок!

— А-а-а-а!

— Куда прешься, бабка? На кладбище в противоположную сторону! Гы-гы-гы!

— Сынок?

— Я те дам «сынка»!

Хрясь! У-у-у-у!

В половине второго на дороге, оберегаемой лейтенантом Коловертовым, появился новенький черный джип с Леликом, Толиком и Вовиком внутри.

— Что за цирк? — приоткрыв окно, лениво осведомился сидевший за рулем Лелик. — Почему мешаешь проехать?

При виде чиновников из мэрии сержанты смущенно потупились, переминаясь с ноги на ногу. Пришлось вмешаться Коловертову.

— Никого не велено пропускать. Приказ начальника отделения, — покинув теплый сухой салон служебной «шестерки» и ежась под мелким противным дождичком, сообщил он. — Разворачивайтесь!

— Да знаешь ли, согляк, с кем разговариваешь? — взбеленился Толик, на днях, в порядке очереди, побывавший в постели у Звездовской, удостоившийся похвалы: «Ты — самый лучший мужчина. Сексуальный гигант! Пуси-муси!» — и потому заблудивший манерой величия в острой форме. — Я же тебя, недоносок, в порошок сотру! Немедленно свяжись со своим начальством! Ах, рация отсырела? На, возьми мой сотовый! Живей! Мы торопимся!

Коловертов набрал личный номер Бутылкина.

— Значит, говоришь, приближенные мэрши? — ядовито прошипел в трубку подполковник, после недавней беседы с мадам Звездовской преисполнившийся к ней лютой ненависти. — Шустрая, карга! Быстро подсуетилась! — Начальник отделения изощренно выmaterился.

— Каковы будут указания? — спросил лейтенант.

— Гони взащей! — свирепо рявкнул Ольгерд Пафнутьевич. — Чтоб через минуту духа их там не было! А рыпнется — двинь по сусалам! Все, отбой!

Когда Коловертов, закончив беседу с шефом, повернулся к прихвостням Звездовской, его физиономия поразительно напоминала голодного Дракулу, жаждущего крови. Даже зубы как будто удлинились.

— Проваливайте, к чертовой матери! — проскрежетал он, плотоядно облизывая тонкие губы. — Проваливайте, иначе навеки здоровья лишитесь!

— Что-о-о-о? — возмущенно вскинулся Вовик, накачанный двухметровый амбал, славящийся непомерным самомнением, помноженным на скверный характер. — Обурел, мозгляк легавый! Чмо заблатовавшее!

Выпрыгнув из машины, он, по-мяснички кхекнув, опустил могучий кулак на темя лейтенанта. Глаза Коловертова сошлись у переносицы, сознание затуманилось, ноги подкосились, однако его служебное рвение не пострадало.

— Огоны! — задушенным голосом скомандовал он сержантам.

Зубов с Чубовым замялись в нерешительности, но бравый, не обремененный мозговыми извилинами Отморозков послушно нажал спусковой крючок автомата. Очередь прошла воприрку над головой Вовика, принудив последнего глюхнуть ничком в грязь. Видя крутость товарища, Зубов с Чубовым приободрились и, размахивая дубинками, набросились на поверженного противника. Коловертов злорадно расхохотался.

— Убирайтесь, козлы! — повторил он. — Пока целы! Молодец, Отморозков! Получишь поощрение!

Черный джип с кипящими от бессильной ярости клеветами Звездовской неохотно повернул обратно к городу...

Котяра велел своим людям действовать аккуратно, не привлекая излишнего внимания. Поэтому Сыч, Генерал, Псих и Бу-Бу направились к усадьбе по другой дороге, объездной, но так же, как и посланцы Звездовской, наткнулись на милицейский кордон.

— Менты! — притормозив, мрачно изрек Сыч. — Какого черта?

— Щас узнаем! — отозвался Генерал, выбираясь из «вольво».

Псих скорчил кривую гримасу. Бу-Бу глупо ухмыльнулся.

— Какие проблемы? — спросил у Бибикина Генерал, позвякивая толстенной золотой цепью на шее и массивными браслетами на запястьях.

— Тебя не касается! — огрызнулся лейтенант. — Проезд закрыт!

— С какой стати?

— Приказ Бутылкина. — Бибикин с неприязнью покосился на золотые бандитские причиндалы, красноречиво свидетельствующие о том, что бушующий в стране экономический кризис Сыча никоим образом не затрагивает. К беседующим присоединился Бу-Бу, с тупым глубокомыслием разглядывающий хлипкого лейтенанта.

— Ладно, командир, хорош базарить! — выглянул из окна машины Сыч. — Ты ж меня знаешь и пахана нашего тоже. Скажи, сколько денег нужно, да разбежимся по-тихому!

Бибикин на секунду задумался. Он действительно прекрасно знал в лицо всех городских бандитов, страстно любил взятки, но... но подполковник строго-настрого

запретил пропускать к усадьбе кого бы то ни было. Или к хлопцам Котяры Пакостного, тесно связанного с милицейским начальством, данный приказ не относится? К ним вообще много чего не относится: ни вождение машин в пьяном виде, ни избивание рыночных торговцев среди бела дня на глазах у многочисленных свидетелей, ни убийство на кладбище одного сбрендившего коммерсанта, нагло заартачившегося по поводу увеличения размеров ежемесячной дани и пригрозившего пожаловаться прокурору. Кстати, безмозглый кретин угрозу выполнил, накатал-таки заяву. Прокурор не замедлил известить о столь вопиющем безобразии Котяру. Спустя сутки коммерсанта обнаружили среди могил с проломленным арматурой черепом... С другой стороны — строжайший приказ шефа, не терпящего ни малейшего непослушания и не отличающегося человеколюбием. В конечном счете, окончательно запугавший лейтенант решил связаться по радиc с подполковником. Пусть Бутылкин сам разберется, а то годишь ненароком, как кур в оцип.

Между тем Бу-Бу, почти ничего не понимающий в происходящем, но твердо убежденный в собственной неприкосновенности, выбирал среди сержантов первую жертву. Надоть поставить мусорков на место, а то, вишь, препираться вздумали! Непорядок! Выбор его пал на Тупова. Шибко усы противные! Бу-Бу широко размахнулся...

— Приехали ребята Кошкина, — с трудом пробившись сквозь эфирные помехи, доложил начальнику отделения Бибкин. — Требуют немедля пропустить... — Тут он услышал хлесткий звук удара и краем глаза увидел Тупова, подрубленным бревном рухнувшего на асфальт.

— Один из них, здоровущий такой, вырубил нашего сержанта, — дрогнувшим голосом добавил лейтенант. — Как прикажете поступить?

— Примените оружие! — прорычал взбешенный Ольгерд Пафнутьевич. — Всех задержат! Немедленно выслаю подкрепление! Не выполнишь — заживо сгною!

— Лупов! Дубов! Огонь на поражение! — заверещал дисциплинированный Бибкин, выхватывая пистолет.

Дубов полоснул по «вольво» из автомата, разбив лобовое стекло, но, по случайности, никого из пассажиров не задел, а вот Лупов не успел. Встретившись с кулаком Бу-Бу, он мигом составил компанию бесчувственному Тупову. Всхлипнув от страха, Бибкин, не целясь, выстрелил. Пуля впилась в мясистую ляжку Бу-Бу. Не ожидавший подобного поворота событий, бандит взвыл от боли и возмущения.

— Ё-мое, вляпались, — потерянно пробормотал Сыч, выкрутил руль на сто семьдесят градусов и с силой вдавил педаль газа.

— Стой, сволочь! Меня займи! — закричал Генерал, пытаясь бегом догнать машину.

В этот момент прибыло обещанное Бутылкиным подкрепление. Раненого Бу-Бу и бестолково мечущегося по дороге Генерала повалили на землю, старательно измордовали, забросили в «воронок» и умчали в кутузку...

Выслушав доклад сконфуженных Лелика-Толика-Вовика, мадам Звездовская зашипела, как разъяренная кобра. В настоящий момент она здорово смахивала на Бабу-Ягу, у которой незаконно отобрали ступу, помело, избушку на курьих ножках, а самой в ультимативной форме предложили переселиться на свалку, в теплую компанию бомжей.

— Старый вонючий козел! — закончив шипеть, выкрикнула Татьяна Петровна. — Я тебе покажу, где раки зимуют. «Волна преступности!» «Людей катастрофически не хватает!» Как же, не хватает! Везде своих гнусных ментов понатыкал! Все подступы к усадьбе перекрыл! Ублю-ю-ю-док! Лелик, немедленно подготовь указ о прекращении дополнительного финансирования лозовского отделения из средств городского бюджета. (Раньше, до «бриллиантового конфликта», госпожа мэр исправно перечисляла в местное отделение милиции внушительную сумму, позволявшую Бутылкину содер-

жать сверх штата порядка тридцати сотрудников.) Толик, срочно аннулирую распоряжение о выделении Бутылкину средств на ремонт здания. А ты, Вовик, выйди-ка, милый, со мной в соседнюю комнату!

— Беденький! — Оставшись наедине с Вовиком, Татьяна Петровна кончиками пальцев дотронулась до ссадины на лбу, полученной клевретом в результате вынужденного падения ничком на грязный асфальт. — Как они тебя покалечили, изверги! Такое симпатичное личико изуродовали! — Откровенно говоря, ссадина была ерундовой. Любый мальшишка ежедневно приносит домой с десятка подобных «увечий». Однако Звездовская знала, что делает. Самолюбивый Вовик надулся, стиснул кулаки...

— Мы обязаны отомстить, — шептывала Татьяна Петровна. — Зло не должно оставаться безнаказанным! Измываться над моими доверенными людьми? Не потерплю! Ты, кажется, в армии служил сапером?

Вовик с готовностью кивнул, начиная соображать, к чему клонит хозяйка.

— Двадцатого июня ураган снес гараж-«ракушку» Бутылкина, — продолжала госпожа мэр. — Теперь машина этого скота паркуется на улице, возле подъезда... — Звездовская многозначительно замолчала, а амбал понимающе ухмыльнулся.

Узнав о происшествии на объездной дороге, а главное, об аресте Бу-Бу и Генерала, Котяра взвыл так, будто ему наступили на хвост кованым сапогом.

— Выродок ментовский! — бесновался мафиози, мечась по комнате и с садистским наслаждением круша мебель. — Я его в канализации утоплю! Кишки на уши намотаю! Осиновый кол в очко загоню!

Истерика пахана длилась не менее часа. За это время он умудрился разгромить комнату до основания. Псих с Сыном испуганно жались по углам. В конце концов, выплеснув избыток злобы, Кошкин обрел способность более-менее связно мыслить.

— Слушай внимательно, Псих, — приплясывая на обломках дорогого импортного гарнитура, возопил он. — Твоя цель — недавно отстроенная дача Бутылкина. Сегодня же ночью. Ы-ы-ы! У-у-у! Возьмешь пару надежных ребят. Два, нет, лучше три гранатомета! Чтоб там камня на камне не осталось! Усекаешь? Тогда за дело! Не дай Бог, облажаешься! Живьем в землю закопаю, на помойке! А ты, Сыч, — крестный отец на секунду задумался. — Ты доведешь до ума ранее намеченное мероприятие. Я имею в виду слежку за кладоискателями. Не обязательно подкатывать к усадьбе на машине. Под покровом темноты проберешься туда через лес. Да, да! Ножками, ножками! Или ты пешком ходить разучился? Нет? Ну и отлично! А не проберешься — я тебе копыта собственноручно ножовкой отпилю! Вперед, олухи!

Ольга Жеребцова потрудились на славу. Приготовила на спиртовке (дождь не позволял разжечь костер) вполне съедобный обед.

— Вернемся к нашим баранам, — насытившись, заговорил Никаноров, поковыривая спичкой в зубах. — Попробуем приблизительно определить общее количество мест, где придется копать. Итак, взглянем снова на план: тринадцать, или тридцать, или тридцать пять (что, впрочем, маловероятно — слово короткое) шагов в сторону пруда. Затем «... шагов к забору под прямым углом ...ть». «...ть» — это сколько? Пять? шесть? девять? десять? одиннадцать? двенадцать?.. Боже мой! Чисел, оканчивающихся на «...ть», несметное множество. Можно рыться в земле до скончания века! — Лицо Никанорова приобрело кислое выражение.

— Максимум пятнадцать, — вмешался Скляров.

— Почему? — удивились компаньоны.

— Я проверил. От флигеля до остатков забора ровно пятнадцать шагов. Значит, — заведующий музеем что-то быстро прикинул в уме, — значит, искать нужно не в «не-

сметном множестве» мест, как полагает Вадим, а лишь в тридцати шести или, на худой конец, в сорока пяти, если «...ть» означает тридцать пять.

— Тоже не фонтан! — буркнул Кожемякин. — Замучаемся.

— Ничего! — утешил приятеля заметно повеселевший Никаноров. — Игра стоит свеч. Круг поисков ограничен. Это радует! Кстати, одна яма — «тринадцать плюс пять» — уже выкопана.

— Кроме того, мы можем найти клад гораздо раньше, — вмешалась Жеребцова. — Хотя со второй, хоть с третьей попытки!

— За работу! — взревел Кожемякин. — Не хрена расслаживаться!

— Не гони коней, — урезонил его Скляр. — Лучше посмотри на улицу.

Охранник высунулся из палатки и сразу же, отфыркиваясь, нырнул обратно. Мелкий моросящий дождик постепенно усиливался, грозя перейти в ливень.

— Обождем до вечера, — посоветовал Никаноров. — Авось, дождь поутихнет. А заодно отдохнем, обсушимся...

— Ночь! Загадочный свет луны! Громадный сундук, набитый сокровищами, — мечтательно закатила глаза Ольга. — Очень романтично! Как в кино!

— Заткнись, дура, да помой посуду! — бестактно оборвал ее Кожемякин. — Слышь, Вадик, водка есть? Дай глотнуть, а то зуб на зуб не попадает!

К двенадцати ночи дождь действительно прекратился. Тучи немного раздвинулись, выпустив на свободу помятую, отсыревшую луну.

— Пора, — с хрустом потянулся Никаноров, сумевший вздремнуть пару часов. — Пошли, ребята. Не забудьте фонари прихватить.

Вся компания, включая Жеребцову, направилась к месту «тринадцать плюс шесть». Неожиданно из зарослей кустарника донеслись звуки ожесточенной возни и сдавленное звериное рычание.

— Мальчики! Медведь! — пискнула Ольга, судорожно вцепившись в рукав Кожемякина.

Скляр осветил на кусты фонарем. Возня мгновенно затихла.

— Собаки бродячие погрызлись! — рассмеялся Никаноров. — Не тушуйся, красотка! Откуда тут медведям взяться?

Успокоенные кладоискатели продолжили свой путь.

Глава 4

В кустах действительно грызлись «собаки», но не бродячие, а при должности и обе в человеческом облике. Одна из них звалась капитаном милиции Валерием Игнатьевичем Спесивцевым, а другая — бандитом Игорем Сычовым по прозвищу Сыч. Как, наверное, помнит читатель, подполковник Бутылкин, помимо прочего, приказал подручным: «Установить за кладоискателями тайное круглосуточное наблюдение. Глаз не спускать! В затылок дышать!» Сия ответственная миссия была возложена на майора Буракова и капитана Спесивцева, причем майор, используя служебное положение, установил следующий график дежурств: он караулит с девяти утра до шести вечера, а Спесивцев с шести вечера до девяти утра, ну, может, до десяти или одиннадцати, пока майор не выспится. Капитан, скрипя зубами, согласился. А куда денешься? Со старшим по званию спорить чревато!

— Опаздываешь! — взглянув на часы, брюзгливо попрекнул Бураков Спесивцева, явившегося в три минуты седьмого. — Ладно. На первый раз прощаю. Бди! А я на доклад к Ольгерду Пафнутьевичу. Смотри не засни, иначе схлопочешь по мозгам!

— Гнида толстозадая, — прошептал капитан, благоразумно дождавшись, пока майор отойдет подальше. — Из-за жалких трех минут развонялся! Сам дежурит девять часов, а мне выделил пятнадцать! Сволочь! Ненавижу!

Мысленно костеря бессовестного Буракова, Спесивцев угнездили в сырых колючих кустах, росших около забора, и прилип к биноклю. Памятуя строгий наказ подполковника вести тайное наблюдение, он, дабы случайно не выдать своего присутствия, не шевелился, вдохнуть глубоко боялся. В результате, к наступлению темноты Спесивцев превратился в измученное, мокрое, трясущее существо, проклинающее в глубине души бессердечное начальство и завидующее черной завистью «объектам наблюдения», прячущимся от дождя в сухой палатке... К двенадцати ночи, когда дождь утих, кладоискатели, вооружившись лопатами и ручными фонарями, выползли, наконец, наружу. Капитан восторгался. А что, ежели вот прямо сейчас придурки найдут сокровище? Он выскочит из укрытия, выхватит табельный «макаров», заорет: «Руки за голову! Лицом на землю! Ноги на ширину плеч! Любое шевеление расцениваю как попытку к бегству! Стреляю без предупреждения!», свяжется по радиции с Бутылкиным, вызовет подкрепление, получит обещанную боссом «долю малую», вырастет в звании на две ступени и... Радужные мечты Спесивцева бесцеремонно нарушили чье-то тяжелое тело, свалившееся откуда-то сверху и железной хваткой вцепившееся в капитанское горло...

Обещание Котяры «отпилить копыта ножовкой» подействовало на Игоря Сычова как мощный допинг. Уж кто-кто, а он достоверно знал — пахан даром слов на ветер не бросает. Непременно отпилит, гадюка! Собственноручно! Да специально пилу потупее выберет, можете не сомневаться! Пулей вылетев из разгромленных Котяриных апартаментов, Сыч заехал домой, переоделся соответствующей погоде и пешком двинулся в лес. Стараниями недавнего урагана чахлый пригородный лесок превратился в непроходимую чащобу. Тропинки были завалены вывороченными с корнями деревьями, обломанными ветками и прочим лесным хламом. Раскисшая земля чавкала под ногами. С затянутого грязно-серыми тучами неба сочилились мелкие капли дождя. Прошло не менее полутора часов, прежде чем Сычов, перемазанный глиной, усталый и злой, как черт, добрался до конечной цели своего путешествия. Пораскинув мозгами, бандит устроил наблюдательный пункт в ветвях старого разлапистого дерева, росшего в метре от обломков забора. Отсюда хорошо просматривались окрестности, да и посуше тут, чем внизу! Вооружившись биноклем, Игорь собрался было приступить к наблюдению, как вдруг его внимание привлекли подозрительные шорохи в кустах, сопровождаемые невнятным бормотанием. Сыч пригляделся, прислушался и мысленно ахнул. В зарослях кустарника по другую сторону забора, тихо матерясь, толстым боровом ворочался майор Бураков, в зад которому впиалась какая-то зловредная лесная колючка. «Вот те на! — подумал бандит. — Мусора-то раньше нас подсуетились насчет слежки. Впрочем, этого следовало ожидать! Недаром дороги перекрыты! Только тварей легавых здесь не хватало! Или подстрелить мента, а труп спрятать в буреломе? Нет, нельзя! Глушитель я, к сожалению, не догадался захватить. Шум выстрела спугнет кладоискателей, дело сорвется, а Котяря Пакостный отпилит мне копыта. У, блин! Садист проклятый! Однако как быть с ментами? Они, сволочи, за мешок с бриллиантами глотку перегрызут!»

Томительно тянулось время. Сычу чудилось, будто прошли не часы, а недели, месяцы... Хотя он сидел на относительно сухом дереве, не мок, в отличие от милицейского соглядата, в луже, но жизнь бандиту здорово отравляла мелкая лесная пакость: во-первых, комары, подобно ему скрывающиеся от дождя в ветвях, а во-вторых, крохотная злоющая мошка. От беспрестанных укусов лицо и руки Сыча покры-

лись волдырями, распухли. Особенно свирепствовала мошка, ухитрявшаяся забираться даже под одежду. Сычов испытывал поистине адские страдания, но до поры до времени героически терпел. «Отпиливание копыт ножовкой» все-таки хуже! В шесть часов вечера майора Буракова сменил капитан Спесивцев, в далеком прошлом одноклассник Сычова, «прославившийся» среди учащихся средней школы номер два как неисправимый стучач и подлиза. Злоба истерзанного насекомыми бандита зашкалила за наивысшую отметку. «Явился, мент недоделанный, — ненавидяще оскалился он. — Вот бы кому шейку свернуть! Ради такого кайфа и рискнуть не грех!»

В двенадцать ночи кладоискатели вышли из палатки. Спесивцев, гнусно сопя, прилип к биноклю. Тут натянутые до предела нервы Сыча лопнули. Утратив над собой контроль, он сиганул с дерева на спину ненавистному капитану...

В первый момент не ожидавший нападения Спесивцев ужасно перепугался, попытался позвать на помощь, однако не получилось. Из стиснутого железными пальцами горла вырвалось лишь приглушенное похрюкивание. Навалившаяся на него туша торжествующе зарычала. Тогда движимый инстинктом самосохранения капитан оказал отчаянное сопротивление. Нечеловеческим усилием оторвав от шеи руки врага, он наугад ткнул кулаком, попал во что-то мягкое и сразу же получил ответный удар по скуле.

— Мамочки, медведь! — пискнул женский голос.

Высокий худой мужчина в очках направил на кусты луч фонаря. Оба противника, крепко помнившие строгий наказ своих начальников о «тайности наблюдения», мгновенно прекратили борьбу и затаились.

— Собаки бродячие погрызлись! — рассмеялся темноволосый парень во франтоватой кожанке. — Не бойсь, красotka! Откуда тут медведям взяться?

Компания кладоискателей неторопливо удалилась. Когда они отошли достаточно далеко, «собаки» возобновили прерванную схватку, колошматя друг друга чем придется, кусаясь, царапаясь и рыча.

— Ты-ы-ы? — опознав наконец нападавшего, прохрипел капитан. — Посажу! По гроб жизни из тюряги не выберешься!

— Сперва в живых останься, — ответил бандит, вцепляясь Спесивцеву зубами в ухо. Новаторский прием решил исход поединка. Рычание капитана сменилось жалобным поскуливанием. Он рывком вскочил на ноги и, оставив часть уха в зубах последователя Тайсона, ринулся наутек, не разбирая дороги. Опьяневший от вкуса крови и сладости победы Сыч, начисто забыв не только о «тайном наблюдении», но даже и об «отпиливании копыт», погнался следом. На бегу он успел подхватить валяющуюся на земле внушительных размеров дубину.

— Ы-у-у! А-а-а-а! — завывал Сычов. — Со-кру-шу-у-у!

— И-и-и! — тоненько верещал улепетывающий Спесивцев. Внезапно он споткнулся и распластался в грязи, расквасив нос о торчащий из земли корень. Подоспевший бандит, растянув окровавленные губы в вурдалачьей усмешке, замахнулся дубиной. Ввиду неминуемой гибели, панический страх капитана сменился яростью отчаяния. Избегая добивающего удара, он проворно откатился в сторону, решительно поднялся, выхватил из кармана пистолет и, прицелившись в бочкообразную грудь Сычова, нажал спуск, однако вместо выстрела последовал лишь щелчок. Отсыревший «макаров» дал осечку. Сыч не замедлил пальнуть из «ТТ». Опять осечка. Не ищущая больше судьбу, конкуренты разбежались в противоположные стороны...

Когда сражение между капитаном Спесивцевым и Сычом было в самом разгаре, к дому номер пять на улице Демократической (до 1991 года Коммунистической, еще

раньше, при царе-батюшке, Бараньем тупике), где вместе с женой проживал подполковник Бутылкин, осторожно подъехал черный джип. Из него, воровато озираясь, выбрался Вовик, ради конспирации нацепивший длинный женский парик и потому малость смахивающий на представителя сексуальных меньшинств. В руках он держал мешок, набитый тротилловыми шашками, общим весом не менее десяти килограммов. Откровенно говоря, хотя в военном билете Вовика значилась воинская специальность «сапер», в подрывном деле он разбирался слабо, поскольку весь срок службы (не считая карантина) провел при штабе в качестве адъютанта, а вернее, персонального лакея командира части. Принесенного им запаса тротила хватило бы, чтоб пустить под откос минимум два товарных состава или разнести в клочья пятиэтажный жилой дом, однако Вовик об этом не знал и исходил из поговорки «кашу маслом не испортишь». Внимательно обозрев окрестности и не обнаружив ничего подозрительного, горе-сапер подкрался к машине начальника отделения — новенькой, чистенькой «ауди-100». В ту же секунду истошно заголосила суперсовременная сигнализация (взятка Бутылкину от хозяина местного автосервиса).

— Мать-перемать! — воскликнул ошарашенный Вовик, прячась за фонарный столб.

Сигнализация продолжала захлебываться в истерике. Распахнулись несколько окон, послышалась возмущенная ругань разбужженных граждан, не стесняясь в выражениях проклинавших импортные охранные устройства, не дающие порядочным людям спокойно отдохнуть. Визг сигнализации выдернул из постели и жену Ольгерда Пафнутьевича, Бутылкину Веру Васильевну, крайне раздражительную, высохшую, как мумия, даму, славящуюся исключительной стержоватостью.

— Вставай, кретин! — зашипела она, косясь выломанной пихав в бок мужа, мирно почивавшего после употребления внутрь двух бутылок водки. — Разберись со своей дерьмовой тарактелкой! Каждую ночь ни сна, ни покоя! Изверг! Пьянь бесовская! Молодость мою загубил! Ненавижу!

Не успевшему протрезветь Бутылкину померещилось, будто из кончиков пальцев благоверной вылезли острые кошачьи когти, а во рту появились длинные вурдалачьи клыки. Зная по опыту, что семейная ссора может легко перерасти в грандиозный скандал, сопровождаемый битьем посуды о подполковничью голову, выцарапыванием глаз, угрозами самоубийства и прочими выкрутасами психопатки, он поспешно оделся, выбежал во двор и отключил сигнализацию. Вдруг кот шkodливый на крышу запрыгнет, тогда опять вой сирены, а главное, беснование Веры Васильевны! Черт с ней, с сигнализацией. Машину начальника милиции вряд ли кто посмеет угнать или раскурочить. С супругой же связываться... Б-р-р! Бутылкин содрогнулся. Жизнь человеку дается один раз, и провести ее хотелось бы не в инвалидной коляске. (Перед глазами подполковника неотступно маячило кошмарное видение: разъяренная жена-ведьма с горящими безумием глазами, исходящая ядовитой слюной, швыряющая в него различными тяжелыми предметами.) «Подкузьмил мне мерзопакостный армяшка Асланян, — злобно подумал о владельце автосервиса Бутылкин. — Небось, специально подsunул такую гадость. Поиздеваться захотел! Ну, ничего! Завтра же я покажу тебе, где раки зимуют!» Найдя, таким образом, козла отпущения, Ольгерд Пафнутьевич немного успокоился, даже повеселел. Прячущегося за фонарным столбом Вовика он впопыхах не заметил... Нейтрализовав сигнализацию, подполковник вернулся обратно в квартиру...

Выждав для верности с полчаса, Вовик приступил к намеченной операции: обложил «ауди-100» тротилловыми шашками, поджег фитили, запрыгнул в джип — и до отказа газанул...

Спустя короткий промежуток времени прогремел оглушительный взрыв такой чудовищной силы, что из окон близстоящих домов повывлетали стекла...

Неприятности Ольгерда Пафнутьевича не ограничились взрывом машины, выбитыми стеклами и дикой истерикой Веры Васильевны. Роберт Градский (он же Псих), совместно с двумя молодыми боевиками из Котьяриной бригады, той же ночью добросовестно выполнил приказ пахана по уничтожению дачи Бутылкина — трехэтажного особняка, расположенного в пяти километрах к югу от Лозовска, выстроенного из белого кирпича в соответствии со стандартами современной моды «богатеньких Буратинов» — остроконечная черепичная крыша, кокетливые декоративные башенки, узорчатые балкончики и т. д. и т. п. Согласно известной половице «лучше перекланяться, чем недокланяться», Псих захватил не три, а шесть гранатометов, с четырьмя зарядами к каждому. Учитывая крутой нрав, горячую голову и холодное сердце Котьяры Пакостного, желание Психа «лучше перекланяться» абсолютно себя оправдывало. Как упоминалось выше, Кошкин пригрозил в случае неудачи закопать Градского «живым в землю на помойке». Псих работал с Котьярой порядка трех лет и имел веские основания верить подобным обещаниям шефа...

Бандиты на синей «девятке» подъехали к даче начальника лозовского ОВД ровно в час ночи.

— Охрана тут есть? — шепотом поинтересовался один из боевиков, крепкий бригтоголовый бугай по прозвищу Чугунный Лоб.

— Какая разница? — хихикнул другой, некий Валя Мясичев, редко моющийся наркоман с толстым задом, узкими плечами, с отвратительным запахом изо рта и с нелюбезной кличкой Гнилая Устрица. Ее приклеил парню сам Котьяра, посмотрев французский фильм «Дегустатор» с Луи де Фюнесом в главной роли. Ближе к концу фильма враги, угрожая оружием, заставили месье Дюшмана (великого дегустатора, дающего или отнимающего у ресторанов «звезды») кушать отвратительную стряпню из дешевой забегаловки, в том числе гнилые устрицы, пролежавшие в подсобке заведения две-три недели. Отведав устриц, бедняга Дюшман покрылся аллергическими пятнами, а Котьяра сразу вспомнил неряху Мясичева.

— Ха-ха-ха! От Вальки-грязнули у меня тоже аллергия. Гнилая Устрица! Вон!

Участь Мясичева была решена. Поначалу он жутко обижался на столь непривлекательную кличку, потом привык, да и препираться с паханом опасно для здоровья.

— Какая разница? — повторно хихикнул Гнилая Устрица. — Отстреляемся, и basta! Ха-ха... Ой! — В дряблую щеку Мясичева с размаху врезалась пятерня Психа.

— Молчать, болван! — процедил он. — Смехучки затеял, рожа неумтыга! Я из тебя быстро дурь вышибу... А охраны здесь нет, — осыпая, добавил Градский. — До вчерашнего дня у мента поганого не было оснований опасаться нападения. За дело! Живо! Взяли гранатометы, зарядили... Да не тем концом заряд вставляешь! Вот так! Рассредоточились... Прицелились... Огоны!

Двадцать четыре заряда РПГ превратили изящный особняк Бутылкина в жалкие развалины.

— Отлично потрудились, — нервически подергивая уголком рта, резюмировал Псих. — Камня на камне не осталось. Шеф будет доволен, а сейчас линиям в темпе. С минуты на минуту мусора нагрянут!

Синяя «девятка» на предельной скорости умчалась в темноту...

Опасения Градского насчет «нагрянувших мусоров» оказались напрасными. Наряд милиции, вызванный по телефону жильцами соседнего дома, лениво притащился лишь через два часа (соседи не догадались известить стражей порядка, что расстрелянный из гранатометов особняк принадлежит их начальнику).

Взрыв машины и разгром влетевшей в копеечку загородной резиденции повергли Ольгерда Пафнутьевича в состояние шока. В течение целого часа он напоминал свежемороженого окуня, бессмысленно тарашащегося в пустоту выпученными

глазами. Наконец, подполковник опомнился, залепил истерично визжащей жене хлесткую пощечину, выпил залпом стакан водки и принялся обдумывать план мести подлым злодеям, осмелившимся посягнуть на его собственность. Насчет личностей злодеев подполковник ни секунды не сомневался...

Место «тринадцать плюс шесть», так же, как и «тринадцать плюс пять», оказалось пустышкой. Кладоискатели окончательно убедились в этом к двум часам ночи.

— Вряд ли покойный старик управляющий мог закопать сокровища на глубине более трех метров.

— Не беда! — философски молвил Никаноров, тыльной стороной ладони утирая потный лоб. — Да, на сей раз не повезло. Но вы, ребята, не отчаивайтесь. Завтра, вернее, сегодня на рассвете опробуем место «тринадцать плюс девять», а пока давайте спать. Восстанавливать силы!

За действиями кладоискателей пристально следили капитан Спесивцев и Сыч, оба грязные, ободранные, окровавленные, как мартовские коты после жесткой дуэли в канаве, без правил и секундантов. Правда, теперь они прятались не только от «объектов наблюдения», но и друг от друга. Сыч затаился в кустах с одной стороны усадьбы, Спесивцев — на дереве с противоположной. Избитые тела соглядатаев ныли, искусанные насекомыми лица зудели, мокрая одежда противно липла к коже, в обуви хлопала вода, а в сердцах пылала лютая злоба... Время шло, небо потихоньку светлело, неторопливо приближалось утро, несущее городу Лозовску и его обитателям неслыханные доселе потрясения...

Глава 5

Милицейские кордоны блокировали подступы к графской усадьбе и, не стесняясь в выборе средств, не допускали туда жителей Лозовска. Любое действие рождает противодействие, а запретный плод заманчив вдвойне. Поэтому вечером 4 июля 1998 года наиболее активные граждане начали собираться на площади у здания бывшего Дома культуры «Взлет», где теперь располагался офис скандально известной партии «Борцы за справедливость», возглавляемой депутатом Государственной думы Владиленом Генриховичем Лапшеушиным. Поначалу собрание носило стихийный характер, площадь перед ДК выбрали ввиду отсутствия более удобного места, конкретного плана действий у собравшихся не имелось, но это продолжалось недолго. Вскоре у недопущенных к кладу, досыта отведавших милицейских дубинок, а потому злых донельзя граждан появился вождь, да еще какой! Владилен Генрихович Лапшеушин являлся личностью на редкость неординарной. Его политическая платформа периодически менялась применительно к обстановке в стране (и даже, как поговаривали, в соответствии со сменой времен года), однако в общем и целом господин Лапшеушин всегда оставался в непримиримой оппозиции к любой власти, кроме собственной. Он ругал правительство абсолютно за все! За замедление и за ускорение процесса «реформ», за начало войны в Чечне и за ее окончание, за получение или неполучение, в зависимости от результатов переговоров с МВФ, иностранных кредитов и т. д. и т. п.

Бурная общественная деятельность не мешала Владилену Генриховичу проворачивать, прикрываясь депутатским мандатом, некоторые темные, но прибыльные делишки, о которых электорат ничего толком не знал. Ходили смутные слухи о его аферах с левой, недоброкачественной водкой, однако это были всего-навсего слухи. За руку народного избранника никто не поймал. Между тем недостатка в приверженцах

депутат не испытывал. Он произносил трескучие речи, будоражащие толпы болванов, на обещания не скупился, регулярно забавлял публику экстравагантными выходками: то перед телекамерой в морду кому-нибудь засветит, то водой обольет, то матом покроет, то в гей-клубе спляшет.

Подозрительное скопление людей в непосредственной близости с партийной резиденцией первым заметил самый доверенный из бесчисленных «помощников депутата» Паша Губошлепов — здоровенный бритоголовый субъект, одновременно выполняющий множество обязанностей: секретаря, телохранителя, порученца и прочее, прочее...

— Владилен Генрихович, толпа собирается, — доложил он, зайдя в кабинет лидера «Борцов за справедливость». — Как бы чего не вышло! Злые все! Галдят, руками машут!

— Что им от меня нужно? — побледнел Лапшеушин, вообразивший, будто народные массы явились за его скальпом.

— Не знаю, — пожал могучими плечами Губошлепов. — Кричат о бриллиантах, поделиться требуют!

— Что-о-о-о? — опешил депутат.

Всецело занятый политическими интригами, вкупе с финансовыми аферами, он оказался, пожалуй, единственным человеком в Лозовске, до которого не успели дойти слухи о графских сокровищах. Губошлепов вкратце обрисовал сложившуюся в городе ситуацию. Лапшеушин задумался. «Подвода с бриллиантами? Гм! Скорее всего чушь собачья, но не за горами очередные выборы в Государственную думу, а потом, глядишь, президентские! Необходимо заблаговременно собирать электорат, завоевывать популярность среди избирателей! Обычными дебошами уже не обойдешься! Приелись! Обещаниями не купишь, надоели! Надо выкинуть что-нибудь этакое, масштабное, незабываемое... Эврика! Нашел!» Озаренный гениальной идеей, Владилен Генрихович возбужденно заерзал в кресле — именно он возглавит стихийное движение граждан, требующих дележа бриллиантов, выступит в роли глашатая народного гнева, защитника поправных прав лозовцев. А найдут клад или не найдут — Лапшеушин по-любому внакладе не останется. Электорат не забудет, как старался для него лидер партии «Борцы за справедливость». Более того — весть об этом вихрем разнесется по стране (подкупить нескольких газетчиков да телевизионщиков дело нехитрое), и, быть может, в двухтысячном году... — депутат блаженно зажмурился, — Президент Владилен Генрихович Лапшеушин! Как звучит-то! Как звучит!»

— Сию же секунду выставить на площадь передвижные палатки с водкой и бутербродами! — сверкнув глазами, громыхнул Лапшеушин. — Раздавать бесплатно, от моего имени! Одновременно через наших агентов распространить по городу слух — лидер партии «Борцы за справедливость» не потерпит ущемления коррумпированными чиновниками законных прав трудящихся! Грудью станет на защиту! Понадобится — костями ляжет! Пусть население Лозовска завтра в девять утра соберется на площади. Я лично выступлю с речью. Скажи Брехункову, чтоб подготовил текст. Водку поставлять бесперебойно! Действуй!

Помощник депутата, громко топоча, бросился выполнять полученные распоряжения. Владилен Генрихович почесал затылок, смачно высморкался и плотоядно улынулся.

— Электорат! — сладострастно прошептал он. — Электоратик ты мой! Цыпа, цыпа, цыпа!

В половине восьмого утра дежурного по лозовскому отделению милиции сорокалетнего капитана Владимира Антоновича Ежикова увезла «Скорая помощь» с диа-

гнозом — инфаркт миокарда. Злосчастный капитан замертво рухнул на пол, едва завидел физиономию подполковника Бутылкина, явившегося на работу раньше обычного. И неудивительно! Травмированный понесенными ночью громадными убийствами, Ольгерд Пафнутьевич напоминал жуткий гибрид не первой свежести утопленника, вампира из голливудского ужастика и маньяка Чикатило, изготовившегося терзать очередную жертву. Равнодушно взглянув на бесчувственного Ежикова, он влетел в свой кабинет и яростно хватился за телефон. Резкий звонок вырвал майора Буракова из уютных объятий сна.

— Дрыхнешь, скотина? — сняв трубку, услышал полупроснувшийся Семен Петрович леденящий душу рык начальника. — Я те, блин, устрою! Загрызу-у-у-у! Растерза-ю-ю-ю!

— Но, товарищ подполковник! Я ж после задания отдыхаю! Промерз в лесу, промок до мозга костей! — попытался оправдаться Бураков.

— В гробу отдохнешь! Бегом сюда, майор! Или звание младший лейтенант тебе больше подходит? А?

— Нет, нет. Не надо репрессий! Уже лечу! — поспешил заверить Бураков, лихорадочно натягивая одежду.

Примчавшись в отделение, он тоже чуть было не лишился чувств, взглянув на сизое, перекошенное лицо шефа.

— Необходимо кой с кем посчитаться! — ощерившись, прохрипел подполковник. Глаза его горели, как раскаленные угли. С кривых желтоватых клыков капала слюна. — С Котяркой Пакостным и со Звездовской! Взорвали мою машину, раздолбали из гранатометов дачу! Р-р-р!

— А Спесивцева сменить? — осмелился спросить Семен Петрович.

— К черту твоего Спесивцева! — взревел Ольгерд Пафнутьевич. — Не сахарный. Не растает! Или ладно, отправим ему на помощь сержанта Отморозкова! Тот вчера хорошо себя зарекомендовал. Орел! (О смертельной схватке Спесивцева с Сыном они не знали, так как рация капитана разбилась в процессе драки.)

— Вы уверены, что это их рук дело? — робко поинтересовался Бураков.

— Кого «их»? — не врубился ополоумевший подполковник.

— Кошкина и Звездовской.

— Конечно, — убежденно кивнул Бутылкин. — В прошлом году я помог Котярке приобрести десяток РПГ на свою, блин, голову!

— А может, машину тоже он? — не отставал майор. — Вдруг Звездовская ни при чем?

— При чем, ни при чем! Какая разница! — сварливо проворчал начальник ОВД. — Перестрашуемся на всякий, знаешь ли, пожарный! Лучше уничтожить десяток невиновных, чем упустить одного виновного!

— Так что прикажете с ними сделать? — спросил тугодумистый Бураков.

— Стрелять умеешь? — вопросом на вопрос ответил Бутылкин.

— Э-э-э, не то чтобы очень...

— Ну и дуреня! — взвился на дыбы доведенный до белого каления подполковник. — Чему тебя, осла, только учили?

Майор скромно промолчал, не осмелившись напомнить, что учили его, главным образом, вылизывать задницы начальства, хапать взятки, стучать на сослуживцев да фальсифицировать уголовные дела. Ольгерд Пафнутьевич разбушевался зимним ураганом, изливая потоки грязной ругани, конвульсивно дергаясь, плюясь и размахивая кулаками. Семен Петрович от греха подальше забился в угол, с трепетом взирая оттуда на беснующегося шефа. Наконец, спустя полчаса гнев подполковника начал понемногу стихать.

— Раз сам не умеешь, найди того, кто умеет! — зашипел он. — Хотя бы лейтенанта Бибикина. Он вчера попал в Бу-Бу с первого выстрела. Молодец! Снайпер! Кстати, о задержанных бандитах. Поручишь их обработку Сереге Костоломову. Чтоб к обеду сознались во всех тяжких. В каких именно? Костоломов придумает. Усвоил?

— Так точно! — выпянулся в струнку Бураков. — Разрешите идти?

— Пшел!

Отпустив майора, Бутылкин уселся за стол, успокоения ради выхлебал два стакана водки и, покуривая сигарету, погрузился в сладкие мечтания. Грезилась ему скорбная похоронная процессия, медленно движущаяся к кладбищу под звуки траурного марша, два гроба — в одном — Котяра, в другом — Звездовская, и т. д. и т. п. Приятные видения начальника ОВД продолжались довольно долго, вплоть до десяти утра. Ровно в десять в кабинет без стука ворвался дежурный лейтенант Коврижин, заменивший увезенного в реанимацию Ежикова.

— В городе беспорядки, — с порога выпалил он. — К отделению приближается агрессивно настроенная толпа, человек двести, не меньше, под руководством функционеров лапшеушинской партии! Вооружены коляями, цепями, булыжниками. Требуют дележа графских сокровищ!

От неожиданности Ольгерд Пафнутьевич лишился дара речи.

— Прикажете вызвать ОМОН? — полувопросительно продолжал Коврижин.

— Кх-х-х-х, — выдавил подполковник.

— Слушаюсь! — козырнув, отчеканил сообразительный лейтенант.

Владилен Генрихович сдержал данное накануне обещание. Без двух минут девять он взобрался на трибуну, наспех сооруженную из пустых водочных ящичков, которых к утру скопилось на площади изрядное количество. Стараниями партийных активистов, а главное, благодаря бесплатной выпивке толпа у здания бывшего Дома культуры собралась огромная.

— Мы не потерпим ущемления прав трудящихся! — вещал господин Лапшеушин. — Долой коррумпированных чиновников! Положить конец произволу милиции. Да здравствует справедливость!

Подвыпившая аудитория разразилась бурными аплодисментами, переходящими в овацию. Польщенный депутат широко улыбнулся, продемонстрировав окружающим ровные белые фарфоровые зубы, вставленные во время недавней зарубежной поездки.

— Моя жизненная позиция, моя совесть, взгляды, убеждения вызывают к защите законных требований населения, — воодушевившись, говорил он и, незаметно для самого себя, повинуясь многолетней привычке, перешел к изложению очередной политической платформы партии «Борцы за справедливость».

Слушатели поскущели. Их интересовали конкретные бриллианты, зарытые в усадьбе графов Коробковых, а не набившие оскомину предвыборные обещания.

Увидев это, Лапшеушин остановил сам себя и с фальшивым добродушием изрек:

— Я немного отвлекся. Перейдем непосредственно к делу!

— Во-во! Правильно! Давно пора! — загалдели обрадованные голоса.

— Предлагаю разделить на две колонны, — прокричал в мегафон Лапшеушин. — Одна движется к зданию милиции, другая — к городской мэрии. Надеюсь, возражений нет?

Возражения, естественно, были. В любой революции или просто в движении за... (впрочем, безразлично, за что, важен сам факт наличия движения) всегда найдется кучка оппортунистов, в корне не согласных с генеральной линией руководства и по каждому вопросу имеющих особое мнение.

Не миновала чаша сия и взбунтовавшихся лозовцев. Главой местных оппортунистов стал уроженец солнечного Азербайджана сорокапятилетний Махмуд Каримов, до начала бриллиантового психоза мирно спекулировавший помидорами на рынке, а теперь объявивший себя прямым потомком графов Коробковых и одновременно праправнуком героя войны 1812 года князя Багратиона. Двигало Каримовым желание... А черт его знает! Восток — дело тонкое!

— Я законный наследник, но я не жадный! Вэришь, да? — втолковывал он народу. — Я хачу, я буду дэлиться! Вай, вай! По-братски дэлиться! Мамой кланус! Но... — Тут свежеиспеченный аристократ важно поднял вверх указательный палец. — Лапшэушин врот, как паршивый пес! К мэрии ыдты! К мыльцы! Вах! Мазги нам пудрыт! Вниманыэ отвлыкаэт! Клад зарыт вовсэ нэ в усадбэ, а на въездах в город! Нэдаром там со вчэрашнэго дна экскаваторы капаются! Мы, как бараны, будым устраивать дэманстрацыы, а луды Лапшэушина по-тыхому достанут сокровища да слынают! Шакалы!

Невзирая на совершенную нелепость утверждений помидорного спекулянта, часть собравшихся отнеслась к ним с полным доверием.

— За мной! К ямам! Не позволим себя обмануть! — патетически воззвал «потомок Багратиона» и с гордым видом покинул площадь. За ним последовало человек пятьдесят.

— Куда они намылились? — изумился Владилен Генрихович.

— Вообразили, будто бриллианты зарыты на въездах в город, — пояснил успешный разведать обстановку Паша Губошлепов. — Там, по распоряжению Звездовской, вчера дороги перекопали!

— Зачем? — забеспокоился Лапшеушин.

— Не волнуйтесь, босс, — усмехнулся порученец-телохранитель. — Наша госпожа мэр решила изолировать Лозовск от внешнего мира во избежание наплыва халвящиков.

— Ха-ха-ха! Дуракам закон не писан! — от души развеселился народный избранник. — Ладно, Паша, развивай людей на колонны. Одну — к зданию ОВД — поведешь ты, другую — к городской мэрии — Брехунков.

— А вы? — поинтересовался Губошлепов.

— Я буду координировать ваши действия отсюда. Поддерживай со мной постоянную связь по мобильному телефону... Ну, начали, пока электорат не протрезвел!

Капитан Спесивцев и Сыч, к утру совершенно утратившие человеческий облик, с нетерпением ждали замены. На кладоискателей, возобновивших работу на рассвете и старательно рывшихся в месте «тринадцать плюс девять», они практически не обращали внимания. Какие там, к лешему, бриллианты, когда шкуры изодраны, морды разбиты, одежда вымокла до нитки, мандраж непрерывный колотит, а в двух-стах метрах злейший враг затаился!

Первым дождался сменщика Сыч, сумевший сохранить невредимым сотовый телефон и известивший Котяру о ночном инциденте. Вопреки ожиданиям Сычова, крестный отец Лозовска не особенно расстроился.

— Мент, гришь? Капитан Спесивцев? Да черт с ним, — фыркнул в трубку Кошкин. — Не трогай до поры до времени. Пришьем, когда лохи сокровища найдут, а до тех пор не стоит хипши поднимать. И не хньчь, Игорек! Высылаю к тебе Чугунного Лба. (Благодушие Котяры объяснялось удачно проведенной операцией по уничтожению особняка Бутылкина. О грозящей ему самому опасности мафии не догадывался.)

Чугунный Лоб явился в восемь утра — свеженький, бодренький, розовый, словно дрых ночь напролет, а не упражнялся в стрельбе из гранатомета.

— Вон там на дереве мусор засел, — шепнул ему трясущийся в ознобе Сыч. — Пахан тебя проинструктировал?

— Угу!

— Тогда я отваливаю. Приятного отдыха...

Сержант Отморозков, выраженный конспирации ради в «гражданку», прибыл без пяти девять, увидел скорчившееся в ветвях грязное, всклокоченное человекообразное существо и бодро передернул затвор «АКС-74-У».

— Не стреляй! Это ж я! Валерий Игнатьевич Спесивцев! — проскулил капитан.

— А-а, — понимающе протянул сержант, опуская оружие. — Чего вы там делаете?

— Тише, балбес, нас могут услышать! — Скулеж Спесивцева превратился в гадючье шипение. — Забыл о конспирации, debil?

— Не-а.

— Слушай внимательно, — спустившись на землю, шепнул капитан. — Здесь — не только кладоискатели. Видишь кусты на противоположной стороне усадьбы? Там — бандиты, присланные Котярой Пакостным.

— Ща замочим! — обрадовался Отморозков, вскидывая автомат.

— Не смей, дурак! — ухватился за ствол Валерий Игнатьевич. — Нельзя поднимать шум... У тебя рация есть?

— Не-а, — недоуменно развел руками сержант. — Начальник велел вашу взять.

— Моя разбита, — уныло сознался капитан. — Ночью с бандюгой схлестнулись. В общем, так. Затаись, никаких действий не предпринимай. Я доберусь до отделения, посоветуюсь с Бутылкиным. Мы с ним решим, что дальше делать, и пришлем кого-нибудь предупредить тебя. Усек?

— Ага!

— Смотри, без самостоятельности, — напомнил капитан, направляясь к дороге.

Отморозков удрученно вздохнул. Ему ужасно хотелось пострелять.

Глава 6

Лозовский ОМОН возглавлял майор Живоглотов Ирод Иудович. Усатый, пузатый, коротконогий мужчина лет сорока, напоминающий помесь каракатицы, свиньи и моржа. Мягко говоря, «оригинальное» имя-отчество объяснялось происхождением майора из семьи закоренелых еретиков, адептов секты «Последователи Антарктического Пингвина», проповедующей учение... да ну его в болото! Пересказывать подобный бред — язык сломаешь, мозги вывихнешь. Имя, отчество, фамилия подходили омовскому начальнику как нельзя лучше. Он отличался патологической жестокостью, склонностью к предательству и любил издеваться над детьми. Эти качества майор проявлял в течение всей жизни. В начале восьмидесятых он работал на таможне, был замешан в крупную аферу с контрабандой антиквариата, перезаложил всех подельников, за активное содействие следствию выторговал себе свободу и, отделавшись легким испугом, устроился на работу в среднюю школу № 2 в качестве военрука. Там Ирод, в точном соответствии с именем, начал терроризировать учеников (одному пятикласснику, курившему в туалете, сломал обе руки, с размаху грохнув ребенка об пол, другого выбросил из окна второго этажа и т. д.). В конце концов, под давлением возмущенных родителей Ироду Иудовичу пришлось уволиться из школы «по собственному желанию», однако безработным он не остался. Сперва поступил на службу в Лозовское отделение милиции, а затем перебрался в местный ОМОН, где быстро сделался начальником. Тут-то Живоглотов и развернулся на полную катушку. Лупцуя людей по поводу и без повода, он ощущал ни с чем не сравнимое блаженство. Под-

чиненных Ирод Иудович подбирал по своему образу и подобию. В результате, лозовский ОМОН пользовался дурной репутацией даже среди коллег.

Просьбу подполковника Бутылкина разогнать надвигающуюся на отделение демонстрацию Живогловых воспринял с невероятным воодушевлением.

— Разобрать автоматы, щиты, дубинки, гранаты со слезоточивым газом! — с энтузиазмом приказал Живогловых подчиненным. — Давить! Крушить! Мокрого места не оставьте! Зачинщиков схватить, запереть в камеры! Ими я лично, хе-хе, займусь! На досуге!

Гремя щитами и потрясая дубинками, омовцы двинулись навстречу толпе.

Предводитель демонстрации Паша Губошлепов, завидев цепь омовцев, на миг растерялся, но вскоре, опознав в командире карателей Ирода Иудовича, пришел в неописываемую ярость. Дело в том, что Паша некогда обучался в той самой школе № 2, где свирепствовал военрук Живогловых. Правда, серьезных увечий Паше, в отличие от большинства одноклассников, удалось избежать, но однажды военрук «шутки ради» заехал ему ногой под копчик так сильно, что мальчишка неделю не мог присесть.

— Ублюдок вонючий! — процедил Паша, буравя глазами ненавистную усатую рожу. — Похоже, настала пора поквитаться!

— Гей, ребята! Смотрите! Вот она, хваленая демократия! — крикнул Губошлепов замершим в нерешительности гражданам. — Менты собираются разогнать мирную демонстрацию! Бей легавых! Справимся! Нас в десять раз больше! За мной!

Вертя над головой велосипедную цепь, он первым бросился на омовцев. Почувяв жока, хмельная, доведенная до неистовства жадной дележа графских бриллиантов толпа с улюлюканьем ломанулась следом, в мгновение ока смяв цепь стражей порядка.

— Огонь на поражение! — взвизгнул Ирод Иудович, но было слишком поздно! Все до единого омовцы валялись на земле, извиваясь под градом ударов озверевших демонстрантов, а самому Живоглову врезался в челюсть свинцовый кулак Губошлепова.

— Получи, сволочь, старый должок! — приговаривал Паша, пиная ногами завывающего дурным голосом Ирода Иудовича.

Раненый Бу-Бу и Генерал провели ночь в КПЗ лозовского отделения на голом бетонном полу. Бутылкин не спешил отправлять их в ИВС, расположенный в соседнем областном городке Долбищенке. Везти далеко. Пока то, пока се... Пускай лучше под рукой побудут... Бу-Бу, наивно попросившийся в больницу, вызвал у милиционеров взрыв дьявольского гогота и схлопотал дубинкой по черепу. Однако спустя некоторое время дежурный по отделению, сжалившись, швырнул ему кусок бинта и таблетку анальгина: «Лечись, блин, помни мою доброту!» Рана Бу-Бу оказалась неопасной, но чрезвычайно болезненной, да и кровянистый вытекло порядочно. Бандит ни на минуту не сомкнул глаз, охая, стаяя и матеря милицейский произвол. Генерал, совершенно выбитый из колеи, также не сумел уснуть, беспрестанно ругая Бу-Бу, по дузости которого «вся каша заварилась». К утру оба напоминали выходцев из могилы, переполненных запредельной злобой. А без двадцати десять в камере появился старший лейтенант Сергей Костоломов.

Завидев старшего лейтенанта, узники мгновенно остыли и страстно возмечтали провалиться сквозь землю. Костоломов был похож на плохо выбитую гориллу, одержимую магией убийства: узенький, шириной в мизинец дистрофика, лобик, жесткие, подстриженные ежиком волосы, лохматые брови, зловещие красные огоньки в бездонных провалах глазниц, выпирающая вперед верхняя челюсть, сутулая фигура,

длинные, жилистые, свисающие ниже колен руки с пудовыми кулачищами, покрыты ми мозолями от бесчисленных зуботычин... Пристально оглядев съезжившихся бандитов, Костоломов расплылся в ужасающей улыбке, кровожадно потер клещеобразные ладони, схватил одной рукой Генерала, другой Бу-Бу, легко, словно месячных котят, отволол их к себе в кабинет, находящийся неподалеку на первом этаже, мешками пошвырял в угол, отвесил каждому по паре оглушительных затрещин для профилактики и приступил к допросу.

— Ты! — Костоломов пнул носком ботинка Генерала. — Встать!

Бандит, шатаясь, поднялся.

— Сознавайся, козел!

— В чем именно?

— Щас объясню, — осклабился старший лейтенант. — Значится, так: ты профессиональный наемный убийца. Киллер! Гы-гы! Застреливший на прошлой неделе банкира Пузанова плюс еще человек сорок-пятьдесят. Фамилии впишем в протокол позднее. Нужно полистать газетные подшивки за последние полгода. Теперь ты. — Старший лейтенант толкнул ногой всхлипывающего Бу-Бу. — Возьмешь на себя все нераскрытые террористические акты! Я доходчиво выражаюсь? Молчите? Ну, держитесь! — Костоломов принялся безжалостно лупцевать задержанных и, возможно, забил бы до смерти, но внезапно замер в изумлении. Послышался звон разбиваемых стекол, жалобные мольбы о пощаде (старший лейтенант со страхом узнал голоса некоторых сослуживцев), топот бегущих по коридору ног... Дверь настежь распахнулась, в кабинет ворвался разгоряченный Паша Губошлепов и с размаху огрел Костоломова велосипедной цепью по макушке.

Втопав в грязь омовцев майора Живоглотова (ему перепало больше остальных), конфисковав оружие и лишь по чистой случайности никого не убив, демонстранты помчались дальше, штурмовать отделение милиции, издавна ассоциирующееся у них со змеиным логовом. Ввиду неожиданности подобного оборота событий, доблестные защитники закона не оказали ни малейшего сопротивления нападавшим. Самые сообразительные повыпрыгивали из окон (в том числе подполковник Бутылкин, сиганувший со второго этажа в заросли репейника), остальные, менее расторопные, угодили в лапы взбунтовавшихся граждан, припомнивших «ментам поганым» и хамское поведение, и побои, и вымогательство взяток, и многое-многое другое... По отделению разносился стон, плачи, перемежаемые радостным уханьем победителей, активно работающих кулаками, ногами, цепями и колами. Отметелив до потери пульса злыдня Костоломова, Губошлепов отдышался, вынул из кармана сотовый телефон, набрал номер Лапшеушина и восторженно отрапортовал:

— Шеф! Дела идут превосходно! Омовцам вломили по первое число! Здание ОВД взяли штурмом! Каковы будут дальнейшие инструкции? Шеф! Шеф! Вы меня слышите? — В трубке пищали короткие гудки.

«Тьфу, черт, рассоединилось, — подумал порученец-телохранитель, повторно набирая номер, однако дозвониться до Владилена Генриховича не смог. — Телефон испортился, — простодушно решил Паша. — Ну, ничего страшного. Покамест сам управлюсь».

— Козлов загнать по камерам! — зычно распорядился он, показывая на кучку окровавленных, измочаленных, хнычущих сотрудников Лозовского ОВД. — А жертв мурсорского произвола (Генерала и Бу-Бу) срочно отвезти в больницу!

Да здравствует справедливость!

В это самое время лидер партии «Борцы за справедливость» Владилен Генрихович Лапшеушин, петляя, как заяц, удирал из города. «Ни фиги себе, — затравленно

думал он. — Вот те и демонстрация! Вот те и электорат! Пропади он пропадом! Пашка, дубина! Робеспьер недоделанный! Разгром отряда ОМОНа! Успешный штурм отделения милиции! За такие фокусы мигом за решетку упрячут! Надо смываться от греха подальше! В случае чего, «моя хата с краю, ничего не знаю». Да! Я произнес речь! Призвал к проведению мирной, подчеркиваю, мирной демонстрации, но к дальнейшим безобразиям не причастен! Сразу после речи я уехал... Ну, положим, в Долбищенке, на встрече с избирателями. Не было меня в Лозовске. Не подстрекал! Тем паче, не участвовал! Во всем виноваты «паршивые овцы в нашем стаде», например, лопух Губошлепов. Пусть суд воздаст им по заслугам! Гм, звучит правдоподобно. К тому же депутатская неприкосновенность... Авось, выкручусь! Что же касается электората... До выборов есть еще время. Успею набрать очки. Выплыву! Не впервой!»

Выбравшись из Лозовска, Лапшеушин поймал на шоссе машину и, сунув водителю крупную купюру, потребовал на предельной скорости отвезти его в Долбищенск.

Лейтенант Олег Бибикин, огульно зачисленный начальником лозовского ОВД в «снайперы», получив приказ ликвидировать «по-тихому» мадам Звездовскую и Котяру Пакостного, не испытал особого энтузиазма. Более того, его охватила паника. Лейтенанта не смущала перспектива стать убийцей, но, во-первых, Олег с детства слыл отъявленным трусом, а во-вторых, стрелком, если честно, являлся никудышным. В Бу-Бу он попал совершенно случайно, чему сам несказанно удивился. Однако именно благодаря трусости Бибикин спорить с начальством не посмел. Стуча зубами и потя, он принялся готовиться к роли киллера, используя знания, почерпнутые из просмотренных боевиков, а также арсенал вещдоков, любезно предоставленный майором Бураковым. Бибикин натянул на голову лыжную шапочку с прорезями для глаз, нацепил черный плащ до пят, заткнул за пояс изъятый вчера у Генерала «ТТ», опрокинул для укрепления духа стакан водки и направился к городской мэрии. Редкие прохожие (большинство жителей Лозовска собралось на площади, внимая речам Лапшеушина) удивленно поглядывали на причудливую фигуру, но от комментариев воздерживались. Какая им, собственно, разница? Мало ли психов развелось в наше время, а дурдомы охраняются плохо. Вот и убежал!

Никем не потревоженный Бибикин благополучно добрался до мэрии, значительно опередив вторую колонну демонстрантов, возглавляемую Брехунковым, решительно вошел вовнутрь и пнул ногой дверь кабинета Звездовской. Татьяна Петровна старательно наводила красоту. Занятие в ее преклонные годы ответственное, трудоемкое, отнимающее массу времени. На столе лежала груда косметики.

— Готовься к смерти! — загробным голосом произнес лейтенант, поднимая «ТТ». — Тебе конец!

Госпожа мэр, которой нельзя было отказать в сообразительности, нырнула под стол и завывала, как пароходная сирена:

— Вовик, Толик, Лелик! Меня хотят убить! На помощи!

Решимость незадачливого киллера бесследно испарилась. Он попытался убежать, но не успел. Примчавшиеся на зов клеветы Звездовской сбили его с ног, отобрали пистолет (как потом выяснилось, незаряженный — забыл в спешке вставить обойму) и сорвали маску.

— Ба! Да это ж лейтенант Бибикин! — воскликнул Вовик. — Бутылкин, небось, прислал? Сознавайся, скотина! Башку отверну!

— Да, Бутылкин! — прошептал лейтенант. — Не убивайте! Я больше не буду!

— Что с ним делать, Татьяна Петровна? — обратился к вылезавшей из-под стола Звездовской Лелик. — Может, действительно, того? Пока никто не видит!

Бибикин зашелся в истерическом плаче.

— Не надо! — свеликодушничала успевшая оправиться от испуга госпожа мэр. — Свяжите покрепче да закройте! Заложник нам пригодится. К тому же этот недомерок — отличный компромат против Бутылкина!

«Добры молодцы» скрутили не перестающего рыдать «киллера», попинали от избытка рвения, захихнули в чулан и повесили на дверь массивный амбарный замок. Едва они закончили свою работу, с улицы донеслись шум, гам и мегафонные призывы господина Брехункова «сохранять спокойствие».

Сергей Анатольевич Брехунков, в отличие от горячего Паши Губошлепова, революционным действиям предпочитал «переговорный процесс». Однако не по благоразумию или кротости нрава, а из соображений прагматических. Сергей Анатольевич знал по опыту — конфиденциально побеседовав с представителями власти, можно выторговать что-нибудь «вкусненькое» себе лично, а ежели толпа начнет кипятиться — и ей небольшую косточку бросить. В результате — и волки сыты, и овцы целы!

— Граждане, сохраняйте спокойствие! — надрывался он, намертво приклеившись губами к мегафону. — Партия «Борцы за справедливость» уполномочила меня вести переговоры с мэрией.

— Водка заканчивается, — шепнул на ухо оратору один из партийных функционеров. — Люди нервничают!

— Подгони фургон с нашего конспиративного склада, — так же шепотом посоветовал Брехунков.

— Отравятся, — задумчиво пробормотал функционер.

— Ни черта с ними не сделается! Не такое еще пили, — сохраняя на лице умилную улыбку, злобно прошипел Анатолий Сергеевич и, возвысив голос, крикнул: — Не позднее, чем через полчаса, прибудет фура с ...э-э-э... напитками, которые будут раздаваться бесплатно.

Обнадеженная толпа слегка притихла, а Брехунков, не выпуская из рук мегафона, скрылся в здании мэрии. Там между ним и мадам Звездовской произошел весьма интересный разговор.

— Народ волнуется! — заявил Сергей Анатольевич.

— С какой стати? — изобразила недоумение госпожа мэр.

— Сами знаете! — хихикнул Брехунков. — Дележа бриллиантов просят!

— Каких бриллиантов? Знать ничего не знаю, — сухо отрезала Звездовская.

— Ох, не надо! — замахал толстенькими коротенькими ручками «поверенный народных масс». — Мы с вами, Татьяна Петровна, люди здравомыслящие. Сумеем полюбовно договориться!

— Вы полагаете? — наострила уши Звездовская.

— Уверен.

— Хорошо! Ваши предложения?

— Извольте!

Торг длился не менее часа.

В результате, мэрша вручила Анатолию Сергеевичу десять тысяч долларов наличными и поклялась выделить долю сокровищ, к сожалению, недоступных пока из-за милицейского произвола. В свою очередь, Брехунков обещал поспособствовать успокоению возмущенных трудящихся. Обсудив детали, спешившиеся оппоненты вместе вышли на крыльцо.

— Я всей душой болею за вас, дорогие мои! — горячо заверила собравшихся Звездовская.

— А пенсии с пособиями зажала! Полгода денег не видел! Воровка! — услышались в ответ негодующие выкрики.

— Ничего подобного! — делая вид, будто не замечает оскорблений, уверенным тоном возразила Татьяна Петровна. — Те, кому полагаются пенсии и пособия, могут прямо сейчас получить деньги в любом отделении Дыркомбанка. Полностью за весь срок! Я уже отдала соответствующие распоряжения. Что касается бриллиантов, — госпожа мэр терпеливо дождалась, пока стихнет дикий пьяный рев. — Что касается бриллиантов, — невозмутимо продолжала она, — то здесь я, увы, бессильна! Вина целиком лежит на начальнике ОВД подполковнике Бутылкине. Вспомните милицеские блокпосты на дорогах, ведущих к усадьбе!

В толпе забушевал тайфун страстей.

— Бей ментов поганых! Смять блокпосты! Прорваться к усадьбе! — неслись со всех сторон воинственные призывы.

Татьяна Петровна стушевалась, побледнела. В ее планы вовсе не входило допускать к вождьленному клладу уйму халявщиков. Неожиданно на выручку мэру подоспел господин Брехунков.

— Нельзя совершать противоправные действия! — загорланил он в мегафон. — Мы обязаны действовать строго в рамках Конституции. Организуем сидячую забастовку! — заливался соловьем Сергей Анатольевич. — Рано или поздно милицеское начальство пойдет на уступки! А партия «Борцы за справедливость» гарантирует бастующим бесплатные бутерброды и согревающие напитки! Подгоняйте вторую фуру с водкой! — тихо приказал он охранникам. — Да живее! Не канительтесь!

Шум среди демонстрантов утих. Одни, разумно предпочтя реальную синицу в руках полумифическому журавлю в небе, отправились в Дыркомбанк получать полугодовые недоимки, другие присоединились к сидячей забастовке, по мере распития дармовой сивухи постепенно превращающейся в лежачую. Обстановка у здания городской мэрии стабилизировалась.

— У-у-уф! — с облегчением выдохнул Брехунков. — Пронесло! Да, кстати, уважаемая Татьяна Петровна, я совершенно забыл упомянуть об оппозиции.

— А-а-а? — вытаращилась Звездовская.

— Об оппозиции, — терпеливо повторил Сергей Анатольевич. — Некий кавказский человек, Махмуд Каримов, объявив себя потомком графов Коробковых, а также князя Багратиона, с толпой приспешников направился к выездам из Лозовска, где, по вашему распоряжению, перерыты дороги. Махмуд утверждает, будто сокровища закопаны именно там.

— Он рехнулся? — Изумлению госпожи мэра не было предела. — Что за чепуха?

— Дикий народ! Дети гор! Кто ж их поймет! — философски заметил Брехунков.

Звездовская сперва бешено расхохоталась, всхлипывая, подвизгивая и хлопая себя по бедрам, но вскоре призадумалась, помрачнела. Она ведь изуродовала дороги, дабы воспрепятствовать въезду в город потенциальных халявщиков, а теперь... Скопление людей неминуемо привлечет внимание застрявших у ям иногородних водителей. Те заинтересуются, начнут задавать ненужные вопросы. Слухи разползутся по области, и тогда... О нет! Татьяна Петровна в отчаянии заломила руки. Из накрашенных глаз потекли слезы.

— Я звякну старому приятелю, начальнику местной пожарной охраны, — вкрадчиво проговорил оказавшийся поблизости и слышавший разговор о самозванном «Багратионе» Толик. — Пускай их разгонят из водометов! Гы-гы!

Звездовская одарила находчивого помощника теплым и многообещающим взглядом.

— Умница ты моя, — нежно проворковала она. — Душка!

Глава 7

Махмуд Каримов настолько вжился в роль аристократа, что сам почти поверил в свое графско-княжеское происхождение.

— Вах, вах! Мала нас, настоящих дваран, асталас! — громко рассуждал он, сокрушенно покачивая головой. — Всэх камунисты ызывалы! А ых паршивыы патомки нарават заграбастат нашэ фамилноэ дастаяныэ! Ны стыда ны совэсты!

— Вэрна гаворыш! — поддакнул Абдул Икрамов, специализирующийся на перепродаже огурцов. — Савсэм обнаглэли! Мой прэдок гэнэрал Лорис-Мэликов за ных кров проливал! — Позавидовав неуклонно возрастающему авторитету Махмуда, Абдул поспешил записаться в «дворяне», однако Каримов конкуренции не терпел.

— Самазванэц! — загремел он. — Прымазалса! Эта агэнт гарадских властэй! Хочэт загудрыт нам мазгы! Увэсти в сторана от сакровиц! Бэй самазванца! Бэй прэдатель!

Махмуд точно рассчитал удар. Возмущенные торговцы моментально повалили незадачливого Абдула на землю и сплясали на нем национальный танец. Затем удовлетворенная местью процессия двинулась дальше, а несостоявшийся «Лорис-Меликов» остался валяться на обочине, плача и пуская носом кровавые пузыри. Данное происшествие в корне пресекло другую попытку затесаться в ряды титулованных особ. Толстый, пучеглазый Вагиф Сулейманов, подумывавший заделаться ни больше ни меньше как потомком легендарной грузинской царицы Тамары и уже открывший рот, готовясь произнести «тронную речь», увидев печальную участь Икрамова, вовремя прикусил язык. «Шайтан с ним, с происхождением! — решил благоразумный Вагиф. — Здоровье дороже!»

Наконец, кавказцы прибыли к ближайшему выезду из города, где посреди дороги зияла огромная яма, напоминающая воронку от авиабомбы.

— Здэс, — объявил несколько растерянный Каримов, не представлявший, что делать дальше.

— Гдэ здэс? Пакажы! Мы ничэго не выдым! Может, ты нас абманул, а? Скатына!

Не миновать бы Махмуду жестокой расправы, но тут на помощь Каримову пришел «его величество случай». Воя сиренами и вращая мигалками, к яме подкатили две красные АЦ.

Пожарные сноровисто раскатали рукава и направили на кавказцев «стволы».

— А ну разойдись! — властно распорядился капитан Озеров, начальник лозовской пожарной части. — Нечего тут бузить! Я кому сказал!

— Праызовл! Национальный дыскрыминачы! — умело направил гнев соплеменников в другое русло хитрый Каримов. — Вах, вах. Шавынызм!

Кавказцы возбужденно загомонили, ругая Озерова последними словами и утверждая, будто все они до единого состояли в интимных отношениях с «ыго мама».

— Оборзели, чурки! — рассердился капитан, глубоко чтивший память покойной матушки. — Эй, ребята! Сполосните-ка этих придурков!

Тугие струи воды разметали охочих до бриллиантов торгашей, остудили горячий южный темперамент и обратили в паническое бегство тех азербайджанцев, кого не смыло в яму.

— Покупайся, родимый, покупайся! — ехидно посоветовал Озеров Махмуду, барахтавшемуся в грязной луже на дне воронки. — Тебе полезно. Впредь вежливее будешь! Инцидент исчерпан. По коням, хлопцы! — жизнерадостно скомандовал он подчиненным.

Согласно повелению Котяры Пакостного, въезд в Лозовск охраняла группа бригадовых малолеток под предводительством известного нам Валентина Мясищева.

За успешный расстрел бутылкинской дачи Гнилая Устрица в числе прочих участников удостоился похвалы пахана и возвысился в криминальной иерархии, получив в подчинение десяток мелкотравчатых бандитиков восемнадцати-девятнадцати лет от роду. Мясищев пребывал на седьмом небе от счастья. На пост он явился утром, вздремнув после встречи с боссом лишь два-три часа, и потому наблюдал разгон пожарными рыночных торговцев от начала до конца. Глядя на мечущихся под струями водометов людей, бандитские новобранцы ржали, как лошади. Больше всех заливался Мясищев, не подозревая, какая прискорбная участь уготована ему в самом ближайшем будущем.

— У-тю-тю! Альпинистик ты мой! Скалолазик! — резвился он, метко швыряя осколками асфальта в безуспешно пытающегося выкарабкаться из осклизлой воронки Махмуда. — Ай-яй, сорвался, бедненький! Давай по новой!

Увлеченный этим не слишком благородным занятием, Гнилая Устрица не сразу заметил роскошный «мерседес», затормозивший напротив ямы. В «мерседесе» находился Владислав Пузырев (погоняла Слон), глава преступной группировки соседнего городка Долбищенска. Слон заехал в Лозовск случайно, в порыве сентиментальности вздумав навестить и утешить проживающую здесь недавно брошенную любовницу Вику. Его сопровождали четверо крепко сложенных телохранителей.

— Ничего себе! — поразился долбищенский мафиози, вылезая из машины. — Чего у них тут стряслось? Никак, бомбежка была?

Телохранители почтительно засмеялись.

— Слышь, парень! — окликнул он Мясищева. — Что у вас происходит, и где можно объехать?

— Шагай подальше! — твякнул Гнилая Устрица.

Возмущению Пузырева не было границ. На минуту он замер истуканом, беззвучно шлепая ртом.

— Ах ты, недоумок! — опомнившись, заорал крестный отец Долбищенска. Одутловатое лицо налилось кровью. На губах показалась пена. — Взять его, брата!

Телохранители в течение пяти секунд расшвыряли Котяриных малолеток и за шиворот подтащили к разъяренному пахану скулящего, растерявшего слезь Мясищева.

— Кто таков? Тыфу! — плюнул в морду Гнилой Устрицы оскорбленный до глубины души Слон.

— Я из бригады Вити Кошкина, — заплетаясь языком, представился Мясищев.

— Разве он не учил тебя фильтровать базар? — тоном, не предвещающим ничего хорошего, осведомился Пузырев.

— Котяра с-с-ска-зал п-посылать в-всех по-да-льше, — промямлил Гнилая Устрица. — Я п-прост-то в-выполнял п-приказ!

— И меня? — насутился Слон.

— В-в-всех! Б-без ис-к-ключения!

— Ясненько! — заледенел глазами мафиози. — С Котярой Пакостным придется разобраться!

— А с хмырем что делать? — спросил один из телохранителей, указывая на потного от страха, лязгающего зубами Мясищева. — Замочим?

— Не-е-ет! — коварно прищурился Пузырев. — Он послал меня, представляете, меня! Вот пускай сам и отправляется. Преподнесем подарок Вовке-Горилле, он позавчера освободился.

— Больно он грязный! — втянув носом воздух, брезгливо сморщился другой телохранитель. — За версту воняет!

— Ничего, отмоем. Понадобится — прокипятим! — утешил чистоплотного подручного Слон. — Грузите падлу в багажник...

Поначалу подполковник Бутылкин, сумевший выскользнуть из рук взбунтовавшихся граждан и приземлившийся массивным задом прямо в заросли репейника, воспылил неистойвой жадной мести. Связаться с ГУВД области, вызвать на подмогу три, нет, четыре полка спецназа внутренних войск, раскатать проклятых мятежников по молекулам... Но, повывергав из ягодиц репы и отбежав от захваченного отделения на приличное расстояние, передумал. Не обольщайтесь! Решение подполковника обусловливалось отнюдь не гуманными соображениями, а... Да, да. Вы правильно угадали — мыслью о бриллиантах и трезвым расчетом. Посторонние в городе ни к чему! Непременно клад заграбастают. Со спецназовцами шутки плохи. А отделение... Ничего с ним не сделается! Пока все не утрясется, необходимо просто отсидеться в одном из блокпостов.

Расставив точки над «i», Ольгерд Пафнутьевич отправился на блокпост, где бесменно дежурил лейтенант Коловертов. Прибыв на место, подполковник с удовлетворением отметил, что туда постепенно стекаются уцелевшие сотрудники отделения.

Бутылкин немедленно переговорил по радиации со вторым блокпостом, назначив его начальником избежавшего плена лейтенанта Коврижкина, а затем несколько раз пытался связаться с сержантом Отморозковым, дабы разузнать положение дел, но безуспешно.

«Наверное, посеял радиацию или сломал! — решил подполковник. — Ладненько, потом разберемся. Шкуру спущу за порчу казенного имущества, в рядовые разжалую!»

Однако Ольгерд Пафнутьевич заблуждался. С Отморозковым произошло нечто куда более худшее, чем порча казенного имущества...

Беды сержанта начались с того, что он, задремав на дереве, выронил автомат.

— Елки-мotalки, — запричитал Отморозков, лишившись любимой игрушки. — Как же я теперь!

Спрыгнув вниз, он принялся шарить в густой траве, но оружие словно сквозь землю провалилось. Сержант впал в отчаяние. Автомат являлся не просто любимой игрушкой, а как бы неотъемлемой частью тела Отморозкова, причем наиважнейшей. Он не мог представить своего дальнейшего существования без вышеуказанного «органа».

«Может, куда закатился?» — с робкой надеждой подумал сержант, начав планомерно обследовать окрестности в радиусе пятидесяти метров...

К двенадцати утра утомленные кладоискатели прекратили работу, плотно отобедали и, забравшись в палатку, задремали. Кожемякину, по обыкновению тяпнувшему стакан водки «для сугреву», не спалось. Невзирая на усталость, ему захотелось общения. Он дернул за пятку Жеребцову:

— Пошли, крошка, погуляем немного!

— Мокреть кругом, — неуверенно возразила Ольга.

— Ерунда! Зато воздух какой!

Доводы Кожемякина убедили Ольгу, и они направились к тому самому дереву, в окрестностях которого бродил удрученный Отморозков, продолжавший упорно разыскивать утерянный автомат.

— Гад паршивый! — возмутился охранник, от души заехав сержанту в челюсть. Не отличавшийся крепким телосложением блюститель закона улетел в кусты и надолго потерял сознание.

— Кто это был? — спросила Ольга, но ответ получить не успела.

Чугунный Лоб не отличался терпеливостью. Невзирая на инструкцию пахана «не трогать ментов до поры до времени», он, сидя в колючих сырых кустах, постепенно

накалялся злобой, достигшей к полудню апогея. «Мусор поганый на дереве отдыхает. Сухо, козлу вонючему, уютно! А я тут мокни, ревматизм зарабатывать!» В мозгу Чугунного Лба по мере озверения зрело, зрело и наконец созрело единственно приемлемое, с его точки зрения, решение — незаметно подобраться к дереву, треснуть менту по «чану», связать да спрятать в лесу. Окрыленный «блестящей идеей», Чугунный Лоб подкрался к заветному дереву и... наткнулся на кладоискателей.

— Ой! — взвизгнула Ольга. — Еще один! Нет, я так больше не могу!

Разгневанный Кожемякин набросился на бандита. Чугунный Лоб оправдал свою погоняю, в отличие от Отморозкова, отключившись лишь с четвертого удара. Охранник поднял обмякшее тело на вытянутых руках и с силой швырнул в кусты. По иронии судьбы, бандит приземлился прямо на бесчувственного сержанта.

— Испортили прогулку, уроды моральные! — пробасил Кожемякин, с сожалением глядя вслед бегущей к палатке Ольге. — Ну, ничего! Еще успеем нагуляться!..

Глава 8

Долбищенский крестный отец отправил двух опытных подрывников к особняку Котяры, выстроенному по согласованию с мадам Звездовской в черте города. Оба являлись первоклассными специалистами, успевшими вдоволь напрактиковаться в «горячих точках». Не чета штабному лопуху Вовику... Дождавшись их возвращения и узнав, что «все путем, бабахнет в назначенный срок», Слон, не мешкая, набрал номер сотового телефона Кошкина.

— Здравствуй, Витенька, — промурлыкал в трубку Пузырев. — Сколько на твоих электронных?

— Около трех, — не ожидая никакого подвоха, любезно сообщил Котяра.

— Поточнее, пожалуйста. Не забудь минуты, секунды...

— Четырнадцать часов пятьдесят девять минут пятьдесят секунд, но что за дурацкие шутки?

— Это не шулки! — заверил Слон. — Давай-ка посчитаем вместе: десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один. Все! Слыхал взрыв? Твой красивый, уютный домик стоимостью под «лимон» баксов взлетел на воздух! Мои пацаны установили там мину с часовым механизмом. Будешь знать, как посылать порядочных людей!

— Во всем виноват Гнилая Устрица! — попытался оправдаться Котяра, слышавший о происшествии у ямы, но, по рассеянности, не придавший инциденту особого значения. — Тебя послал дурак Мясищев! С него спрашивай. Я же ни при чем! Я...

— Заткнись, падла! — ласково посоветовал Пузырев. — Гнилая Устрица выполнял твой личный приказ!

— Мой дом! Мой милый дом! — лепетал ошарашенный Котяра.

— Дом только начало! — «утешил» Кошкина Слон. — На очереди твоя башка... Пока, пока! — В трубке послышались короткие гудки.

Котяра болезненно застонал, схватившись обеими руками за помутившуюся от страха голову. Война с долбищенской группировкой не сулила ничего хорошего. Раньше Кошкин мог при малейшей опасности укрыться за спинами Бутылкина, Живоглотова или обоих сразу и посему чувствовал себя на территории Лозовска на редкость комфортно, но теперь... Теперь Живоглотов лежит под капельницей в реанимации, а Бутылкин — злейший враг. «Нужно любой ценой помириться с ментами! — очухавшись от шока, подумал Котяра. — Вымолю у Бутылкина прощение! Хоть на коленях! Возмещу материальный и моральный ущерб! Бабки, конечно, агромадные! От бриллиантов придется отказаться, но жить-то хочется!»

Усевшись в «мерседес», лозовский мафиози поехал напрямик к блокпостам. Из достоверных источников он знал — здание ОВД оккупировано взбунтовавшимися гражданами. На подъезде к блокпосту, где обретался Ольгерд Пафнутьевич, Кошкина поджидал очередной «сюрприз». Скопившиеся там милиционеры без всякого предупреждения открыли по котярской машине шквальный огонь.

Обстрел котяриного «мерседеса» объяснялся следующим обстоятельством. Очтившись в окружении вооруженных до зубов подчиненных, Бутылкин вновь обрел утраченную во время позорного бегства из отделения «крутость» и вспомнил о необходимости жестоко отомстить «гнусным гадам», уничтожившим его кровное имущество. Перво-наперво, подполковник попытался выяснить местонахождение «снайпера» Бибикина, однако милиционеры лишь недоуменно разводили руками: «Не было... не появлялся... не звонил... Как в воду канул!»

«Влип, дурак, — догадался Ольгерд Пафнутьевич. — Черти бы сожрали этого дегенерата! Надо ж такому ослу довериться! Выходит, Котяра Пакостный да старая кляча Звездовская живы-здоровы, в ус не дуют, а я... а я...» От жалости к самому себе начальник лозовского ОВД чуть не расплакался. Потом в нем вспыхнула столь чудовищная злоба, что Бутылкина едва не хватил инсульт. Лицо налилось синевой, плохо слушающиеся губы шептали ужасные проклятия, правая половина тела начала неметь. Еще минут пять-десять — и подполковник бы отправился в мир иной, но тут...

— Смотрите, шеф! — крикнул лейтенант Коловертов. — Котяра Пакостный едет. Я узнал номер его тачки.

— Огонь! — хрипло скомандовал Ольгерд Пафнутьевич. — Превратить гниду в мясной фарш!

Чудеса на свете хоть редко, но случаются. Например, можно убиться насмерть, споткнувшись о банановую кожуру, а можно свалиться с десятого этажа и остаться в живых.

Пятого июля 1998 года чудо произошло в городе Лозовске Н-ской области. Виктор Кошкин, вопреки теории вероятности, уцелел под свинцовым ливнем. Почему? Возможно, Господь Бог по грехам котяриным уготовил ему куда более суровую участь. Кто знает! Так или иначе, в Кошкина попала всего одна пуля, да и то не в жизненно важный орган, а в мягкое место, когда он, вывалившись из превратившейся в дымящееся решето машины, бросился наутек. Уже в километре от места трагедии он услышал приглушенный расстоянием взрыв своего «мерседеса». Лозовский крестный отец ничком упал в лужу и зарыдал.

Между тем, как правильно предвидел Бутылкин, граждане, захватившие лозовское ОВД, не знали, что дальше с ним делать. Переломав мебель, разбив стекла, вторично попинав связанных ментов, вскрыв сейф и спалив все без исключения оперативно-следственные дела, они начали покидать здание. Часть из них отправилась бродить по городу, громя от избытка чувств коммерческие палатки, разбивая витрины магазинов и переворачивая машины, другие действовали более организованно и целеустремленно. Экстремистски настроенный Паша Губошлепов связался по мобильному телефону с Брехунковым, узнал о «лежачей забастовке», вознегодовал и решил безотлагательно положить конец «соглашательству». Предварительно он произнес перед оставшимися демонстрантами зажигательную речь, заклеил позором «двурумпированных вступивших в преступный сговор с джурмупированными властями», а затем «призвал народ к топору». Поредевшая, но по-прежнему агрессивная колонна направилась к мэрии.

Лежачая забастовка была в полном разгаре. Из числа бастующих мало кто сохранял способность передвигаться в вертикальном положении. Большинство подползали к фургонам с водкой на четвереньках (а то и по-пластунски), цепко хватали очередной «пузырь», жадно присасывались к горлышку и валились в «отрубях». Брехунков со Звездовской также не устояли перед искушением. «Расслабились» они в кабинете мэра, правда, употребляли не отвратительную сивуху, а высококачественное шотландское виски. Лелик-Толик-Вовик с вождением поглядывали на быстро пустеющую бутылку, но им не наливали.

— В-вы н-нас ох-х-хран-няете! При исполнении ни-и-изя! — просветил бугаев замшелый Брехунков, поглаживая колено кокетливо жмурившейся Татьяне Петровне. — А ва-а-бще, побу-дь-те в кор-ри-доре! Н-нам нужно приватно поб-беседовать!

Данное обстоятельство изрядно испортило настроение Лелику-Толику-Вовику. Желание «ох-х-хра-нять!» полностью улетучилось.

Поэтому, лишь только к мэрии приблизилась буйная орда под предводительством Губошлепова, а в окна полетели первые кирпичи, обиженные изменой хозяйки и обделенные виски охранники мистическим образом исчезли. Буквально растаяли в воздухе.

— Вперед, ребята! — неистовствовал Паша-экстремист. — Бей паразитов! Круши!

Звездовской с Брехунковым, по счастью, удалось улизнуть через запасной выход, а вот ни в чем не повинное здание подверглось беспощадному погрому. Спустя час оно живо напоминало кадр из военной кинохроники.

— А теперь к усадьбе! — провозгласил Губошлепов. — Грабь награбленное!

Завидев надвигающуюся на блокпост беснующуюся толпу, стражи порядка поспешили открыть стрельбу. Нимало не смутившись, мятежники ответили плотным огнем из захваченного в лозовском отделении оружия. Завязалась ожесточенная перестрелка. Подполковник Бутылкин, связавшись по радиции с отрядом лейтенанта Коврижкина, приказал в «полном составе мчаться на подмогу». Бой, принявший затяжной характер, шел с переменным успехом. Постепенно эпицентр его сместился в сторону города, оставив дороги, ведущие к усадьбе, открытыми. Пальба продолжалась до позднего вечера, пока у противоборствующих сторон не кончились патроны. К полуночи в Лозовске воцарилась воняющая пороховой гарью тишина.

Отморозков и Чугунный Лоб очнулись одновременно в половине первого ночи. Усевшись на мокрой траве, они с недоумением уставились друг на друга. У обоих из-за сотрясения мозгов наступила полная амнезия.

— Ты кто? — спросил наконец Отморозков.

— Не знаю! — безуспешно понапрягав отшибленную память, ответил Чугунный Лоб. — А ты?

— Без понятия!

— Вероятно, мы бомжи! — оглядев грязную, изодранную одежду, заключил Чугунный Лоб.

— Точно, — поддакнул Отморозков. — Бомжи, как пить дать! Интересно, чего мы в лесу делаем?

— От менгов прячемся, не иначе, — уверенно заявил Чугунный Лоб.

— Твари! Никакой жизни от них не стало! — возмутился сержант. — Ох, и жрать хочется, — прислушавшись к бурчанию в пустом желудке, добавил он.

— Пойдем в город, пороемся в помойках, — предложил Чугунный Лоб. — Авось, разыщем какие-нибудь объедки.

— Пойдем, братан! — охотно согласился Отморозков...

Клад выкопали рано утром в понедельник 6 июля 1998 года в месте «тринадцать плюс тринадцать». Поискать именно там посоветовала Жеребцова, движимая неясным предчувствием. Пресловутые «сокровища» графов Коробковых оказались рубиновым ожерельем, золотыми серьгами да несколькими перстнями с блестящими камушками, упакованными в небольшой бронзовый ларчик.

— Всего-то навсего? — воскликнул Никаноров. — А я уж размечтался... Ну, да ладно, за двое суток работы совсем неплохо... Интересно, сколько отстегнет за эти побрякушки твой Плутанян? — спросил он Кожемякина.

— Штук двадцать баксов, хотя стоят они наверняка дороже, — поморщив узкий лобик, ответил Андрей.

— Грабитель! Кровопийца! — эмоционально охарактеризовал Плутаняна коммерсант.

— Зато без хлопот! — ухмыльнулся охранник.

— Правильно, — утвердительно кивнул Склярков.

— Лучше обойтись без лишней нервозности. К тому же... По пять тысяч долларов на брата... Не знаю, как вам, но меня такая сумма устраивает.

— Мальчики, пойдемте домой! — заныла Жеребцова. — Я смертельно устала. Мне нужно в ванную...

Войдя в Лозовск, кладоискатели застыли в ужасе: город преобразился до неузнаваемости. Черные провалы выбитых окон, разнесенные вдребезги витрины магазинов, разломанные коммерческие палатки, перевернутые машины... На мостовой — обломки кирпича, груды стреляных гильз. В воздухе густой запах гари и т. д. и т. п.

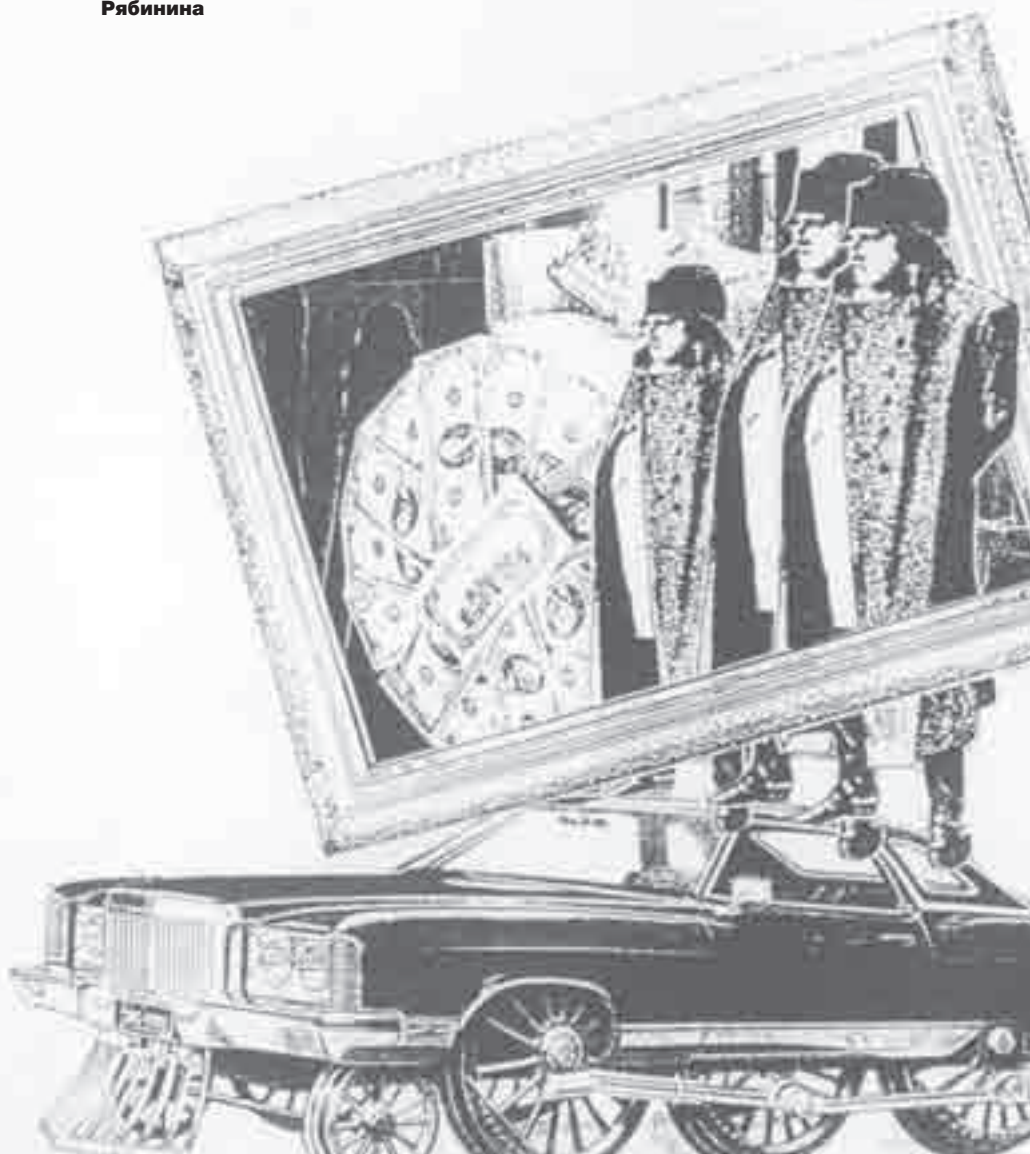
По самым скромным подсчетам, убытки, нанесенные бриллиантовым психозом как государственно-муниципальной собственности, так и отдельным гражданам, составляли минимум несколько миллионов долларов.

— Боже мой! — всплеснул руками Иван Склярков. — Неужели, пока мы в лесу копались, война началась? Или стихийное бедствие? А может, настал конец света?!

Спешит к богатству завистливый человек и не думает, что нищета поджидает его.

Притч., 28, 22. □

иллюстрация
Льва
Рябина

ПРОГУЛКА

Дональд Уэстлейк

ВОКРУГ ДЕНЕГ

1

— С тех пор, как я перевоспитался, у меня проблемы с ночным сном, — признался мужчина, которого звали Куэрк.

О таком симптоме Дортмундер прежде не слышал, с другой стороны, он встречал не так уж много перевоспитавшихся людей.

— Угу. — Он не так уж хорошо знал мужчину, так что, пока предпочитал больше молчать.

А вот Куэрку было, что сказать.

— Это мои нервы, — объяснил он.

Небольшого росточка, тощий, лет пятидесяти, с длинным лицом, густыми черными бровями, носом-бананом, зависшим над тонкогубым ртом и костистым длинным подбородком, он постоянно ерзал на стуле со спинкой из металлической сетки. Находились они в Пейли-Парк, крошечном скверике на Восточной 53-й улице Манхэттена, между Пятой и Мэдисон-авеню.

Это очень милый скверик, Пейли-Парк, шириной всего лишь в сорок два фута и глубиной менее квартала, расположенный на несколько ступеней выше уровня 53-й улицы. Стены зданий с обеих сторон увиты плющом, а кроны высоких гледичий трехколючковых летом, а именно в это время года происходил разговор, образуют крышу над головой.

Но главная достопримечательность Пейли-Парк — водопад в его глубине, постоянный поток, скатывающийся по дальней стене и плюхающийся в корыто, из которого вода подается обратно в верхнюю точку водопада. Поток создает очень приятный шумовой фон и практически заглушает транспортный гул, то есть этот умиротворяющий анклав позволяет забыть, что ты в самом центре огромного города, и дает возможность двум или трем людям, скажем, Джону Дортмундеру, его приятелю Энди Келлу и человеку, которого звали Куэрк, посидеть рядом со стеной воды и поболтать в полной уверенности, что их разговор не будет подслушан, какой бы ни использовался для этого микрофон.

— Видите, что происходит? — Куэрк поднял руки, лежавшие на коленях, и подержал их перед собой. Они дрожали, как вибраторы машины для смешивания красок. — Хорошо хоть, что я не был карманником до того, как перевоспитался.

— Угу, — прокомментировал Дортмундер.

— Или медвежатником, — добавил Келп.

— Им-то я как раз и был, — признался Куэрк. — Только работал с жидкой взрывчаткой, вы понимаете. Высверливаешь отверстие рядом с наборным замком, заливаешь туда желе, вставляешь детонатор, отходишь на шаг. И никаких нервов.

— Угу, — в третий раз повторил Дортмундер.

Куэрк, хмурясь, уставился на него.

— У тебя астма?

— Нет, — мотнул головой Дортмундер. — Я лишь соглашался с тобой.

— Как скажешь. — Теперь Куэрк, хмурясь, смотрел на водяной занавес, который продолжал плюхаться в корыто, не останавливаясь ни на секунду. Так что, никому не хотелось надолго задерживаться в Пейли-Парк. — Дело вот в чем. Я всегда крепко спал по ночам перед тем, как перевоспитался, потому что знал: я осторожен, все под контролем, вот я и могу расслабиться. Но потом, когда мне дали последний срок, я решил, что слишком стар для тюрьмы. Вы понимаете, наступает момент, когда ты говоришь себе, тюрьма — это работа для молодых. — Он искоса глянул на Дортмундера. — Опять скажешь «угу»?

— Если только ты этого хочешь.

— Тогда лучше промолчи. Сидя в тюрьме в последний раз, я освоил новую профессию, вы же знаете, там всегда можно научиться чему-то новому. Ремонт кондиционеров, сухая химчистка. Так вот, в последний раз я освоил профессию печатника.

— Угу, — откликнулся Дортмундер. — Я хочу сказать, это хорошо, что ты печатник.

— Да только я не печатник, — продолжил Куэрк. — Я выхожу из тюрьмы, еду в типографию, неподалеку от того города, где живет мой кузен, рассчитывая, что смогу пожить у него, — он всегда следовал заповедям. Это же полезно, быть рядом с таким человеком, брать с него пример. Но, когда я прихожу в типографию и говорю, посмотрите, какой профессии обучил меня штат Нью-Йорк, там мне отвечают, слушай, так сейчас уже никто не работает, теперь мы используем компьютеры. — Куэрк покачал головой. — Система юстиции сама преступна, понимаете? Они тратят столько денег и времени, чтобы научить тебя профессии, которая канула в Лету!

— Надо было учиться работать на компьютере, — ввернул Келп.

— Так вот, работу в типографии я получил, но только не печатника. Я грузчик, и когда в типографию привозят разные сорта бумаги, я езжу по территории на электрокаре-погрузчике, развожу бумагу, куда положено, разные сорта для разных работ. Но, поскольку я перевоспитался, а это не та профессия, которой меня обучили, со всеми этими езтками взад-вперед на электрокаре, нет у меня ощущения, что я что-то делаю. Ни планирования, ни подготовки, ни осторожности. Я чувствую себя не в своей тарелке, жизнь моя лишилась стержня, и, в результате, я сплю отвратительно. А потом, не выспавшись, сажусь на электрокар и частенько едва не врезаюсь в стену.

Дортмундер, Энди Келп и Куэрк посидели в молчании, удобно устроившись на стульях со спинками из металлической сетки, в центре Нью-Йорка.

Дортмундер понятия не имел, чего, собственно, нужно Куэрку. Знал он лишь одно: утром ему позвонил Келп и сказал, что есть человек, с которым им, возможно, стоит поговорить, а сослался этот человек на Гарри Мэтлока. Что ж, в прошлом Дортмундер работал с Гарри Мэтлоком и с его напарником Ральфом Демровски, но при последней встрече с Ральфом, случилось это во время короткой поездки в Лас-Вегас, Гарри не присутствовал. Да и потом, какой прок от ссылки на пусть и хорошего знакомого по прошествии долгого времени? Вот почему вклад Дортмундера в разговор, до того и в обозримом будущем, состоял чуть ли не исключительно из «угу».

— И наконец, — прервал Куэрк нескончаемое плюхание, — я понял, что больше так не могу. Я подражаю моему кузену, иду по прямой и узкой тропе, вот что я делаю. Раз в месяц езжу в город, который называется Гудзон, вижу с женщиной-полицейским, которая надзирает за условно досрочно освобожденными округа. И мне нечего скрывать. Как в таких обстоятельствах я могу говорить с должностным лицом, надзирающим за мной? Она бросает на меня подозрительные взгляды, и я знаю, почему. Кроме правды, мне нечего ей сказать.

— Да, тяжелое дело, — поддакнул Келп.

— Более чем. — Куэрк покачал головой. — Все это время я мог сорвать куш, прямо в типографии. Куш этот, можно сказать, валялся у меня под ногами, болтался перед глазами, а я не хотел его видеть, не хотел о нем знать, вел себя так, словно я слепой, глухой и тупой.

Вот тут Дортмундер сдержаться не смог.

— В типографии?

— Да, конечно, я понимаю, — кивнул Куэрк. — Если выяснится, что действовал кто-то из своих, я — первый кандидат на возвращение в камеру. Но все будет обставлено по-другому. — Теперь голос Куэрка зазвучал очень уж серьезно. — Единственный способ реализовать мой план — сделать так, чтобы в типографии ни о чем не догадались. Если они сообразят, что к чему, мы ничего не заработаем.

— Так ты говоришь об ограблении, — подал голос Дортмундер.

— Тихом ограблении, — уточнил Куэрк. — Без заложников, без взрывов, без перестрелок. Вошли, вышли, и никто не знает, что произошло. Поверьте мне, мы сможем заработать на этом только в том случае, если о пропаже никто не узнает.

— Угу, — прокомментировал Дортмундер.

— Тебе надо бы попробовать пастилки от кашля, — посоветовал Куэрк. — Дело в том, что это классная работа, а меня уже тошнит от бессонницы, так что, возможно, я на какое-то время махну рукой на перевоспитание. Но...

— Естественно, — перебил Келп, потому что без «но» никогда не обходилось.

— Я не могу это сделать в одиночку. Эта работа не для одного человека. Я провел за решеткой шесть с половиной лет, перевоспитанным живу в северной части штата почти восемнадцать месяцев, так что, конечно же, выпал из обоймы. Попытался дозвониться до тех, кого знал, но все или сидят, или умерли, или исчезли. В конце концов, сумел связаться с Гарри Мэтлоком, которого знал давным-давно, когда он еще работал с Ральфом Демровски, но теперь Гарри на пенсии.

— Я и подумал, что он, скорее всего, на пенсии, — заметил Дортмундер.

— Он сказал мне, что не перевоспитался, а ушел на пенсию. Это — совсем другое. «Я не перевоспитался, — сказал он, — просто потерял хватку. Вот и ушел на пенсию», — объяснил Куэрк.

— В принципе, одно и то же, — отметил Келп.

— Но достоинства больше, — возразил Куэрк. — Он назвал мне тебя, Энди Келп, и теперь мы все здесь, приглядываемся друг к другу.

— Точно, — кивнул Келп. — Так что дальше?

— Ну, я вас проверю, и, если окажется, что вы...

— Что? Проверишь нас? — удивился Дортмундер. Он-то думал, что проверкой предстоит заниматься им.

— Естественно, — ответил Куэрк. — Я же не хочу, чтобы мы принялись за дело, все шло бы как нельзя лучше, а потом вы бы удивили меня, показав полицейские жетоны.

— Меня бы это точно удивило, — усмехнулся Дортмундер.

— Мы друг друга не знаем, — продолжал Куэрк. — Я называю Келпу несколько имен, он может проверить меня, и он называет мне несколько имен, я могу проверить его и тебя...

— Угу, — отреагировал Дортмундер.

— Поэтому после нашей встречи мы проверим друг друга, и если решим, что все в порядке, я позвоню Энди, как и в этот раз, и мы сможем встретиться еще раз.

— Ты не сказал нам, что будем красть.

— Совершенно верно. — Куэрк огляделся. — Не будете возражать, если я ийду первым? Вы все равно захотите поговорить обо мне за моей спиной.

— Конечно, — согласился Келп. — Приятно было познакомиться с тобой, Кирби. — Так мужчина представлялся, Кирби Куэрк.

— И мне тоже. — Куэрк кивнул Дортмундеру. — Мне нравится, как ты предпочитаешь советоваться с самим собой.

— Э... угу, — ответил Дортмундер.

2

Если вы зайдете достаточно далеко в Вест-Сайд, вам удастся найти бар без туристов, папоротников и меню, в котором лампы не будут слепить глаза. В таком вот месте, в тот же день, только позже, Дортмундер и Келп сидели за кружками пива в кабинке, отделанной черным пластиком, и шептались, тогда как бармен за стойкой читал «Дейли ньюс», а трое других клиентов, рассыпанных по бару, общались сами с собой.

— Не знаю, что и подумать об этом парне, — прошептал Дортмундер.

— Вроде, нормальный, — Келп пожал плечами. — То есть история вполне достоверная. Перевоспитание и все такое.

— Но он очень нервный.

— Да, конечно. Он же нас не знает.

— Он не сказал нам, что именно нужно украсть.

— Это логично, Джон.

— Он живет в северной части штата. — Дортмундер раскинул руки. — Где именно? Где находится типография? Он лишь говорит, что ежемесячно ездит в какое-то место, называемое Гудзон, где отмечается у контролирующего его сотрудника полиции.

Келп кивнул.

— Взгляни на ситуацию с его позиции. Если мы не поладим, он постарается реализовать свой план с другими людьми, вот он и не хочет тревожиться из-за того, что мы будем болтаться неподалеку, изыскивая возможность урвать свою долю.

— Я хочу сказать, что это за ограбление? — пожаловался Дортмундер. — Мы должны что-то украсть из этой типографии, а в типографии не должны этого заметить, а? Слушай, как-то мы к такому не привыкли. Если ты чего-то берешь, особенно если берешь что-то ценное, люди замечают.

— Да, это интригующая часть, — прошептал Келп.

— Интригующая.

— К тому же, — Келп наклонился к Дортмундеру, — поехать в северную часть штата, в горы, к прохладному воздуху, разве это плохо?

— Я бывал в северной части штата, — напомнил ему Дортмундер. — И знаю, как там может быть плохо.

— Не так плохо, Джон. И ты бывал там зимой.

— И осенью, — прошептал Дортмундер. — Два раза.

— Но в обоих случаях все разрешилось как нельзя лучше.

— Да? Каждый раз пришлось уносить ноги.

— Однако мы не должны говорить нет, не рассмотрев его предложение.

Дортмундер раздраженно пожал плечами. Он высказал свое мнение.

— Я не знаю, как у тебя с финансами, — продолжил Келп (хотя и знал), — но я — на мели. И небольшое удачное ограбление в северной части штата может поправить дело.

Дортмундер, хмурясь, смотрел на пиво.

— Я скажу тебе, что нам делать, — гнул свое Келп. — Мы должны найти старину Гарри Мэтлока, узнать у него об этом Куэрке, а потом принимать решение. Что скажешь?

— Прошепчу, — прошептал Дортмундер.

Где искать человека, ушедшего на пенсию? Попробуйте поле для гольфа, муниципальное поле для гольфа.

— Вон он, там, — указал Келп. — Вытаскивает мяч из песчаной ловушки.

— Таковы правила? — спросил Дортмундер.

— Не забывай, он ушел на пенсию, не перевоспитался.

Это муниципальное поле для гольфа располагалось в Бруклине, недалеко от Атлантического океана, так что, любой мог вдохнуть то, что теперь называлось морским воздухом. Дортмундер и Келп неспешно направились по зеленой травке к Гарри Мэтлоку, который определенно стал толще, чем прежде, хотя все, кто знал Мэтлока, всегда звали его Толстяком. Он действительно пытался выбросить мяч из песчаной ловушки и выглядел так, словно ему требовалась помощь. Наверное, он был таким же лысым, как и всегда, но широкополая шляпа не позволяла ни подтвердить, ни опровергнуть это предположение. Наряд дополняла светло-синяя рубашка на трех пуговичках, белый кашемировый кардиган, широкие брюки из красной шотландки и ярко-зеленые туфли для гольфа. Они, несомненно, видели перед собой пенсионера.

Гарри поднял голову, увидел их, помахал рукой и широко улыбнулся.

— Привет, Энди, привет, Джон! Вы пришли насчет Кирби Куэрка?

— Само собой, — ответил Келп.

Гарри махнул клюшкой для гольфа.

— Пойдем со мной. Мои партнеры где-то там, мы сможем поговорить по пути. — Он сделал паузу, чтобы зашвырнуть мяч в сторону далекого флажка, ухватился за ляжку большой сумки с клюшками и прочей амуницией для гольфа и зашагал, катя сумку за собой, оставляя на песке две узкие колеи.

— Это твои собственные правила? — на ходу спросил Дортмундер.

— Когда тебя видит только Бог, никаких правил нет. Но когда дело касается Куэрка, не могу сказать, что знаю, каковы правила.

— Хочешь сказать, что не стал бы рекомендовать его? — В голосе Келпа зазвучала тревога. — Но ведь ты послал его ко мне.

— Нет, не то, чтобы я... Минуточку... — Гарри вновь пнул мяч. — Энди, можешь оказать мне услугу? Покати немного сумку. А то эта рука становится длиннее другой.

— Я думал, что сумку следует нести на плече, — заметил Келп.

— Я пытался, но сумка тяжелая, и одно плечо уходит вниз, а второе — вверх, — Гарри протянул ляжку Келпу, в глазах стояла мольба. — Пока мы не выберемся на траву.

Келп не предполагал, что его сегодняшний визит на поле для гольфа приведет к тому, что на какое-то время он станет кэбби¹, но пожал плечами.

— Хорошо. Но только до травы.

— Спасибо, Энди.

Келп закинул сумку на плечо и действительно стал похож на кэбби. Чего ему не хватало, так это матерчатой шапочки с длинным козырьком и палочки-метки за ухом. Зато лицо, как положено, было серьезным.

Гарри двинулся вслед за мячом.

¹ Кэбби — мальчик, таскающий амуницию за игроком в гольф (здесь и далее прим. переводчика).

— Насчет Куэрка... я не знаю об этом парне ничего плохого, да только не знаю о нем и ничего хорошего.

— Ты работал с ним? — спросил Дортмундер.

— Несколько раз. Я и Ральф... он не ушел на пенсию вместе со мной. — Гарри Мэтлок и Ральф Демровски долго работали вместе. Славились быстротой и жадностью. Даже развезжали по стране в фургоне, на случай, если наткнутся на что-то большое.

— Ральф все еще работает? — спросил Келп.

— Нет, он в «Синг-Синг»¹ Лучше бы он последовал моему примеру. — Гарри остановился позади своего мяча, посмотрел в сторону зеленого поля, где стояли трое мужчин, одетые примерно так же, как он. Похоже, поджидали его. — Думаю, мне придется ударить его. Вы уж отойдите, мастерства у меня недостаточно. Куда полетит мяч, сразу сказать не могу.

Келп и Дортмундер отошли, и Гарри ударил по мячу. Вернее, мимо. Потом ударил еще раз. И еще, и еще. Наконец, попал, и мяч куда-то полетел. Не к флагу, разумеется, но и не назад.

— Ходьба — это главный плюс гольфа, — заметил Гарри и последовал за мячом, сопровождаемый Дортмундером и Келпом. — Ральф и я работали с Куэрком четыре, может, пять раз. Он никогда не был первым выбором, знаете ли.

— Не был?

— Нет. Он знает свое дело, — признал Гарри. — Всегда сделает то, о чем его просишь, но есть парни и получше. Уолли Уистлер, Герман Джонс.

— Они хороши, — согласился Келп.

— Да, — кивнул Гарри. — Но, если тот, кого мы хотели пригласить, болел, или был занят, или сидел, тогда мы обращались к Куэрку, и он нас не подводил.

— Гарри, ты послал его ко мне, — напомнил Келп, — но вот энтузиазма в твоём голосе не слышится.

— Да нет, он нормальный парень. — Гарри остановился, чтобы посмотреть на мяч, который опять лежал в океане песка, тогда как зеленая травка казалась далеким островом, виднеющимся впереди и справа. Двое мужчин из троицы, поджидавшей Гарри, уже сели на землю, предчувствуя, что ждать придется долго. — Дай-ка глянуть на другие клюшки.

Келп поставил сумку на песок, чтобы Гарри мог выбрать подходящую клюшку.

— Что-то сдерживает твой энтузиазм? — спросил Келп.

Гарри кивнул, все еще перебирая клюшки.

— Это его ограбление. Я никогда не был с ним, когда он играл первую скрипку. Ральф и я, мы приводили его в нужное место, показывали на дверь, ворота, сейф, что угодно, и говорили: «Открой это, Кирби». И он открывал. Дело свое знал. Не виртуоз, но дело свое знал. А каков он в организации ограбления? Тут я не могу дать ему рекомендацию.

— Понятно, — протянул Келп.

Гарри указал на клюшку с большим крюком.

— Эта, как думаешь?

Келп, многоопытный кэбби, прикинул варианты, потом указал на другую, с еще большим крюком.

— Я думаю, эта.

Но и новая клюшка не помогла.

¹ «Синг-Синг» — известная тюрьма штата Нью-Йорк.

4

Нью-Йорк нервировал Кирби Куэрка. Собственно, все его нервировало, особенно необходимость не подавать виду, что он нервничает, не позволить другим догадаться, что он испуган.

Он слишком долго отсутствовал, слишком много времени провел вне Нью-Йорка, да и остального мира. Эти последние шесть с половиной лет тюрьмы сломали его, лишили привычки жить своей жизнью, согласно собственным планам. Тюрьма так соблазнительна, так комфортабельна, если ты сдаешься и перестаешь бороться с системой. Живешь по часам, их часам, их правилам, их порядку, делаешь все, что тебе говорят. Так проходит шесть с половиной лет, а потом, внезапно, тебе улыбаются, жмут руку, и вот она, открытая дверь, миновав которую, ты предоставлен самому себе и имеешь право делать, что хочешь.

Имеешь право? Две первые отсидки были короче, да и сам он был моложе, поэтому тюремная упорядоченность не становилась для него законом. Он находил в себе силы начать все заново. На этот раз, обретая свободу, он уже не знал, как его распорядиться.

И это стало главной причиной, заставившей его напрямик направиться в Дэрбивилл к кузену Клоду, пусть он и кузен Клод никогда не были близки, да и вообще мало общались. Клод всю свою жизнь чтил закон, тогда как Куэрк начал преступать его чуть ли не с детства.

Тем не менее Куэрк поехал в Дэрбивилл, предварительно позвонив Клоду и попросив подобрать ему жилье. Под предлогом того, что он, Куэрк, овладел в тюрьме профессиональной печатника (во всяком случае, думал, что овладел) и знал, что в Сикаморе, городке, расположенном неподалеку от Дэрбивилла, находится типография «Сикамор крик». Клод как человек порядочный, женатый, с четырьмя детьми, двое уже покинули родной дом, двое — еще нет, пригласил Куэрка к себе и выделил ему спальню старшего сына. Речь шла о том, что Куэрк поживет у кузена, пока не найдет себе жилье, но и теперь, полтора года спустя, он жил в доме кузена.

Он не знал этого тогда, не знал и теперь, но поехал к кузену Клоду прежде всего потому, что ему требовался надзиратель, человек, который мог сказать ему, когда выходить на прогулку, когда тушить свет. Все получилось не совсем так, потому что Клод и его жена оказались слишком деликатными и доброжелательными, чтобы играть роль надзирателей, и навыки печатника, приобретенные в тюрьме, стали не фундаментом его новой жизни, а очень уж быстро лопнувшим мыльным пузырем. Но, в принципе, все, в той или иной степени, образовалось. В типографии ему дали работу — водить электрокар-погрузчик, работа эта в определенной степени упорядочила его жизнь, и он нашел другого человека на роль надзирателя.

Пришло время позвонить ей.

В Нью-Йорке Куэрка много чего нервировало, в том числе и телефоны-автоматы. Он боялся воспользоваться телефоном на улице, боялся говорить в гуще людей, многие из которых оказывались у него за спиной, неизвестно, с какими намерениями. Чтобы позвонить по телефону-автомату, приходилось останавливаться, а Куэрку не хотелось останавливаться на улицах Нью-Йорка. Он никак не мог отделаться от чувства, что его растопчут, раздавят, ограбят, избьют, если он остановится. Так что, попадая в Нью-Йорк, он предпочитал пребывать в постоянном движении. Но ему все равно нужно было позвонить.

Грэнд-сентрал-стейшн, центральный вокзал Нью-Йорка, конечно, не решал проблемы, но был разумным компромиссом. Во-первых, не улица, а помещение, во-вторых, пусть народу было не меньше, а то и побольше, чем на тротуаре, он мог говорить по телефону, повернувшись лицом к людям, а спиной чувствуя надежную стену.

На центральном вокзале он и остановился. Сначала разменял пару долларов на пригоршню четвертаков и десятицентовиков, потом выбрал кабинку с телефоном-автоматом, неподалеку от билетных касс компании «Метро норт», в которой мог встать, повернувшись спиной к стене, наблюдая за потоками людей, спешащих к выходам, врывающихся во входы, спующих во все стороны, как протоны в циклотроне. Он мог поверх плеча смотреть на кнопки, набирая номер, мог бросить монетки в щель после того, как механический голос сказал бы ему, сколько будет стоить звонок.

Трубку сняли после первого гудка.

— «Семь лиг».

— Могу я поговорить с Френком?

— Не туда попали, — ответила она и положила трубку, а он посмотрел на большие часы в центре зала. Без пяти два пополудни, далеко не «час пик», но народу на вокзале все равно полным-полно. Теперь нужно подождать пять минут, пока она дойдет до телефона-автомата около автозаправочной станции «Хесс».

Ему не хотелось простоять эти пять минут у телефона-автомата: он полагал, что такое поведение может показаться подозрительным. Среди толпы могли найтись люди, которые обратили бы на него внимание, подумали, что-то тут не так, записали его приметы, действия. Вот он и пересек зал, вышел на Лексингтон-авеню, обогнул угол здания Грэнд-Сентрал, вошел в него со стороны 42-й улицы, спустился на нижний уровень, поднялся на верхний в тот самый момент, когда большие часы в центре зала показали ровно два.

Куэрк набрал уже другой номер в Сикаморе, и снова ему ответили на первом гудке.

— Привет.

— Это я.

— Знаю. Как дела?

— Я нашел пару парней. Думаю, они сгодятся.

— Ты сказал им, что мы задумали?

— Пока нет. Мы должны проверить друг друга. Я увижусь с ними в четыре часа. Если они скажут да, если решат, что со мной можно иметь дело, я им все расскажу.

— Не все, Кирби.

Куэрк рассмеялся, нервничал он уже заметно меньше, потому что говорил с «надзирателем».

— Нет, не все. Только ту часть, которая им понравится.

5

Эту встречу они решили провести в автомобиле. Его раздобыл Келп. Первым посадил Куэрка на углу Одиннадцатой авеню и 57-улицы. Аккуратно подкатил на черном «инфинити» к тротуару, и Куэрк тут же раскрыл дверцу со стороны пассажирского сиденья.

— Я только что видел Лести Стохла, — воскликнул он.

— Ага, — ответил Келп и влился в транспортный поток, держа курс к Верхнему Манхэттену.

— Раньше я всегда смотрел «Шестьдесят минут»¹, — продолжил Куэрк. — Каждое воскресенье.

— Ага.

— Когда я сидел, для меня это был праздник.

— Ага.

— Теперь не смотрю. Не знаю, почему.

Келп промолчал. Куэрк оглядел кабину.

— Я обратил внимание, что на номерных знаках у тебя буквы MD².

— Точно, — согласился Келп.

— Но ты же не врач.

— Я даже не владелец автомобиля.

На лице Куэрка отразилось удивление.

— Ты его украл?

— В больнице Рузвельта, чуть дальше по улице. Автомобили я беру только у врачей. Они так хорошо понимают разницу между удовольствием и болью.

— Но ты же совсем рядом с больницей... можно сказать, в двух шагах, на краденом автомобиле!

— Ты знаешь, много заставляют работать врачей? — Келп пожал плечами. — Владелец не хватится своего автомобиля до четверга. На стоянке для персонала я взял самую чистую. А вот и Джон.

Они уже ехали по Вестсайдской авеню, остановились на красный свет у пересечения с 72-й улицей, а Дортмундер стоял на противоположной стороне, залитый солнечным светом. Такой неопрятный, занюханый, словно попал на этот угол по ошибке. Не полагалось таким выходить на солнечный свет, они могли пребывать только в темных барах, вроде того, где он совещался с Келпом. А здесь он словно дразнил копов, которые, увидев такого вот типа, наверняка усадили бы его на заднее сиденье патрульной машины и увезли в участок для установления личности.

Зажглась зеленая стрелка, Келп развернулся, остановился рядом с Дортмундером, который, в соответствии с ранее согласованным планом, скользнул на заднее сиденье со словами: «Привет».

— Энди украл автомобиль, — тут же выпалил Куэрк.

— Он всегда их крадет, — ответил Дортмундер и добавил, глядя в отражение лица Келпа в зеркале заднего обзора: — Мои комплименты доктору.

Машин на автостраде было немного, Келп, не торогясь, ехал в правом ряду, и все какое-то время молчал. Наконец, Дортмундер наклонился вперед, положил руки на подголовник и предложил Куэрку:

— Выкладывай.

— Э... — Куэрк смотрел прямо перед собой. — Я думал, мы куда-то едем.

— Едем, — подтвердил Келп. — Но ты можешь начинать.

— Ладно, хорошо.

Дортмундер откинулся назад и подвинулся так, чтобы сидеть за Келпом. Куэрк развернулся, чтобы видеть их обоих.

— Типография, в которой я работаю, печатает, среди прочего, деньги.

И, надо отметить, удивил их обоих.

¹ «Шестьдесят минут» — еженедельная информационно-публицистическая передача, выходящая в эфир с 1968 г. Лесли Стохл был одним из ее ведущих.

² MD — Doctor of Medicine, доктор медицины (англ.).

— Я думал, деньги печатает Монетный двор, — поделился своими познаниями Келп.

— Наши деньги — да, — согласился Куэрк. — Но есть маленькие страны, у которых нет соответствующих технологий и специалистов, вот они и заказывают деньги в типографиях, которые располагают и технологией, и специалистами. Большинство денежных знаков государств Европы и Африки печатается в Лондоне. Большинство денежных знаков государств Южной Америки — в Филадельфии.

— Ты работаешь не в Филадельфии, — заметил Келп.

— Нет, но моя типография в Сикаморе примерно десять лет тому назад подключилась к этому процессу. Они нашли крупного канадского инвестора, установили оборудование, наняли специалистов и начали предлагать те же услуги, что и филадельфийцы, но за меньшую цену.

— Свободное предпринимательство, — прокомментировал Келп.

— Само собой. — Куэрк пожал плечами. — Никто не говорит, что они делают деньги на том же уровне, что и в Филадельфии, со всеми этими голограммами и степенями защиты, но, если страна достаточно маленькая и достаточно бедная, никому не захочется подделывать такие деньги. Вот сикаморская типография и подписала договоры с четырьмя такими странами в Центральной и Южной Америках и печатает их деньги.

— Ты предлагаешь украсть деньги, которые ничего не стоят? — спросил Дортмундер.

— Ну, что-то они стоят, — возразил Куэрк. — И я не говорю о краже.

— Значит, о подделке. — По голосу чувствовалось, что Дортмундер не одобряет обе идеи.

Но Куэрк покачал головой.

— Я осуществляю контроль за поступающей бумагой, подписываю накладные водителям грузовиков, развожу бумагу к разным печатным машинам, в зависимости от ее качества. Каждая из этих стран использует для денег особую бумагу, с водяными знаками, скрытыми надписями и все такое. Но без высоких технологий, знаете ли. С заморочками, конечно, но ничего такого, что нельзя сделать на принтере.

— Бумага у тебя уже есть. — В голосе Дортмундера по-прежнему слышался скепсис.

— И я посматриваю по сторонам, — продолжил Куэрк. — Вы знаете, я собирался стать печатником, а не развозить бумагу на электрокаре-погрузчике, вот и приходится посматривать. Работать на будущее. Не хочу до конца своих дней, как собачка, куда-то бежать по первому окрику. Вы понимаете, о чем я.

— Угу, — ответил Дортмундер.

— Сзади, — указал Куэрк. — Та развилка. — Они съехали с автострады на 125-ю улицу. — Разве это не Гарлем? — По голосу, этот район Нью-Йорка определенно ему не нравился.

— Не совсем, — ответил Келп.

— Продолжай свою историю, — предложил Дортмундер.

— Не думаю, что уже могу. — Куэрк хмуро смотрел на ветровое стекло, словно задумался о правильности каких-то решений, принятых ранее.

— Скоро будем на месте, — заверил его Келп.

Все молчали, пока Келп не остановился у знака «Стоп», развернулся, объехав три гигантские стальные колонны, поддерживающие Вестсайдскую автостраду, проехал квартал складских зданий, на светофоре опять повернул налево, проехал нерегулируемый перекресток, пересек широкую площадку, огороженную невысоким забо-

ром, и после еще одного левого поворота въехал на длинную узкую автостоянку у самой реки Гудзон.

— Где мы? — спросил Куэрк.

— «Фэарузэй», — ответил Келп. Он заметил свободное парковочное место и въехал в него, передний бампер замер в нескольких дюймах от забора. Снаружи было жарко, поэтому двигатель он не выключил, а окна остались закрытыми.

— Не понял, — удивился Куэрк.

— Дело в том, что в Гарлеме никогда не было большого супермаркета, позволяющего экономить на продуктах, только маленькие магазинчики на уличных углах, с ограниченным ассортиментом. Вот и появился «Фэарузэй», под него реконструировали один из складов, понимаешь?

Куэрк посмотрел на большой склад с входом, как у всех супермаркетов, и кивнул.

— Вижу.

— Итак, они построили большой супермаркет, с огромным выбором товаров, все дешево, местным понравилось. Но понравилось и тем, кто пользуется этой трассой. Сам видишь, съехать нет проблем, покупаешь все, что тебе нужно на уикенд, потом возвращаешься на трассу и едешь в загородное гнездышко.

— Но почему мы? Что мы здесь делаем?

— Если оглянешься, — объяснил Дортмундер, — то в припаркованных машинах увидишь одного, двух, может, трех человек. Жена, обычно это жена, идет за покупками, муж и гости, приглашенные на уикенд, сидят в машине, не высовываются, рассказывают друг другу истории.

— Расскажи нам историю, Кирби, — добавил Келп.

Куэрк покачал головой.

— Я слишком долго пробыл за решеткой. Не хочу этого признавать, но деваться некуда. Не знаю, как жить дальше. Вот почему мне нужна заначка на черный день.

— Из южно-американских денег, — уточнил Дортмундер.

— Именно. В типографии я, по большей части, предоставлен самому себе, а с техникой всегда ладил, начиная с замков, которые стали моей профессией. Так что, в печатных станках я тоже разобрался, тем более, что меня учили на печатника, пусть и на устаревшем оборудовании, и, в конце концов, понял, как быть с номерами.

— С номерами? — переспросил Келп.

— На каждой купюре, что лежат у тебя в кармане, стоит номер, и в этой стране нет двух купюр с одинаковыми номерами. Это правило действует для денег любой страны. На купюре любого достоинства все одинаково, за исключением номера, который меняется от купюры к купюре, и возвращения к уже использованному не бывает. Выполнение этого правила обеспечивается специальным оборудованием, которое они купили, когда решили печатать деньги.

— Кирби, кажется, я тебя понял! — воскликнул Келп. — Ты нашел способ прокрутить номера назад.

На лице Куэрка заиграла самодовольная улыбка.

— Я знаю, как сказать машине: «Прошлая партия была проверкой. А вот это настоящие деньги». — Он повернулся к Дортмундеру: — Я также тот, кто занимается бумагой, проверяет ее расход, ведет учет. Теперь вы понимаете, какие у меня возможности. Эта партия денег не будет проходить ни по каким документам. Деньги будут настоящие, и они не будут украдены, потому что их как бы и не было.

Когда они возвращались в Мидтаун, каждый потягивал пиво, три бутылки которого Келп купил в «Фэарузэе».

— Знаешь, — заметил Дортмундер, посмотрев на Куэрка, — мне представляется, что в этой истории не одна глава.

— Тебя интересует, что мы будем делать с этими деньгами после того, как напечатаем их?

— Мы же не сможем частями носить их в банк и каждый раз менять по сотне долларов?

— Нет. Я это знаю.

— Полагаю, мы сможем поехать в эту страну и купить отель или что-то еще... — начал Келп.

— За наличные? — спросил Дортмундер.

— Именно. А потом продать за доллары. — Келп покачал головой. — Хотя все это слишком сложно.

— У меня есть человек, — повел плечами Куэрк.

Дортмундер и Келп молчали, ожидая продолжения.

— Он — из этой страны, она называется Гуэррера. Мелкий жулик.

— Откуда ты его знаешь?

— У меня есть подруга. Она занимается туризмом, часто там бывает и знает этого парня.

Дортмундер и Келп переглянулись через зеркало заднего вида, чего Куэрк, похоже, не заметил.

— Мы напечатаем деньги, из машины они уже выйдут в картонных коробках, затянутых металлической лентой. Коробки мы вывезем с территории типографии, я знаю, как это сделать, и отдадим этому парню, который даст нам по пятьдесят центов за доллар.

— Половину, — кивнул Келп. — И о какой сумме мы говорим?

— Самая удобная купюра для Родриго, так зовут моего парня, двадцать миллионов сиап.

— Двадцать миллионов? — переспросил Келп.

— И сколько это на наши деньги? — полюбопытствовал Дортмундер.

— Сто долларов. — Куэрк пожал плечами. — У них там проблемы с инфляцией. Но теперь они вроде бы взяли ее под контроль.

— Так о какой сумме идет речь? — повторил вопрос Келп.

— Сколько мы напечатаем? Сто миллиардов.

— Не долларов, — уточнил Дортмундер.

— Нет, сиап. Пять тысяч банкнот, каждая — по двадцать миллионов сиап.

— И сколько это выходит по деньгам?

— Пятьсот «штук», — ответил Куэрк.

— Теперь я уже запутался, — вмешался Келп. — Пятьсот. Это уже в долларах?

— Пятьсот тысяч долларов, — кивнул Куэрк.

— И мы получаем половину. Двести пятьдесят тысяч. Сколько достанется Келпу и мне? — спросил Дортмундер.

— Половина половины, — без запинки ответил Куэрк.

В этом числовом диапазоне Дортмундер мог считать в уме.

— Шестьдесят две тысячи пятьсот долларов на каждого.

— И небольшой отдых в горах, — добавил Келп.

— На следующей неделе, — вставил Куэрк.

Они посмотрели на него.

— На следующей?

— Ну, может, через неделю. Во всяком случае, когда типография остановится.

— Похоже, нам есть еще о чем поговорить, — решил Дортмундер.

6

— Мэй? — позвал Дортмундер и прислушался, застыв в дверях. Ему не ответили. — Еще не вернулась, — решил он и прошел в квартиру. Келп и Куэрк последовали за ним.

— Уютно, — отметил Куэрк.

— Благодарю, — кивнул Дортмундер. — Гостиная — здесь, по левую руку.

— Когда-то я жил в Нью-Йорке, — добавил Куэрк. — Давным-давно. Но сейчас такой ритм не по мне.

Они прошли в гостиную, и Дортмундер оглядел просиженный диван, свое кресло с подставкой для ног перед ним, кресло Мэй, с прожженной сигаретами обивкой, телевизор, который вечно путал цвета, окно с видом на кирпичную стену, которая находилась чуть дальше вытянутой руки, кофейный столик с кругами от различных жидкостей и царапинами на поверхности.

— А я вот живу. И ритм меня не беспокоит. Садитесь. Кто-нибудь хочет пива?

Пива захотели все, и Дортмундер, в роли хозяина, потопал на кухню. Когда возвращался в гостиную, расплескивая пиво на руки, в другом конце коридора открылась дверь, и вошла Мэй, одной рукой пытаясь вытащить ключ, второй держа большой пакет с купленными продуктами. Высокая худая женщина с легкой проседью в волосах, она обычно подрабатывала кассиром в «Сейфуэ»¹, если деньги, добытые Дортмундером, подходили к концу, и полагала пакет продуктов премиальными. А что думали на этот счет владельцы «Сейфуэ», ее нисколько не волновало.

— Черт, Мэй! — Дортмундер вновь плеснул пиво на пальцы. — Никак не могу тебе помочь.

— Ничего, справляюсь сама. — Она вытащила ключ, захлопнула дверь, сосчитала стаканы. — У нас гости?

— Энди и еще один парень. Заходи и поздоровайся.

— Только разберу пакет.

Когда Мэй проходила мимо двери в гостиную, оттуда донесся голос Келпа: «Привет, Мэй». Она кивнула, проскользнула мимо Дортмундера на кухню, а тот направился в гостиную, где оба мужчины стояли, словно ранние гости на вечеринке.

Дортмундер раздал стаканы, вытер пальцы о рукава рубашки.

— Мэй придет через минуту. Поздороваться.

Келп поднял стакан.

— За преступление.

— Хороший тост, — кивнул Куэрк, и все выпили.

Вошла Мэй, со своим стаканом.

— Привет, Энди, — поздоровалась она с Келпом.

— Мэй, это Кирби Куэрк, — представил ей Дортмундер второго гостя и добавил: — Может, присядем? Вы оба устраивайтесь на диване.

На лице Куэрка отразилось удивление.

— Ты хочешь, чтобы я рассказывал все при этой женщине?

— До чего приятно, — уселась в кресло Мэй и улыбнулась Куэрку.

— Я же ей все равно расскажу после твоего ухода, — ответил Дортмундер, — так что, сэкономь мне время.

¹ «Сейфуэй» — сеть кафе быстрого обслуживания.

— Ну... хорошо.

Когда все сели, Дортмундер повернулся к Мэй.

— Куэрк предлагает работу в типографии в северной части штата, где, среди прочего, печатают деньги одной из южно-американских стран, и он знает, как напечатать партию денег без чьего-либо ведома.

— Это хорошо, — кивнула Мэй.

— Только теперь выяснилось, что существует некий крайний срок, и вот об этом мы и хотим поговорить.

— До этого момента мы не знали, удастся ли нам сработаться, — пояснил Келп, — поэтому и встречались в других местах.

— Само собой, — кивнула Мэй.

— А теперь давай послушаем, что нам скажет Куэрк насчет крайнего срока, — добавил Дортмундер.

Все посмотрели на Куэрка, который поставил стакан на кофейный столик, добавив пятно к уже имеющимся.

— Типография называется «Сикамор крик», потому что через город протекает речушка Сикамор крик, перегороженная дамбой. В дамбе установлены турбины, вырабатывающие электроэнергию, на которой работает типография. Но каждый год они на две недели открывают шлюзы и просто пропускают воду, потому на две недели типография закрывается, все идут в отпуск. Без электричества машины работать не могут, но они используют эти две недели для ремонта и технического обслуживания.

— То есть ты предлагаешь проделать все это, пока нет электричества, — уточнил Дортмундер.

— Мы привезем его с собой, — ответил Куэрк.

Дортмундер представил себя с двумя пригоршнями электричества, от которого во все стороны летели голубые искры. Зрелище получилось не очень.

— И как мы это сделаем?

— С помощью дизельного генератора. Видишь ли, пожарные и спасательные команды округа формируются из добровольцев, и мой кузен, у которого я живу, пока не найдет другого места, командир объединенной пожарно-спасательной команды округа Дэрби. У них, помимо «Скорой помощи» и пожарной машины, есть большой грузовик с дизельным генератором, на случай чрезвычайных обстоятельств.

— То есть сначала мы должны украсть грузовик, — вставил Дортмундер.

— Это я сделаю с закрытыми глазами, — заверил его Куэрк. — Замки там — детские, можете мне поверить. А ключи во всех трех автомобилях оставляют в замках зажигания.

— Мы это сделаем днем или ночью? — спросил Келп.

— Ночью, — ответил Куэрк. — Я полагаю, что грузовик мы возьмем в час ночи, там в это время все уже спят, перегоним его в типографию, отпечатаем все, что нам нужно, на это уйдет три часа, вывезем коробки с деньгами и вернем грузовик с генератором на место, покончив со всем до рассвета.

— Придется зажигать свет, да и без шума не обойтись, — заметил Дортмундер.

— Не проблема, — ответил Куэрк.

— Почему? Эта типография в лесу, что ли?

— Не совсем. Но нас никто не увидит.

— Как это? — полюбопытствовал Келп.

— Высокие стены, — Куэрк вскинул руки, — низкие здания. Насколько я понимаю, раньше типография сливала все отходы в речку, и люди, которые жили ниже по течению, делали ставки, какого цвета будет вода завтра. Всякий раз, когда власти штата проводили инспекцию, слив прекращали, и вода текла чистая, пригодная

для питья. Но лет тридцать тому назад их поймали. Люди жаловались также на шум и вонь, идущую от типографии, и хозяевам пришлось раскошелиться. Они построили очистные сооружения и звуконепроницаемую стену вокруг типографии и посадили деревья, чтобы стена не мозолила людям глаза. Теперь деревья выросли, и можно подумать, что это лес, если бы не две дороги с воротами. Одна — для рабочих, вторая — для грузового транспорта. Обе проложены вдоль реки, где нет жилых домов.

— Мы должны побывать там заранее, оценить обстановку, — сказал Дортмундер.

— Естественно, — кивнул Келп.

— Дельная мысль, — согласился Куэрк. — И вы можете мне уточнить детали. Я могу отвезти вас завтра. У меня минивэн кузена. Я сплю в нем в Гринвич-Виллидж.

— Милое местечко, — прокомментировала Мэй.

— Это точно.

— Там понадобятся свои колеса, — возразил Дортмундер. — Встретишь нас на месте.

Куэрк улыбнулся.

— Еще одному врачу придется идти домой на своих двоих?

— Возможно. — Келп неопределенно махнул рукой. — Ты говоришь, этот городок в сотне миль к северу? Примерно, два часа езды?

— Да, не больше. Если поедете по Таконик.

— Если эта типография с рабочими, там должно быть место, где они могут поесть, — предположил Дортмундер.

— Да, неподалеку от дамбы есть придорожный ресторан, «Сикамор-хауз». По существу, бар, но там можно заказать ленч.

Дортмундер кивнул.

— У тебя не возникнет проблем, если ты появишься в нашей компании?

— Нет, это не такой уж маленький городок. Вы — всего лишь люди, которые проезжали мимо, мы случайно встретились.

— Перед отъездом нарисуй нам маленькую карту, — попросил Дортмундер. — Мы приедем туда, скажем, в час дня, остановимся на ленч, а потом поедем дальше.

— Отлично.

— А если в ту ночь что-то случится и кому-то потребуется дизельный генератор? — спросил Келп.

— В три часа ночи? — Куэрк пожал плечами. — Пурги не будет точно. В гараже у всех трех автомобилей отдельные боксы с воротами. Если даже кому-то и потребуется «скорая» или пожарная машина, они и не заметят, что грузовика с генератором нет.

— Но если? — настаивал Келп.

— Тогда мы попали, — признал Куэрк. — Причем я больше, чем вы, потому что сразу станет ясно, кто пригнал грузовик с генератором в типографию.

— Но ты готов рискнуть? — не унимался Келп.

— Очень уж велики шансы на успех, — ответил Куэрк. — Если один из вас не Иуда, волноваться мне не о чем. На такой риск я готов пойти.

Ему никто не ответил.

7

После ухода Куэрка Дортмундер и Келп полностью ввели Мэй в курс дела: рассказали о Родриго, половине половины, вскользь упомянули и о женщине, которая регулярно ездила по торговым делам в Гуэрреру.

— Похоже, она за всем этим и стоит, — заметила Мэй.

— Да, это я понял, — согласился Дортмундер. — А что ты можешь сказать об этом парне?

— Похож на кролика.

— Пожалуй.

— Тебя что-то тревожит? — спросила Мэй.

Дортмундер покачал головой.

— Даже не знаю, в чем дело. Вроде бы, все говорит за то, что так делать нельзя, а с другой стороны, похоже, что можно. Не принято воровать там, где ты работаешь или работал, потому что именно тебя будут искать. Но именно это собирается сделать Куэрк, и на этот раз ему все может сойти с рук, потому что никто не заподозрит кражу. Если б стало известно о пропаже ста миллиардов сиап, вся работа теряла бы смысл.

— Не могу представить себе такие деньги. — Мэй пожала плечами. — Но как вы получите свою долю, вот в чем вопрос? В долларах?

— Мы это еще обговорим, — ответил Дортмундер. — Пока Куэрк мне ничего не предлагал. И вот еще что. У меня не выходят из головы слова Гарри Мэтлока, что Куэрк хорош, пусть и не звезда, если помогает в осуществлении чьего-то плана, а вот о том, каков Куэрк, если план придуман им самим, он ничего сказать не может. И это — странный план.

— Частично, — согласилась Мэй.

— Полностью. Типографию закрывают, потому что открывают шлюзы в дамбе, чтобы не дать реке пересохнуть и не погубить рыбу. Тебе нравится эта часть?

— Почему нет, если у них так принято, — ответила Мэй.

— Пожалуй. — Дортмундер нахмурился. — Это сельская местность, а я не знаю, что представляется разумным в сельской местности. И вот это меня смущает. Куэрк говорит, что теперь в городе чувствует себя не в своей тарелке, а мне, знаете ли, всегда была не по нутру сельская местность. Почему они не могут напечатать все эти сиапы в каком-нибудь Бруклине?

— Видишь ли, в городе не так много речушек, в которых плавают рыбки.

— Да, наверное, дело в этом, — вздохнул Дортмундер. — Я только надеюсь, что не окажусь одной из них.

8

Направляясь к минивэну кузена Клода, Куэрк жалел о том, что не может позвонить прямо сейчас, доложить о достигнутых результатах. Но шел уже шестой час, поэтому «Семь лиг» закрылись, а позвонить ей домой он разрешения не получил, даже если бы она и успела так быстро добраться до дома. Что ж, он увидится с ней утром, приехав в Сикамор, тогда все расскажет.

А рассказать он собирался о том, что все сложилось. Да, сложилось. Этим двум парням хватало ума и ловкости рук, чтобы реализовать намеченный план, но определенно недоставало ни первого, ни второго для того, чтобы потом стать источником неприятностей. Так что, он питал к ним самые теплые чувства.

Минивэн кузена Клода находился на Гринвич-стрит, застроенной низкими темными многоквартирными домами и низкими темными складами, некоторые из которых перестроили в низкие темные многоквартирные дома. Минивэн стоял на месте, а Куэрк всегда удивлялся, если в Нью-Йорке хоть что-то никуда не девалось, если ты

отлучался даже на несколько минут. Он отключил блокировку центрального замка, открыл дверцу и сел за руль.

На этом грязно-белом «форде эконолайн» кузен Клод обычно ездил на рыбалку или охоту, поэтому позади передних сидений стояла койка и металлический шкаф с ящиками, прикрепленный к борту. Штекер электробритвы вставлялся в прикуриватель, а умываться, почистить зубы и справить нужду Куэрк мог в туалете любого ресторана.

До обеда было еще далеко, шел только шестой час. Куэрк оглядел книги и журналы, лежавшие на пассажирском сиденье, пытаясь решить, что же ему почитать. Но тут в голове сверкнула мысль: «Чего ждать? Все дела закончены. Нет смысла оставаться здесь на ночь и ехать в Сикамор утром. До темноты еще далеко. К восьми я буду дома».

Дом.

Джанет.

Куэрк вставил ключ в замок зажигания. Пристегнул ремень безопасности. Выехал на Вестсайдскую автостраду и влился в транспортный поток, направляющийся на север. Большое количество машин и малая скорость его не смущали: он же ехал домой.

Какое-то время спустя он проехал мимо огромного рекламного щита сети супермаркетов «Фэаруэй», установленного на крыше супермаркета «Фэаруэй». Эти два парня хорошо знали свой город, не так ли?

Что ж, Куэрк знал Сикамор не хуже.

9

В то утро Келп решил не связываться с представителями медицинской профессии и арендовал автомобиль для поездки на север. Не хотелось ему нервно поглядывать в зеркало заднего обзора на протяжении ста миль по пути туда и стольких же — обратно. Глаза, конечно, не подвергались сильному напряжению, но принятое решение означало, что ему не обойтись без кредитной карточки, то есть придется посетить Арни Олбрайта, скупщика краденого.

Видеться с Арни Олбрайтом Келпу решительно не хотелось. В половине девятого утра он заглянул в квартиру Джона, Мэй как раз собиралась на работу в «Сейфуэй», и высказал предположение, что за кредитной карточкой мог бы сходить Джон, но тот проявил ослиное упрямство.

— Я больше не веду с Арни Олбрайтом никаких дел, — отрезал он. — Разбирайся с ним сам.

Келп вздохнул. Он знал, если Джон упрямится, спорить с ним бесполезно. Однако предложил:

— Ты мог бы подождать снаружи.

— Он может выглянуть в окно и увидеть меня.

— Окна его квартиры выходят во двор.

— Он может почувствовать меня. Машину будешь брать в «О'Молли»?

— Конечно, — кивнул Келп.

Агентство по прокату автомобилей «О'Молли» занимало часть гаража для парковки неподалеку от Манхэттенского моста. Большинство клиентов были азиаты, так что парк «О'Молли» состоял из компакт-моделей, но выбор Келпа определялся другим: агентство «О'Молли» не было подключено к всемирной компьютерной сети, которая сразу определяла, где и по какому поводу использовалась та или иная кредитная

карточка. Вот почему Келп шел в «О'Молли», если по каким-то причинам не хотел воспользоваться транспортным средством, принадлежащим кому-то из врачей.

— Встретимся в «О'Молли», — напутствовал его Джон. — В половине десятого.

На том и расстались. Келп дошагал до станции подземки, проехал несколько остановок, опять совершил небольшую прогулку, добрался до 89-й улицы и вошел в дверную арку подъезда Арни. Нажал на кнопку звонка рядом с надписью «Олбрайт». Ждать пришлось долго, но, наконец, динамик домофона рявкнул: «Кого еще принесло?»

— Это Энди Келп, — ответил Келп, сожалея о том, что встречи с Олбрайтом избежать не удалось.

— Какого хрена тебе нужно?

Келп наклонился к микрофону и сказал:

— Слушай, я бы хотел подняться наверх, Арни, и сказать тебе там.

Вместо того, чтобы продолжать спор, Арни, видать, нажал на кнопку, отпирающую замок. Раздался ужасный скрежет, зато дверь, стоило только Келпу толкнуть ее, сразу открылась, и он прошел в маленький холл, где воняло едой. Судя по запаху, в одной из квартир варили бульон из высушенных человеческих голов. Впрочем, на лестнице они не валялись, поэтому Келп, преодолев длинный пролет, оказался лицом к лицу с Арни, который поджидал его у открытой двери. Небритым недомерком с огромным носом, одетым в шорты Британской армии, широченную рубашку с короткими рукавами на трех пуговичках и черные сандалии, из которых торчали пальцы, напоминающие корни дерева.

— Купить или продать? — рявкнул недомерок, когда Келп преодолевал последние ступеньки. — Купить или продать, это единственная причина, по которой кто-либо приходит к Арни Олбрайту. Их привлекает отнюдь не моя внешность.

— Люди знают, что у тебя полно дел, — ответил Келп, проходя мимо Арни в квартиру.

— Полно дел? — фыркнул Арни и с грохотом захлопнул дверь. — Я выгляжу, как занятый человек? Я выгляжу, как тот, про кого гробовщик сказал: «Не открывайте гроб, это будет ошибкой». Но родственники гроб открыли, а теперь жалеют. Вот как я выгляжу.

— Не так уж плохо ты выглядишь, Арни, — заверил его Келп, оглядывая квартиру. Все лучше, чем смотреть на Арни, который действительно выглядел так, что крышку гроба следовало бы оставить на месте.

Квартира тоже производила странное впечатление. Маленькие, практически без мебели, комнаты, грязные окна с видом на стену соседнего дома, стены, украшенные календарями из коллекции Арни. Января разных лет, девушки в развевающихся юбках, салютующие бойскауты, старинные автомобили, вечные котятка с клубками в лукошках. Среди январей, которые начинались со всех дней недели, изредка встречались календари с июнями или даже сентяблями. «Неполные», как называл их Арни.

Следуя за Келпом в гостиную, Арни прорычал:

— Вижу, Джона Дортмундера с тобой нет. Даже он больше не хочет общаться со мной. Что вы сделали? Бросили монетку, и проигравший пошел к Арни?

— Монетку мы не бросали, — ответил Келп. — Арни, когда я последний раз видел тебя, ты принимал какое-то лекарство, которое делало тебя более общительным.

— Да, я по-прежнему противный, но уже не злюсь из-за этого.

— Но лекарства больше не принимаешь.

— Ты заметил, — кивнул Арни. — Нет, оно заставляло меня раздавать деньги.

— Что? — изумился Келп.

— Я сам не мог в это поверить, подумал, может, дырки в карманах, техник-смотритель, забирающийся в квартиру в мое отсутствие и ворующий наличные, как буд-

то в таком доме может быть техник-смотритель, или какой-нибудь залетный воришка. Но, как выяснилось, причина была в моей общительности. Всякий раз, когда я улыбался, а мне улыбались в ответ, скажем, на улице, я давал им деньги.

— Это ужасно, — посочувствовал Келп.

— Ты знаешь, о чем я, — кивнул Арни. — Лучше буду злобным, противным и с деньгами, чем улыбающимся, противным и раздающим деньги. Полагаю, ты сожалешь, что тебе не досталось ни цента.

— Это не важно, Арни, — успокоил его Келп. — Я и сам могу заработать на жизнь. Собственно, поэтому...

— Выкладывай, я понимаю, что ты пришел по делу, — оборвал его Арни. — Ты хочешь поскорее убраться отсюда, да и я тоже. Или ты думаешь, мне приятно находиться в собственной компании? Ладно, я знаю, что ты пришел по делу, давай с этим покончим, больше не скажу ни одного лишнего слова.

— Мне нужна кредитная карточка, — объяснил Келп цель своего прихода.

Арни кивнул. Засосал воздух сквозь зубы, словно это действие помогало думать. Келп смотрел на январь.

— Сколько дней должна действовать эта карточка?

— Два дня.

— Это просто. Такая обойдется тебе недорого. Надо только научиться подделывать подпись. Присяжь.

Келп сел за стол, на котором лежала стопка неполных календарей: авианосец с самолетами, два медведя и горшок с медом... тогда как Арни ушел в другую комнату, порывлся там и вернулся с тремя визитными карточками, шариковой ручкой и коробкой из-под бумажных салфеток.

— Держи, — он разорвал коробку, чтобы Келп мог писать на внутренней стороне. — Потом я ее сожгу.

Келп перебрал кредитные карточки.

— Говард Джустин мне нравится.

— Попробуй.

Келп четыре раза расписался за Говарда Джустина на коробке из-под салфеток, потом сравнил свою роспись с той, что была на кредитной карточке.

— Для «О'Молли» сойдет, — вынес он вердикт.

10

Дортмундер высказал только одно пожелание: чтобы в автомобиле было место для ног, но оно оказалось невыполнимым.

— Это не компакт-модель, а мини-компакт, — пожаловался он.

— Да нет же, — возразил Келп. — В мини-компакте ты сидел бы на двигателе.

Какое-то время спустя единство автострады и горного ландшафта настолько успокоили Дортмундера, что он забыл про нехватку места для ног. Ему удалось поставить ноги так, что их не сводила судорога, верхняя часть тела достаточно удобно устроилась на сиденье, и время он проводил с пользой: не злился из-за недостатка места для ног, а думал о том, что может пойти не так.

К примеру, в городе могло произойти чрезвычайное происшествие в ту самую ночь, когда они воспользуются грузовиком с генератором. Или женщина из туристического бюро, направлявшая Куэрка, могла подложить какую-нибудь подлянку. О ней они ничего не знали, как и о ее мотивах. Не так могло пойти и многое другое.

Скажем, Родриго. Да, с одним Родриго они могли хлебнуть горя. Куэрк охарактеризовал его как мелкого жулика. Он мог в самый неподходящий момент попасть в полицию, у него могло не оказаться наличных, он мог просто не приехать за напечатанными деньгами. А может, такой же никому не известный, как и женщина-турагентша, он намеревался их кинуть или, хуже того, сдать полиции. Возможно, сам он и заслуживал доверия, но у него были ненадежные друзья, прознавшие о его планах и решившие срубить легкие бабки. Или у него была одна из болезней, которых хватало в Латинской Америке. Там-то на эти болезни внимания не обращали, а вот жители Нью-Йорка дошли от них, как мухи.

Так или иначе, поездка Дортмундеру понравилась.

Следуя полученным от Куэрка инструкциям, они съехали с Таконик-паркуэй в Дэрби-Корнерс, повернули на восток. Потом — на север, миновали Дэрбивилл, где Куэрк временно жил у своего кузена, направились в Сикамор, где на берегу Сикамор крик, скрытая лесом, находилась нужная им типография.

К Сикамору подъехали с юга, тогда как река втекала в город с севера, так что несколько миль они ехали вдоль реки, которая текла за полями и лесами справа от них, поблескивая под солнечными лучами.

Вдоль дороги им встречались фермерские дома, в некоторых еще жили фермеры. Коллапс местного сельского хозяйства, вызванный трогательной заботой политиков штата Нью-Йорк, привел к тому, что продукция некоторых ферм, мимо которых они проезжали, заставила бы первых поселенцев чесать затылок: там выращивали лам, коз, анемоны, страусов, рождественские ели, исландских лошадей, длиннорогий скот.

В городе торговля и промышленность встретили их на самой окраине: слева находилась лесопилка, справа продавали тракторы. Далеко впереди висел единственный в городе светофор. Пока они ехали к нему, слева частные дома чередовались с магазинами, а вот справа, после того, как они миновали глосдадку с тракторами, лес вознулся чуть ли не до самого перекрестка, где итальянский ресторан возвещал о возвращении цивилизации.

— Наверное, типография — там. — Келп снял руку с руля и махнул в сторону лесного массива.

— Точно.

— И только сосны и ели, чтобы и зимой людям не приходилось на нее смотреть.

— Очень предусмотрительно, — согласился Дортмундер.

В Сикамор они приехали раньше половины двенадцатого. Светофор встретил их зеленым светом, поэтому Келп быстро миновал перекресток и подъехал к «Сикамор-хауз», куда они намеревались заглянуть на ленч. Здание было очень старое, в два этажа, к первому примыкала большая открытая терраса. В окнах-витринах светились неоновые логотипы популярных марок пива.

Миновав «Сикамор-хауз», на большом окне-витрине они прочитали надпись «ТУРИСТИЧЕСКОЕ БЮРО «СЕМЬ ЛИГ». На этот раз Келп руку от руля отрывать не стал, только повернул голову: «А здесь работает она».

— Понял тебя.

Келп доехал до северной границы города: кладбище — слева, церковь — справа, надпись на большом щите перед ней: «ИДИ И ГРЕШИ ДАЛЬШЕ». На пустой автостоянке у церкви Келп развернулся и теперь поехал на юг. «Поглядим, что видно с моста».

На этот раз у светофора им пришлось остановиться на красный свет. Кроме них, у перекрестка стояли еще несколько автомобилей, как местных жителей, так и туристов. Когда зажегся зеленый свет, Келп свернул налево. Рукотворный лес, соот-

ветственно, оказался справа, река — впереди. Перед самой рекой вправо уходила двухполосная дорога. У съезда высился здоровенный щит, с черной надписью на белом фоне:

«ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ
ТИПОГРАФИЯ «СИКАМОР КРИК»
ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН»

Дортмундер оглядывался, ударяясь ногами об углы и стенки автомобильного салона, пытаясь хоть что-то разглядеть поверх и между сосен и елей, которые росли вдоль берега, но не видел ничего, кроме участков частной дороги. «Здорово ее спрятали», — прокомментировал он.

На другом берегу реки перекрестков не было, как, собственно, и самого города. Все дома остались у них за спиной, по другую сторону дамбы. Здесь же заросшие лесом холмы становились все выше, дорога петляла между ними, и разворот Келп и Дортмундер нашли только через семь миль, перевалив через гребень хребта. Компанию развороту составляла площадка для отдыха, с которой все желающие могли полюбоваться горами Беркшир в Массачусетсе.

Засматриваться на горы Беркшир они не стали, сразу двинулись в обратный путь, не обращая внимания на то, что позади скапливалось все больше попутных автомобилей. Им хотелось разглядеть хоть какие-то признаки типографии, укрывшейся за стеной леса. Не разглядели.

— Если он будет осторожен со светом и шумом, — заметил Келп, — все должно пройти гладко.

— Я бы все-таки хотел туда попасть, — ответил Дортмундер. — Чтобы осмотреться.

— Мы с ним это обсудим, — кивнул Келп.

11

На ленч они приехали слишком рано. Келп поставил автомобиль на стоянку у «Сикамор-хауз», среди нескольких других автомобилей, владельцы которых не знали, что для ленча еще рановато, и они вылезли из кабины, чтобы поразмяться. Джон несколько раз демонстративно присел и помассировал бедра, чего Келп предпочел не заметить.

— Пожалуй, я загляну в «Семь лиг», — сказал он.

— А я прогуляюсь. — Голосом Дортмундер давал понять, что мучается от боли. — Буюсь, как бы ноги не свела судорога.

Они разделились, и Келп зашагал к туристическому бюро «Семь лиг», которое занимало центральную часть одноэтажного оштукатуренного и выкрашенного белой краской дома. Справа от турбюро находился пункт проката видеофильмов, слева — багетная мастерская.

Келп открыл дверь «Семи лиг», и тут же звякнул колокольчик. Он переступил порог, закрыл дверь за собой, и колокольчик звякнул вновь. Мгновением позже послышался женский голос: «Одну минутку! У меня клюнуло».

Клюнуло? Келп оглядел пустую комнату. Вдоль левой стены стояли бюро и два письменных стола, один перед другим. Все пустые вертикальные пространства занимали туристические постеры, включая боковину ближайшего к нему бюро и перед-

ние торцы письменных столов. Стол, что стоял ближе к середине комнаты, беспорядком напоминал трейлерную стоянку в Техасе, по которой только что прошел торнадо. Зато второй был чистым и пустым. Им, очевидно, не пользовались. В дальней стене Келп увидел приоткрытую дверь, конечно же, с прикрепленным к ней постером: дамба, кусочек озера, крутой лесистый склон.

Келп, не очень-то понимая, о чем речь, гадая, не требуется ли его помощь, пересек комнату, оставив позади оба стола, распахнул дверь в дальней стене, сунулся в нее и увидел балкон без крыши, на нем — женщину, которая боролась с удилицем. Женщина была средних лет, то есть неопределенного возраста, не слишком полная, одетая в широкие светло-коричневые брюки, голубую мужскую рубашку с расстегнутым воротником и обрезанными выше локтей рукавами и матерчатую шляпу с узкими полями, с нацепленными на нее крючками и прочими рыболовными штучками. Глаза женщины закрывали огромные солнцезащитные очки.

— Ага! — воскликнул он. — У вас клюнуло!

— Не отвлекайте меня!

Келп застыл, наблюдая. Человек, мужчина или женщина, пытающийся вытащить рыбу из воды, выглядит довольно-таки странно, если леска остается невидимой. Поскольку большая часть удилица находилась за балконом, леску Келп не видел, вот и казалось, что женщина исполняет какой-то экзотический восточный танец, подпрыгивая, сгибая колени, расправляя плечи, перескакивая с ноги на ногу, ведя удилице то вправо, то влево, вертя катушку то по часовой стрелке, то против, что-то бормоча, пытаясь, ругаясь, и продолжалось все это до тех пор, пока рыба не выскочила из воды и не перелетела через белое деревянное ограждение балкона, после чего начала биться об пол. Длинной рыба была с фут и переливалась несколькими цветами, названия которых Келп не знал.

— Хороша, не правда ли? — спросила женщина, прислонив удилице к стене.

— Это точно, — кивнул Келп. — Что это? Я понимаю, это рыба, но как она называется?

— Форель, — ответила женщина. — Я могу назвать ее и по-латыни, но, наверное, смысла нет.

— Нет, — согласился он. — Она вкусная, не так ли?

— Очень. Но эту никто есть не будет. — Женщина опустилась на колено рядом с бьющейся об пол рыбой. — Здесь мы их ловим и тут же отпускаем.

Келп наблюдал, как она сунула палец рыбине в рот, чтобы вытащить крючок из нижней губы. Представил себе такой вот крючок в своей губе и тут же пожалел о том, что представил.

— Поймать и отпустить? Вы собираетесь бросить ее в воду?

— Именно. — Женщина схватила рыбину обеими руками и, прежде чем та выскользнула из ладоней, подняла и бросила ее в озеро. — До новой встречи, — крикнула она вслед, потом повернулась к Келпу. — Я только вымою руки, и буду в вашем полном распоряжении.

В комнату они вернулись вдвоем, женщина направилась в отгороженный угол, где и находился туалет. Открыв дверь, повернулась, указала на заваленный стол. «Присядьте, я сейчас».

Он кивнул, и она скрылась, захлопнув за собой дверь. Келп прошел к диораме торнадо и заметил среди нагромождения буклетов и проспектов бронзовую табличку с надписью «ДЖАНАЕТ ТУИЛЛИ».

Побродил по комнате, разглядывая различные постеры, обратил внимание, что ни один не предлагал тур по Гуэррере. Собственно, только один постер рекламировал Латинскую Америку. Минуту спустя в комнате вновь появилась Джанет.

— Я же вам сказала, присядьте.
— Я любовался постерами.
— Понятно. — Подойдя к столу, она указала на стул. — Но теперь-то вы можете присесть?

Властная женщина. Они сели оба, и Джанет спросила:

— Так куда вы хотите поехать?
— Вот почему я и разглядывал постеры, — ответил Келп.
— Не знаете, куда хотите поехать?
— Ну, не совсем.

На ее лице отразилось неодобрение.

— Обычно человек знает, за чем приходит в туристическое бюро.
— Видите ли, у меня проблема с часовыми поясами.
— Проблема?
— Смена часового пояса выбивает меня из колеи, — объяснил Келп. — Нарушает сон. Я не получаю удовольствия от поездки.
— Ваши биологические часы отказываются перестраиваться.
— Ну, вот, вы знаете, о чем я толкую.
— Все об этом знают.
— Правда? Ну, тогда вы понимаете, что меня тревожит. Я и моя жена, мы хотели бы поехать куда-нибудь, но остаться в том же часовом поясе.
— Канада, — предложила она.
— Мы были в Канаде. Очень милая страна. Но теперь нам хотелось бы отправиться в другом направлении.

— Вы хотите поехать во Флориду?
— Нет, в другую страну, где другой язык, другие люди, другие обычаи.
— Тогда Рио. — Джанет указала на постер, которым только что восхищался Келп.
— Но это очень далеко. Слишком далеко. Может, что-нибудь поближе?
— В Мексике есть много...
— Мексика, — кивнул он. — Но ведь там полным-полно американцев? Нам бы хотелось что-нибудь не столь заезженное.

В течение десяти минут она предлагала Аргентину, Белиз, Перу, Эквадор, страны Карибского бассейна, даже Колумбию, но ни разу не упомянула Гуэрреру. Наконец, он поднялся.

— Пожалуй, я еще раз переговорю с женой. Спасибо за ваши интересные предложения.

— Поговорите, — голос звучал сурово, — но с тем, что вы хотите, лучше определиться до того, как вы приходите в туристическое бюро.

— Да, конечно, в следующий раз так и будет, — заверил он ее. — У вас есть визитная карточка?

— Конечно. — Карточку она нашла, но для этого ей пришлось сбросить на пол половину бумага, лежавших на столе.

12

Ленч не заслуживал доброго слова. Выйдя из ресторана, Дортмундер и Келп обнаружили Куэрка сидящим на ограждении террасы. Дортмундер воскликнул:

— Посмотрите, кто тут сидит!
— Не ожидал встретить вас, — откликнулся Куэрк.

Внес свою лепту и Келп:

— Мы должны пожать друг другу руки, удивленные тем, что столь нежданно свиделись.

— Я хочу осмотреть типографию, — заявил Дортмундер после рукопожатий.

— Кое-что могу вам показать, — ответил Куэрк. — Но не оборудование, установленное в зданиях. К нему управляющие относятся очень трепетно.

— Я лишь хочу получить общее впечатление, — заверил его Дортмундер.

Они подошли к перекрестку, дождались зеленого света, пересекли проезжую часть, повернули налево, миновали итальянский ресторан и зашагали вдоль деревьев.

У щита, выставленного на границе участка, являющегося частной собственностью, они повернули направо, нарушив грозное предписание «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН», и двинулись вдоль двухполосной асфальтированной дороги.

Большой грузовик медленно проехал мимо них к выезду на шоссе, пыхтя, как астматик. Чернокожий усатый водитель в темно-синей бейсболке и с наполовину выкуренной сигарой во рту помахал Куэрку рукой. Тот ответил тем же, потом сказал:

— Он доставил в типографию бумагу. А я во второй половине дня должен развозить ее по территории, — и взглянул на часы. — Следовало начать три минуты назад.

— Задержись после работы, — предложил Дортмундер.

У ворот стало ясно, что лесной барьер очень даже узкий. Собственно, росли деревья где в два, где в три ряда, но сажали их не абы как, а смещая один ряд относительно другого, благодаря чему создавалась видимость густого леса. За деревьями высилась десятифутовая стена, выкрашенная нейтральной серой краской.

Миновав распахнутые металлические ворота, Дортмундер спросил:

— Когда типография не работает, их закрывают?

— Еще и запирают, — ответил Куэрк. — Но замки — это по моей части, помните? С воротами я разберусь до того, как мы возьмем грузовик. Оставлю их закрытыми, но не запертыми.

«И если кто-то случайно окажется на дороге, — подумал Дортмундер, — закрытые ворота не позволят ему увидеть горящий на территории типографии свет».

За воротами их глазам открылись несколько низких зданий с металлическими гофрированными стенами, выкрашенными в кремовый цвет, а может, это было одно здание, состоящее из нескольких блоков, окруженное асфальтированной дорогой, которая тянулась вдоль звукопоглощающей стены. Стена эта изнутри более всего напоминала бесконечно длинную картонку для укладки яиц. Единственным высоким сооружением была серая металлическая водонапорная башня, расположенная в центре комплекса.

Прямо перед ними находилась широкая разгрузочная площадка. Несколько ворот в дальней стене вели в темные, глубокие, высокие складские помещения. Один грузовик, размером поменьше того, что привез бумагу, приткнулся задним бортом к разгрузочной платформе, трое рабочих выгружали из него какие-то коробки, тогда как водитель наблюдал, привалившись к борту. На бетонном полу разгрузочной платформы лежали огромные рулоны бумаги.

— Моя сегодняшняя работа, — указал на рулоны Куэрк.

— Этот водитель неплохо устроился, — заметил Дортмундер. — А где прессы?

— Везде. — Куэрк широким жестом обвел весь комплекс. — Тот, что нам нужен, справа от нас. Мы сможем припарковаться прямо здесь, а провода протянем через окно.

— Охранная сигнализация? — спросил Келп.

— У меня есть ключи от всего, — ответил Куэрк. — Я изучил это место. Могу попасть куда угодно, никто не заметит. — Здесь, на своей территории, он держался гораздо увереннее и в куда меньшей степени напоминал перепуганного кролика.

— Что ж, мне представляется, это реальный вариант, — заметил Келп.

Куэрк повернулся к Дортмундеру.

— А ты что скажешь?

— Может получиться.

— Мне нравится ваш энтузиазм. Как насчет того, чтобы провернуть все на следующей неделе?

— У меня есть вопрос, — сказал Дортмундер. — Насчет оплаты.

— В каком смысле?

— Когда мы получим деньги?

— Не понял.

Дортмундер указал на здание справа от них.

— Отсюда мы уедем с сияпами. Деньги мы получим от Родриго.

— Точно, — кивнул Куэрк.

— Как? Когда?

— Ну, сначала сияпы должны попасть в Гуэрреру, — ответил Куэрк. — Потом Родриго обменяет их на доллары и привезет нам нашу долю.

— А если не привезет? — спросил Дортмундер.

— Послушай, я доверяю Родриго. Он все сделает, как надо.

— У меня такой уверенности нет, — покачал головой Дортмундер.

Куэрк вновь посмотрел на часы. Похоже, ему не терпелось приступить к работе.

— Я с ним свяжусь. Мы договоримся о гарантиях. Я смогу приехать в город в субботу. Мы встретимся и все обсудим. Может, у тебя?

— В три часа, — ответил Дортмундер, которому не хотелось угощать всех ленчем.

— К тому времени мы все утрясем. Послушайте, мне пора садиться на мой грузчик. Не хочу, чтобы меня уволили перед самым отпуском.

Куэрк попрощался и поспешил к разгрузочной платформе. Дортмундер и Келп развернулись и направились обратно к воротам. По пути к шоссе Келп озвучил дельную мысль: «Может, доллары должны появиться здесь до того, как сияпы отправятся туда».

— Я об этом думал, — ответил Дортмундер. — А может, одному из нас придется поехать туда.

— В Гуэрреру? — изумился Келп. — Ты хочешь там побывать?

— Нет, — ответил Дортмундер. — Я же сказал, «одному из нас».

— Давай подождем до субботы. Послушаем Куэрка. — Они повернули к перекрестку. — Я заглянул в «Семь лиг».

— И что?

— Ее зовут Джанет Туилли. Властная женщина, и у нее фингал под глазом.

— Да? — теперь удивился Дортмундер. — Куэрк вроде бы не из таких.

— Нет, не из таких. Думаю, нам надо разобраться, а нет ли еще и мистера Туилли.

13

Смена Роджера Туилли, монтера «Дэрби телефон-и-электроникс», каждый день заканчивалась в четыре пополудни, за час до того, как Джанет закрывала свое туристическое бюро, что его вполне устраивало. У него был целый час, чтобы послушать записи за день.

Энергичного, сухопарого, с выдубленным солнцем и ветром лицом Туилли коллеги по работе полагали своим парнем, который предпочитал молчать, а не говорить. А вот если бы он озвучил свои мысли, чего делать не собирался, то мнение о нем изменилось бы кардинально, потому что Туилли их всех презирал и никому не доверял. Собственно, Туилли презирал всех, кого знал, и не доверял никому из своих знакомых. Да и во всем мире, по его убеждению, не было людей, достойных доверия. Все они заслуживали исключительно презрения. Отсюда и взялись пленки.

Будучи монтером телефонной компании, зачастую работая в одиночестве и испытывая страсть ко всяким электронным устройствам, которые так хорошо совмещались с телефонными линиями, Туилли установил «жучки» на телефонах тех людей, разговоры которых хотел прослушать. Прежде всего, на телефонах матери, Джанет и полдюжины родственников и друзей, проживавших в Сикаморе и окрестностях. «Жучки» активировались голосом, пленки находились в его «кабинете» в подвале, и Джанет знала, что лучше туда не соваться. Если, конечно, не хотела нарваться на неприятности.

Каждый день, скинув темно-синий комбинезон «Дэрби телефон» и открыв банку пива, Туилли спускался вниз и слушал, что говорили эти люди. Он знал, что некоторые плетут против него сети заговора, мать, скажем, и Джанет, но пока еще не мог их поймать. Однако не сомневался, что это всего лишь вопрос времени. Рано или поздно они собственным ртом подпишут себе приговор.

Такое поведение Туилли, несомненно, объяснялось многими причинами. Одна состояла в том, что его отец ушел из семьи, когда мальчику только-только исполнилось шесть лет. Этого предательства он так и не смог пережить. Вторая состояла в том, что мать после ухода отца, лет десять или более того, постоянно меняла мужчин. Стоит упомянуть чуть ли не первую любовь, Рене, которая публично унизила его в седьмом классе. Так или иначе, но Туилли был говнюком.

И теперь этот говнюк уже тридцать пять минут сидел за столом и слушал дневные разговоры. Начал он, понятное дело, с Джанет. Сегодня ее разговоры были сугубо деловыми: она говорила с клиентами, заказывала авиабилеты, отели. Никто не просил позвать Френка, чтобы услышать в ответ: «Не туда попали». Туилли, разумеется, сразу понял, что этого Френка не случайно позвали к телефону. Звонок был условным сигналом.

Этот отрывок записи он прокрутил множество раз: «Могу я поговорить с Френком», «Могу я поговорить с Френком», «Могу я поговорить с Френком»... и узнал бы голос, если б его обладатель позвонил бы снова, независимо от слов.

На другой пленке его мать и ее подруга Элен, как обычно, перезванивались целый день. Обменивались рецептами, рассказывали, кто какую увидел птичку, зачитывали забавные газетные заметки, советовали переключиться на тот или иной телевизионный канал. Как обычно, Туилли всю эту галиматью прокручивал, задерживаясь на сплетнях, вроде «...она сказала, что, по ее мнению, Эммалайн выглядит беременной...» Если бы он слушал все подряд, то на это ушел бы не один час. И какую же скуку навела на него женская болтовня!

На других пленках тоже не нашлось ничего интересного. Туилли прокрутил их назад, приготовив к завтрашней записи, и поднялся наверх. Сел на диван в гостиной, открыл ящик комода, стоящего рядом, и увидел, что колода карт Таро сдвинута. Он всегда клал ее между подставкой для стакана и блокнотом аккуратным рядком, а теперь их кто-то сдвинул, колоду чуть больше, чем подставку и блокнот.

Он оглядел комнату. Джанет их сдвинуть не могла. Она не посмела бы открыть его ящик. Кто-то побывал в доме?

Он поднялся, прошелся по дому и не заметил ничего подозрительного. Все стояло на своих местах. Туилли решил, что случайно задел комод.

Он разложил карты на кофейном столике, торопливее, чем обычно, потому что хотел убрать их до прихода Джанет. Он не стеснялся того, что ежедневно консультировался с картами, в собственном доме он мог делать все, что вздумается, но почему-то не хотелось, чтобы Джанет видела, как он тасует и раскладывает карты.

Ничего особенного карты ему не рассказали. Какие-то незнакомцы появились на горизонте, но они появлялись постоянно. Жизнь, согласно картам Таро, была в норме.

Он сложил карты, аккуратно убрал колоду в ящик комода, а когда, через четверть часа, Джанет вернулась с работы, лежал на диване и смотрел выпуск новостей. Солнцезащитные очки она сняла, как только вошла в дом, чтобы осрамить его. Он искоса глянул на жену и решил, что по прошествии четырех или пяти дней от его удара такого следа остаться не должно. Наверное, она ткнула себе в глаз пальцем, чтобы у него разыгралась совесть.

— Как прошел день? — спросил он.

— Я поймала рыбу. — Она так давно говорила с ним монотонным голосом, что он принимал это за норму. — Сейчас займусь обедом. — Джанет прошла на кухню.

Новостной выпуск сменился рекламным роликом какого-то средства от изжоги, а Туилли сказал себе: «Она что-то замышляет против меня». А знал он это по одной простой причине: она перестала ему в чем-либо возражать. Больше не злилась на него, отказалась от попыток подмять его под свой каблук.

Давным-давно, когда они только что поженились, она пыталась изменить все к лучшему, и он был ее самым главным проектом. Не единственным, она пыталась командовать всем и везде, но самым главным. Она вышла за него замуж, и они оба это знали, потому что он нуждался в улучшении, а потом верила, что со временем, когда он станет лучше, она обретет с ним счастье.

Но нет. Никому не дано помыкать Роджером Туилли. Роджер не из тех, кто позволяет помыкать собой, он всегда готов ответить ударом на удар.

Но больше она ничего от него не хотела, практически ничего, лишь изредка вдруг начинала давить, как несколько дней тому назад. Вот почему он знал, она что-то задумала. Что-то задумала.

«Могу я поговорить с Френком?»

14

Куэрк не собирался оставаться в городе на ночь, а потому не стал брать минивэн Клода, а поехал на своей развалюхе «хонде», которая стоила не больше кирпича. Однако он знал, что доедет на ней до Нью-Йорка, вернется обратно, да и потом она ему еще послужит, сколько потребуется.

Три часа. Припарковав свой автомобиль, он пешком направился к дому Дортмундера и нажал бы на кнопку звонка, если бы Келп его не опередил. Он стоял перед дверью, вытаскивая из кармана бумажник.

— Что скажешь, Кирби? — спросил он, доставая из бумажника кредитную карту. Затем сунул карточку в зазор между дверью и косяком, сдвинул ее вниз, словно срезая верхний слой с мягкого сыра, и дверь распахнулась с легким щелчком. — Заходим, — и первым переступил порог.

— А почему ты не позвонил? — спросил Куэрк, последовав за ним.

— А чего его беспокоить? Мы и так вошли без проблем. Опять же, практика.

Куэрк не порадовался, но и не удивился, когда Келп тем же манером открыл и дверь квартиры, тихонько вошел в коридор, а уж там крикнул во весь голос:

— Привет! Есть кто-нибудь? — И обернувшись к Куэрку, пояснил: — Мэй не нравится, когда я вот так проникаю в квартиру.

— Я ее понимаю, — ответил Куэрк, и тут из гостиной появился Дортмундер, с программкой бегов в одной руке и красным карандашом в другой.

— Черт поberi, Энди! — воскликнул он. — Владелец дома потратил кучу денег на звонки.

— На что только не тратят люди деньги, — пожал плечами Келп.

Куэрк, войдя в квартиру следом за Келпом, закрыл за собой дверь.

Дортмундер покачал головой, признавая, что Келпа не исправишь, и вернулся в гостиную.

— Мэй дома? — спросил Келп, двинувшись за ним.

— Пошла на дневной сеанс, — Дортмундер посмотрел на Куэрка. — Любит смотреть кино, поэтому, если у меня дела, идет в соседний кинотеатр.

— А ты любишь кино?

Дортмундер пожал плечами.

— Иногда смотрю. Садитесь.

Куэрк устроился на диване, Дортмундер и Келп — в креслах.

— Раз уж мы собрались, Кирби, развея наши сомнения, — предложил Келп.

— Попытаюсь. — Куэрк прекрасно понимал, что ступил на тонкий лед, но надеялся не провалиться в воду. — Может, сначала я расскажу вам о еще одном участнике нашей операции?

— О Родриго? — полюбопытствовал Келп.

— Нет, о турагенте.

— Да, да, — покивал Келп. — Ты говорил о турагенте, который повезет сияпы на юг.

— Это женщина, — поправил его Куэрк. — Джанет Туилли, так ее зовут. Ей принадлежит туристическое агентство в Сикаморе.

— Ага. — Келп многозначительно улынулся. — У нас там что-то происходит, Кирби?

— Нет, нет, — торопливо ответил Куэрк, потому что не хотел, чтобы они так думали. — У нас чисто деловые отношения. Мы разделим нашу долю, так же, как и вы.

— Половину половины, — уточнил Келп.

— Совершенно верно.

— Ты ей доверяешь? — подал голос Дортмундер.

— Абсолютно, — без запинки ответил Куэрк.

— Между вами ничего нет, отношения сугубо деловые, ты ей полностью доверяешь, — уточнил Дортмундер.

Куэрк ответил, тщательно подбирая слова.

— По правде говоря, я думаю, что семейная жизнь у нее не сложилась. Похоже, ей нужны деньги, чтобы уехать из Сикамора.

— Но не с тобой, — ввернул Келп.

— Нет, не с бывшим заключенным. — Тут Куэрк решил еще больше принизить себя, дабы его слова показались более убедительными. — Она просто хочет меня использовать, чтобы заработать деньги и получить возможность бросить мужа.

Дортмундер пожал плечами.

— Понятно. Значит, она повезет сияпы Родриго. И ты уверен, что она вернется с долларами. Но у нас остается тот же вопрос. Почему мы должны ей доверять?

— Мы это обсуждали, — ответил Куэрк. — Джанет и я. И нашли только один приемлемый вариант. Кто-то из вас должен поехать с ней.

Келп посмотрел на Дортмундера.

— Я тебе так и говорил.

— Значит так. — Разговор пошел в нужном направлении, и Куэрк заспешил, выкладывая заготовленный вариант. — Она готовит тур, пятнадцать или двадцать человек, которые хотят поехать в эту южно-американскую страну. Сначала — самолет. Потом — автобус. Коробки с багажами она положит в общий контейнер, где будут вещи остальных туристов. Еще одного человека сможет взять бесплатно, если едет целая группа, авиакомпания и принимающая сторона идут навстречу, но вы должны сказать мне, кто полетит, чтобы она знала, на кого заказывать билет.

Дортмундер и Келп переглянулись. Келп вздохнул.

— Я знал, что к этому мы и придем.

— Не такая уж и плохая поездка, — успокоил его Куэрк. — Несколько дней отдыха, и ты вернешься.

— Может она сделать два билета? — спросил Келп.

— Ты хочешь сказать, что вы поедете вдвоем?

— Нет, — покачал головой Келп. — Я говорю о моей подруге. Я могу полететь и один, но будет проще, если она составит мне компанию.

— Конечно, — ответил Куэрк, зная, что никакого тура не будет, поэтому не имело значения, сколько он пообещает бесплатных билетов. — Только мне нужны ее имя и фамилия. Напиши их на чем-нибудь.

Дортмундер поднялся.

— На кухне есть блокнот. Кто-нибудь хочет пива?

Пива захотели все. Дортмундер ушел, а Келп повернулся к Куэрку.

— Ее зовут Мэри-Энн Капринау. Твоя приятельница... Джанет?.. Они друг другу понравятся.

— Я в этом не сомневаюсь, — ответил Куэрк, а потом, потому что нервничал, повторил: — Не такая уж и плохая поездка. Несколько дней отдыха, и все дела. Ты хорошо проведешь время.

— Я на это рассчитываю.

Дортмундер вернулся с блокнотом и тремя закрытыми банками пива.

— Вот. Открывайте сами.

Келп взял блокнот и записывал имя и фамилию своей подруги, пока остальные двое открывали банки.

— Вот. — Он протянул Куэрку вырванный из блокнота листок.

— Благодарю. — Куэрк сложил листок, убрал в карман и поднял открытую банку. — Какой у тебя был тост? За преступление.

Келп ослепительно улыбнулся.

— За преступление, совершаемое с друзьями.

— Именно так, — поддержали его Дортмундер и Куэрк.

15

Среда. Перед тем, как закрыть туристическое бюро «Семь лиг», Джанет выписала два авиабилета на Мэри-Энн Капринау и Эндрю Октавиана Келпа, из аэропорта имени Кеннеди до Сан-Кристобаля, столицы Гуэррары, с пересадкой в Майами и промежуточной посадкой в Тегусигальпе, столице Гондураса. До Майами им пред-

стояло лететь рейсом «Дельты», далее чартером компании «Интерэйр». Она убрала билеты в сумочку, которую носила на плече, надела солнцезащитные очки, вышла из бюро, заперла входную дверь, долго смотрела в окно-витрину, потом села в машину и поехала домой.

Примерно в тот самый момент, когда Джанет открывала дверь своего ненавистного дома, Келп открывал водительскую дверцу еще одного автомобиля «О'Молли», арендованного по еще одной короткоживущей кредитной карточке. Дортмундер бросил свой чемоданчик на заднее сиденье и уселся рядом с Келпом.

Кирби Куэрк, уже отпускник, как и остальные сотрудники типографии «Сикамор крик», провел вторую половину дня на рыбалке, вместе с двумя друзьями, которые тоже работали в типографии, довольно далеко от города, ниже по течению реки. Именно на рыбалке он более года тому назад и познакомился с Джанет, которая выглядела ослепительно в рыбацкой шляпе и резиновых сапогах до бедра. Необычно высокая вода только способствовала клеву. Сразу после открытия шлюзов, в прошлую субботу, поднятые со дна сильным течением ил и песок замутили воду, но за пару дней муть осела, и к среде речка вновь стала такой же прозрачной и чистой, как и всегда. Так что Куэрк отлично провел время, ловя и отпуская рыбу. Временами даже переставал нервничать по поводу грядущей ночи.

Роджер Туилли при любой возможности смотрел новости, с презрительной ухмылкой на лице. Он презирал новостные программы и не доверял тем, кто готовил их и выпускал в эфир, а смотрел, главным образом, для того, чтобы уличить их во лжи. Он знал, что очень часто принимал ложь за правду, но иногда подлавливал их, мог со стопроцентной уверенностью утверждать, что с экрана телевизора нагло лгут, с тем, чтобы держать глупцов в узде. Что ж, Роджер Туилли не был глупцом, они не могли его провести, что бы ни говорили в своем новостном выпуске, который ежедневно выходил в эфир в половине седьмого вечера.

Тем временем Джанет, которой полагалось в это время быть на кухне и готовить обед, на самом деле находилась в спальне и собирала маленький чемодан. Туалетные принадлежности, косметика, одежда на неделю. Она оставила гораздо больше, чем взяла, и, тем не менее, набила чемодан до отказа, да еще он оказался на удивление тяжелым. Из спальни она вынесла чемодан на кухню, потом вышла из дома через черный ход и обогнула угол. Там, на полоске асфальта, коротал ночи ее автомобиль. Она положила чемодан в багажник, где уже лежали рыболовные снасти, а потом вернулась на кухню и начала готовить ужин, вновь, как случалось каждый вечер, задаваясь вопросом, а чего ей просто не отравить эту крысу. Но каждый вечер она одинаково отвечала на этот вопрос: сухой выйти из воды не удастся. Избитая жена и отравленный муж — эту головоломку сможет разгадать даже коп в округе Дэрби.

Воспользовавшись той же кредитной карточкой, по которой арендовал автомобиль, в котором теперь, согнувшись в три погибели, сидел Дортмундер, стонал и вопрошал: «Почему я?», Келп снял два соседних номера в мотеле «Таконик лейкс», расположенном в двадцати милях к северу от Сикамора.

Куэрк пообедал с кузенем Клодом, его супругой и двумя детьми, потом поднялся в «свою» комнату, чтобы собрать чемодан. Поскольку по жизни он выходил из тюрьмы только для того, чтобы вновь в нее попасть, вещей у него набралось немного. Все необходимое уместилось в чемодане, а о том, что осталось, он жалеть не собирался. Чемодан он поставил рядом с кроватью, у дальней от двери стороны, и спустился вниз, чтобы посмотреть телевизор вместе с семьей.

Дортмундер и Келп, отдохнув в мотеле, поехали в Сикамор и пообедали в итальянском ресторане около регулируемого перекрестка, к которому с двух сторон подступал лес, высаженный вокруг типографии. Обед оказался очень даже неплохим, а

кредитная карточка позволила расплатиться за него. После обеда они прошли пешком и убедились, что лес достаточно густой и света не пропускает. Автомобили мимо проезжали, но не в большом количестве, а ближе к вечеру выяснилось, что другой ресторан, «Сикамор-хауз», где они съели ленч, о котором не хотелось и вспоминать, служит местом встречи местных забулдыг, где друг друга приветствовали вопросом: «Хочешь подраться?» Но, похоже, вопросом все и заканчивалось, залаками никто не махал, потому что никаких патрульных машин в городе они не заметили, ни около «Сикамор-хауз», ни где-то еще. Возможно, полиция наведывалась сюда только по уикендам.

Когда Джанет мыла волосы, а прodelывала она это трижды в неделю, в ванной она застревала на целую вечность. Ванная в доме была только одна, поэтому Роджер всякий раз выговаривал жене за то, что она проводит там слишком много времени, вынуждая его выходить из дома, чтобы справиться малую нужду на лужайке, но при этом не упускал возможности заглянуть в ее сумочку. Не сомневался, что рано или поздно она утратит бдительность, и он найдет что-нибудь компрометирующее.

И в эту ночь, спасибо богам, нашел! Его рука, в которой он держал два авиабилета, дрожала, но при этом у него защемило сердце, потому что, если уж говорить начистоту, ему не хотелось получить доказательства ее предательства. Но они нашлись, и теперь он держал их в руке. Разумеется, Мэри-Энн Капринау была она, хотела спрятаться за этими глупыми именем и фамилией. Но кем был Эндрю Октавиан Келп?

Кузен Клод и его ближние укладывались спать рано, и обычно Куэрк следовал их примеру: в тюрьме отучают от привычки вставать попозже. В тот вечер, как обычно, все разошлись по комнатам до одиннадцати часов, но Куэрк лечь не мог, даже если бы и хотел. Впрочем, такого желания у него, естественно, не возникло. Он лежал в темноте в «своей» комнате, положив руку на стоявший у кровати чемодан, смотрел в потолок и думал о плане, который разработал с Джанет, а теперь реализовывал, все более убеждаясь, что он хорош, ну, просто очень хорош. Они проходились по всем этапам Бог знает сколько раз в поисках проколов и слабых мест, находили их, исправляли. И теперь вылизали план, отполировали его, как речная вода полирует голыш, лежащий на дне.

Джанет всегда ложилась спать раньше Роджера, и к тому времени, когда он добирался до постели, действительно засыпала или притворялась, что спит. В этот вечер, не говоря ни слова, она поднялась и ушла в спальню, где стояли их отдельные кровати, едва начался одиннадцатичасовой выпуск новостей. Он остался на диване, но, едва услышал, как закрылась дверь спальни, тихонько поднялся, прошел на кухню, а через нее — в гараж. Ворота открывались приводом с электромотором, но привод сильно шумел, и, как только ворота поднимались, на три минуты включался яркий электрический свет. Поэтому в этот вечер Роджер просто открыл дверцу автомобиля и при свете лампочки под крышей нашел красно-белый шнур, дернув за который, мог отсоединить привод от ворот. Шнур этот предназначался для того, чтобы хозяин гаража мог открыть его в случае чрезвычайных обстоятельств, к примеру, при отключении электроэнергии. Дернув за шнур, Роджер вручную поднял ворота, сунулся в кабину, поставил ручку переключения скоростей в нейтральное положение и вытолкнул автомобиль из гаража. Поскольку от гаража до улицы был небольшой наклон, автомобиль медленно покатился вниз. По тихой улочке в столь поздний час никто не ездил, так что столкновения Роджер мог не опасаться. Он шед рядом с автомобилем, рулил через опущенное боковое стекло и припарковал автомобиль на противоположной стороне улицы, не у дома напротив, а у соседнего с ним. В уличной темноте, под кронами деревьев, один автомобиль практически не

отличался от другого. И Джанет, конечно же, не смогла бы понять, что автомобиль Роджера почему-то стоит не в гараже, как положено, а на улице. Роджер вернулся к дому, вошел в гараж, тихонько опустил ворота. Решил, что привод сможет подсоединить утром.

Когда красные цифры электрических часов на столике у кровати Куэрка высветили 11:45, он поднялся, быстро и бесшумно оделся, на цыпочках вышел из дома. В этот вечер он оставил «хонду» в квартале от дома кузена. Добрался до автомобиля, положил чемодан на пассажирское сиденье и уехал.

Джанет, лежащая на левом боку, осторожно открывая правый глаз, всякий раз видела столик между кроватями и темный силуэт Роджера, укрытого легким покрывалом, на соседней кровати. Дожидаясь полуночи, она не боялась случайно заснуть, твердо зная, что уж в эту-то ночь не позволит сну сморить ее, но удивлялась, почему время ползло так медленно. Однако, в очередной раз открыв правый глаз, она увидела, что на часах 11:58, и решила, что две минуты погоды не сделают. Очень осторожно, лишь чуть-чуть зашуршав покрывалом, она пододвинулась к самому краю и встала с кровати. Наклонилась, чтобы поднять с пола туфли, а потом на цыпочках вышла из спальни.

Роджер, как только услышал шевеление на кровати Джанет, напрягся, как натянутая тетива лука. Не позволил себе открыть глаза, боялся, что от них отразится свет, и Джанет поймет, что он не спит. Продолжал ровно дышать, пока в спальне не воцарилась тишина, и только потом поднял голову. Да, Джанет ушла, оставив дверь открытой, потому что закрывалась дверь, лишь когда она ложилась, а он продолжал смотреть телевизор.

Джанет повернула налево, к кухне, вышла через черный ход, обогнула угол, открыла дверцу, села за руль. Пожалела о том, что приходится заводить двигатель так близко от дома, но от спальни ее отделял и гараж, и сам дом, так что Роджер мог ничего и не услышать. Да и в любом случае, возвращаться она не собиралась.

Как только Джанет покинула спальню, Роджер сел, вставил ноги в мокасины, тихонько пересек дом, держа курс на входную дверь, перебежал улицу, присел на корточки у дальней стороны своей машины. Услышал, как Джанет завела двигатель, увидел, как включила фары, а потом ее автомобиль выкатился на дорогу и повернул к городу, на что он и надеялся. Потому что в этом случае ему не пришлось разворачиваться. Он подождал, пока она проедет квартал, прыгнул за руль, повернул ключ зажигания и, не зажигая ни фар, ни подфарников, устремился в погоню.

Часы на приборном щитке показывали 12:20, когда Куэрк заехал на стоянку у «Сикамор-хауз». В центре Сикамора ночная парковка не разрешалась, но около «Сикамор-хауз» на ночь всегда оставалось несколько автомобилей: друзья их владельцев приходили к выводу, что тем за руль садиться не стоит (слишком много выпито), и развозили по домам, так что «хонда» Куэрка внимания не привлекла. Он вылез из кабины и пошел по абсолютно пустынной улице к регулируемому перекрестку, там перешел на другую сторону и зашагал по частной дороге к въезду в типографию «Сикамор крик». Без труда отомкнул замок на воротах, а потом временно закрыл их. Пересек двор, открыл дверь на склад со сломанной охранной сигнализацией, по темной пустынной типографии прошел в административное крыло, где ему потребовалось лишь несколько мгновений, чтобы отключить сигнализацию, работающую от аккумуляторов. Тем же путем вернулся на улицу.

Джанет полагала, что в столь поздний час ее автомобиль будет на шоссе единственным, но на полпути к Сикамору заметила в зеркале заднего обзора фары другого автомобиля. Еще одна ночная сова, подумала она, надеясь, что за рулем не сидит пьяный лихач, который попытается ее обогнать. Дороги-то были узкие и извилистые.

Но, к счастью, второй автомобиль держался на почтительном расстоянии. Она въехала в город, свернула на стоянку у «Сикамор-хауз», сразу узнала «хонду» Куэрка и остановилась рядом.

Роджер держался достаточно далеко, сожалея, что ему пришлось включить фары, но другого выхода у него не было, если он не хотел столкнуться с лосем. Их поголовье значительно возросло после того, как в этих краях истребили всех хищников, за исключением, разумеется, охотников. Он преследовал идущий впереди автомобиль до самого города, а увидев тормозные огни, сначала решил, что Джанет останавливается на светофоре, но нет, она резко свернула налево, на автомобильную стоянку у «Сикамор-хауз». Роджеру оставалось только выругаться. Такого он никак не ожидал. Что делать? Проезжать мимо? Останавливаться? Но Роджер не сомневался, остановись он прямо сейчас, на обочине, обязательно появится какой-нибудь чертов коп, будет долго его воспитывать, потом выпишет квитанцию для уплаты штрафа. А Джанет за это время уедет Бог знает куда. В Гуэрреру, вот куда.

Он проехал мимо, уставившись на стоянку у «Сикамор-хауз», но она уже погасила фары и подфарники, так что увидеть ничего не удалось. К перекрестку он подъехал на красный свет, остановился, хотя других автомобилей не было. На другой стороне улицы находился итальянский ресторан «У Луиджи», и Роджер знал, что там есть маленькая стоянка, окруженная высаженным лесом. Он мог оставить там свой автомобиль и сразу вернуться к «Сикамор-хауз». Когда же этот чертов светофор... Ага! Наконец-то!

Он миновал перекресток, свернул на маленькую пустынную стоянку и остановился, уткнувшись передним бампером в сосновые ветки. Выключил двигатель, фары, подфарники, темноту ночи теперь разгонял только уличный фонарь за его спиной, и в свете этого фонаря, в зеркало заднего обзора, Роджер увидел, как с пола у заднего сиденья поднялся призрак! Превратившись от страха в извояние, он наблюдал, как призрак улыбнулся ему широкой улыбкой и показал большущий пистолет и пару сверкающих наручников. «Разве карты Таро не предупредили тебя, что в этот вечер из дома лучше не выходить?» — спросил призрак.

16

Когда Куэрк вернулся на стоянку у «Сикамор-хауз», «крайслер сиррус» Джанет уже стоял рядом с его «хондой». Размером побольше, более комфортабельный автомобиль, пусть и не очень новый. Она, должно быть, увидела его в зеркало заднего обзора, потому что выскочила из кабины, и свет лампочки под крышей вырвал из темноты широченную улыбку Джанет. Впрочем, и синяк под левым глазом тоже. Потом дверца захлопнулась, лампочка погасла, и Джанет оказалась в его объятиях.

Обнимались они долго, он чувствовал, как дрожит ее тело, освобождаясь от долгих недель напряжения. Месяцев. Но теперь все трудности остались позади. Можно больше не отмечаться в полиции, его срок закончился, и он стал свободным мужчиной. Она вырвалась из ненавистного дома и стала свободной женщиной. С этого самого момента у них начиналась новая жизнь.

Наконец Куэрк отпустил ее и прошептал:

— Все идет хорошо. Еще три-четыре часа, и мы отправимся в путь.

— Я знаю, ты это сделаешь, — прошептала она в ответ, потом потрясла пальцем перед его носом. — Только смотри, чтобы у них не возникло никаких мыслей.

— Не возникнет.

Куэрк достал свой чемодан из «хонды», перенес в «крайслер», еще раз поцеловал Джанет, сел за руль «хонды», выехал со стоянки, миновал перекресток, не обращая внимания на красный свет, остановился рядом с автозаправкой «Хесс», напротив ресторана «У Луиджи». Тут же Дортмундер выступил из телефонной будки, пересек тротуар и скользнул на переднее сиденье рядом с Куэрком.

Тот огляделся.

— А где Келп?

— Возникла пара проблем, — ответил Дортмундер, — с нами никак не связанных. Он все уладит и догонит нас.

Куэрку это определенно не понравилось, особенно ему не понравилось, что один из партнеров будет неизвестно где, когда они пойдут на дело.

— В типографии нам без Келпа не обойтись.

— Он подойдет, — пообещал Дортмундер. — Будет нас ждать к тому моменту, когда мы вернемся с грузовиком.

Куэрк никак не мог повлиять на такое развитие событий, разве что отменил бы операцию, поэтому он неохотно кивнул.

— Надеюсь, все пройдет гладко.

— А по-другому и быть не может. Поехали.

Объединенная пожарно-спасательная команда округа Дэрби занимала кирпичное здание, которое стояло особняком, вдали от городков и поселков. В эту организацию входили семь добровольных пожарных команд и две добровольные команды «Скорой помощи». Недостаток добровольцев и политические интриги привели к тому, что использовать какое-либо из существовавших строений оказалось совершенно невозможно. Кто-то из местных землевладельцев пожертвовал участок земли, расположенный в географическом центре округа, где и построили это кирпичное здание, которое использовалось лишь для благотворительных обедов, посвященных сбору средств на содержание техники, да в том случае, если у кого-то из добровольцев-пожарных начинал пикать бипер.

Куэрк припарковал «хонду» за зданием, где она никому не могла попасться на глаза, воспользовался дубликатом ключа кузена Клода, чтобы открыть ворота правого гаража. Поднял их, вошел и выехал на грузовике, выкрашенном в красный цвет, как пожарная машина, с высокими металлическими боковыми бортами-ящичками, в которых находилось различное спасательное оборудование, с крышей, но без заднего борта. В кузове стоял большой дизель-генератор. Он подождал, пока Дортмундер опустит ворота и заберется в кабину.

— Отличная машина, — прокомментировал Дортмундер.

— Что нужно, она сделает, — ответил Куэрк.

Он почувствовал безмерное облегчение, увидев Келпа, стоящего под щитом с надписью «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН». Келп помахал рукой, Дортмундер помахал в ответ, и Куэрк покатил к воротам.

— Они не заперты, — сообщил он Дортмундеру, который вылез, чтобы открыть ворота, пропустить грузовик, вместе с Келпом войти на территорию типографии и закрыть их за собой.

Медленно проезжая мимо здания типографии, к нужному ему окну, Куэрк наблюдал в зеркало заднего вида, как Дортмундер и Келп, под слабеньким светом лунного серпа, неспешно идут бок о бок и разговаривают. Должно быть, Келп рассказывал Дортмундеру, как он разрешил возникшие проблемы, какими бы они ни были.

Куэрк задался вопросом, а следует ли ему спросить у Келпа, что это за проблемы? Нет, решил он, не следует. Дортмундер сказал, что они не имели никакого от-

ношения к ночной работе, которая им предстояла, так чего совать нос в чужие дела? Главное заключалось в том, что в нужный момент Келп оказался в нужном месте. Лишняя болтовня только мешает.

17

Дортмундер скучал. Ему не оставалось ничего другого, как признать, что он скучает.

Обычно, когда речь идет об ограблении, у тебя возникает идея, потом ты составляешь, улущшаешь, совершенствуешь план, наконец, сильно напрягаешься, проникая туда, где лежит что-то, нужное тебе, хватаешь это что-то и удираешь с ним.

Но не в этот раз. В этот раз двери открыты, сигнализация отключена, и вокруг — ни одной души. Поэтому ты простоходишь вальсяжной походкой. А потом тебе не нужно ничего хватать, да и удирать нет никакой нужды.

Вместо этого ты разматываешь тяжеленный кабель с катушки, которая стоит на грузовике с генератором, передаешь конец в окно, открытое Куэрком, а потом тащишь его в темноте по бетонному полу, пока кабель не подсоединяется к нужной машине и к пульта управления. Пульт управления управляет также и несколькими лампами, они зажигаются, и ты, наконец, видишь, что делаешь.

Тем временем Куэрк собирает все необходимое для работы. Ему требуются три разные краски, два больших рулона специальной бумаги, которые он привозит на своем погрузчике. Ему требуются особые бумагорезальные ножницы, сверкающие лезвия которых выглядят очень уж грозно. Ножницы эти он вставляет в соответствующее гнездо на боковой поверхности машины, оставшись при этом со всеми пальцами. В должный момент ножницы будут опускаться и разрезать отпечатанные листы на отдельные купюры.

Коробки для упаковки сияп уже приготовлены, но еще не сложены, и их требуется засунуть в широкую щель в заднем торце машины. Коробки запечатываются металлической лентой, которую надо закрепить на бобины, расположенные в машине, а потом намотать, словно пленку в кинопроекторе. И для этого действительно нужны три человека, потому что одному потребовалось бы гораздо больше времени, даже если бы он и смог в одиночку установить большущий бумажный рулон в исходное положение, но, скорее всего, ему бы это не удалось.

Но и после того, как все готово, три человека просто необходимы. Потому что это машина, которую должны обслуживать трое. Человек номер один (Куэрк) встал за пульт управления, следя за приборами, показывающими, как течет краска, с какой скоростью движется бумага, как наполняются коробки. Номеру два (Келпу) досталась самая сложная работа — бегать вокруг машины, выполняя команды Куэрка, регулировать системы подачи, особо следя за тем, как поступает в нее бумага: малейший перекося грозил заземлением и остановкой машины.

А номер три, Дортмундер, был на подхвате. Подносил банки с краской, когда требовалось, а требовалось редко. Оттаскивал тяжелые ящики, которые скатывались по желобу в задней части машины, но, поскольку за три часа работы ящиков скатилось только пять, много времени на это не ушло. Еще он ходил смотреть, как работает генератор на грузовике, а работал генератор отлично. Еще он заглядывал в нутро машины, смотрел, правильно ли стоит ящик, в который укладывались деньги, а ящик всегда стоял правильно. Еще он следил за тем, чтобы ножницы ровно разрезали листы, и вот тут ему дважды пришлось кричать Куэрку, чтобы тот времен-

но остановил машину, и регулировать положение ножниц. И еще на него возлагалась обязанность предупредить остальных о появлении посторонних. Но, если бы кто-то и появился, они бы уже ничего не могли с этим поделать.

В общем, он попал на вялотекущее ограбление и скучал. Потому что ограбление это более всего напоминало обычную работу.

Начали они в десять минут второго, а в самом начале пятого бумага закончилась, и Куэрк начал выключать отдельные агрегаты машины. Наконец, пятый ящик соскользнул по желобу, и Дортмундер перетащил его на бетонный пол, к остальным четверем. В каждом ящике, очень тяжелом, лежало по тысяче купюр, каждая достоинством в двадцать миллионов сиап. В пересчете на доллары, каждый ящик стоил тысяч. Но в Гуэррере.

Дортмундер выпрямился.

— Дело сделано, — выдохнул он. — Наконец-то.

— Не совсем, — поправил его Куэрк. — Помните, этих денег не существует. Поэтому мы должны всё привести в порядок, разложить по местам, словно к этой машине никто и не подходил.

Да, никакое это не ограбление, просто работа.

18

Нервозность Куэрка, как только он въехал на территорию типографии в грузовике с генератором, перешла в некое подобие паралича. Его органы чувств словно перестали функционировать. Он ничего не ощущал, только проделывал все то, что многократно прокручивал в голове, всю последовательность операций, реализовывал на практике фантазию, которая у него в голове всякий раз распрекрасно заканчивалась для них с Джанет. Потому что, когда пришло время сделать все наяву, в реальном мире, ему казалось, что все уже давно сделано, и теперь он лишь вспоминает, как это было.

А работа, между прочим, двигалась даже быстрее, чем в фантазии, плавно, без сучка и задоринки, катилась к завершению. И с этими двумя парнями, которых он пригласил в помощники, не возникало ни малейших проблем, а ведь это было одно из самых опасных звеньев всей операции. Он не мог все сделать в одиночку, и не мог использовать местных, потому что никто из них не умел держать язык за зубами. Любители, дилетанты. Ему же требовались профессионалы, а он подрастерял все связи.

Тем не менее, если он хотел сорвать куш, ему не оставалось ничего другого, как найти подходящих людей и уговорить их составить ему компанию. И ему повезло. Дортмундер и Келп были настоящими профессионалами, и при этом на удивление доверчивыми. Он мог рассчитывать на то, что они все сделают как надо и при этом никому не скажут ни слова, но он также видел, что они не замечают, как их обводят вокруг пальца.

На уборку ушло еще полчаса. Перед тем, как погасить свет и отсоединить кабель, они на погрузчике отвезли ящики с сиапами к грузовику и поставили в кузов, по соседству с генератором. Потом отсоединили и смотали кабель и уехали с территории типографии, остановившись только у ворот, чтобы запереть их на замок.

Улицы Сикамора по-прежнему прятались в темноте. По-прежнему ни одного автомобиля не пронеслось ни в одном, ни в другом направлении. Дортмундер и Келп ехали в кабине грузовика, рядом с Куэрком, благо места на широком сиденье хватало. Он остановил грузовик у «Семи лиг». «Я только открою дверь», — и прыгнул на мостовую.

Согласно легенде, которую он им рассказал, в Гуэрреру отправлялась группа евангелистов, дабы обращать в свою веру тамошних жителей, и Джанет собиралась указать в декларации, что в ящиках — молитвенники и псалтыри. И этой ночью их следует оставить в «Семи лигах», чтобы завтра утром она снабдила их необходимыми бирками и наклейками, после чего ящики забрал бы грузовик, загруженный вещами евангелистов, и отвез бы в аэропорт Кеннеди.

Как только они вытащили ящики из кузова, перенесли в «Семь лиг» и снова заперли дверь, Куэрк спросил:

— Вас подвезти к вашему автомобилю?

— Не надо, — ответил Келп. — Мы оставили его там, — и махнул рукой на север.

— Да и тебе нужно побыстрее вернуть грузовик в гараж, — добавил Дортмундер.

— Это точно.

Следует ли пожать им руки? Куэрк чувствовал, что да. Они же работали вместе, в одной команде. И он протянул руку Келпу:

— Приятно было с тобой поработать.

Келп ответил ослепительной улыбкой и крепко пожал руку Куэрку.

— Чертовски рад, что наши пути пересеклись.

Рука Дортмундера была более костистой и не столь сильной, как у Келпа.

— Мы еще увидимся, — сказал ему Куэрк.

— Конечно, — кивнул Дортмундер.

— Вы знаете, как меня найти.

— Будь уверен.

Что ж, прощание прошло дружески.

— Мне лучше поставить грузовик в гараж до рассвета.

— Конечно, — ответили они и помахали ему, когда он залезал в кабину.

Куэрк развернулся на грузовике и вновь взял курс на регулируемый перекресток, тогда как Келп и Дортмундер зашагали на север и почти мгновенно растворились в темноте, поскольку уличные фонари были только в центре города.

Направляясь к регулируемому перекрестку, проезжая мимо стоянки у «Сикамор-хауз», Куэрк с огромным трудом подавил желание нажать на клаксон. Но Джанет и так увидела его, а автомобильный гудок глубокой ночью мог привлечь внимание. Как минимум, внимание Дортмундера и Келпа. Поэтому он поехал дальше, и перекресток встретил его зеленым светом. За его спиной Джанет в «крайслере» видела, как грузовик дважды проехал мимо стоянки, то есть теперь она знала, что работа сделана, и ему не терпелось вернуться к ней.

По пути к гаражу Куэрк все время улыбался. В гараж грузовик загнал задом, как, собственно, он там и стоял. Последний раз сел в «хонду» и поехал в Сикамор. Теперь он не просто улыбался, но и напевал себе под нос, даже посвистывал от удовольствия. Справа от него небо начало светлеть: рассвет приближался.

Сикамор. Вновь регулируемый перекресток порадовал его зеленым светом. Миновал его, Куэрк свернул на стоянку у «Сикамор-хауз» и поставил «хонду» рядом с «крайслером». Выключил освещение, двигатель, вылез на асфальт, оставив ключи в зажигании, повернулся к «крайслеру», в надежде, что Джанет заведет двигатель или выйдет к нему. Поскольку она не сделала ни первого, ни второго, он наклонился к окошку и обнаружил, что кабина пуста.

Как? Почему? Они же договорились встретиться здесь после завершения работы! Что случилось? Где же она?

Может, ей срочно понадобилось пойти в туалет? А может, стало нехорошо после долгого, почти четырехчасового ожидания в машине, и она решила посидеть в турбюро? Ее пребывание за рулем «крайслера» служило одной цели: если что-то пойдет не

так, у него появится возможность быстро сменить автомобиль и замести следы. А дважды увидев грузовик, она поняла, что ничего непредвиденного не произошло.

Так что, она наверняка в «Семи лигах». Куэрк покинул автостоянку и зашагал по улице, на ходу доставая из кармана ключ от турбюро. Подойдя, обнаружил, что внутри не горит свет. Странно.

Отпер дверь, открыл, вошел, закрыл дверь за собой, нашарил рукой выключатель, зажег свет и обмер, не веря своим глазам.

— Сюрприз, — буркнул Дортмундер.

19

Между обедом и работой в типографии Дортмундер и Келп обнаружили много такого, что их не только заинтересовало, но и удивило. Прежде всего, им захотелось узнать, какая роль в ночных приключениях отведена Джанет, если отведена, поэтому они подъехали к дому Туилли около одиннадцати и увидели, что в окнах еще горит свет. На прошлой неделе они тоже посетили этот дом, узнали о Роджере Туилли многое, сплошь неприятное. Если Джанет Туилли хотела начать новую жизнь с Кирби Куэрком, они ничего не имели против, особенно после того, как выяснили, что Роджер за человек, но не могли одобрить ее намерение оплачивать эту новую жизнь принадлежащими им сиапами.

Они припарковались в квартале от дома Туилли, обсуждая свои дальнейшие действия: следует ли Келпу отвезти Дортмундера в город, чтобы тот приглядывал за типографией, тогда как Келп останется и будет приглядывать за домом Туилли, когда Роджер решил все их проблемы. Сначала они увидели, как поднимаются ворота гаража.

— Свет не зажегся, — констатировал Дортмундер.

— Я знал, что он этого так не оставит, — вставил Келп.

Потом автомобиль выкатился из гаража, очень медленно, с выключенными двигателем и освещением. Более того, Роджер рысцой выбежал следом. И кто же рулил?

— Он знает, что-то готовится, — догадался Келп.

— Но он не знает, что именно, — уточнил Дортмундер.

— Он собирается последовать за ней.

— А мы последуем за ним.

— У меня есть идея получше. Чемодан в багажнике?

— В багажнике? Да.

В подобные поездки они всегда брали с собой тот чемодан. Маленький по размерам, но со всем необходимым. Инструменты, которые могли вдруг понадобиться, различные удостоверения личности, разное оружие и одна пара наручников.

— А что тебе нужно? — спросил Дортмундер.

— Наручники. Я поеду за передним сиденьем автомобиля этого сверхлюбопытного муженька, разберусь с ним, если возникнут проблемы, а если она не заметит «хвост», доберусь в его автомобиле до города. Ты же оставь нашу машину где-нибудь в городе и скажи Кирби, что я встречаюсь с вами уже в типографии.

Так они и поступили, а чуть позже Дортмундер на собственном опыте выяснил, что для ног водителя места в их машине еще меньше, чем для ног пассажира. Он поставил машину на стоянке у «Сикамор-хауз», но из кабины вылезать не стал. Увидел, как подъехал Куэрк, вылез из «хонды», зашагал к типографии, чтобы подгото- вить все к своему приезду на грузовике с дизелем.

Чуть позже, когда Дортмундер уже собирался уходить, подъехала Джанет Туилли, двигатель и освещение выключила, но осталась в кабине. Чтобы не привлекать к себе внимания, Дортмундер выкрутил лампочку из фонаря под крышей, так что интерьер их компакт-модели не осветился, когда он вылез из машины, чтобы пересечь автостоянку и направиться к автозаправке «Хесс», где они договорились встретиться с Куэрком.

Одним телефонная будка около автозаправки точно порадовала Дортмундера: места для ног в ней хватало. Он привалился спиной к телефону, сложил руки на груди, наблюдая, как переключается светофор. Какое-то время спустя увидел Куэрка, который возвращался на автостоянку. Вскоре тот выехал оттуда на «хонде».

И после того, как они закончили работу в типографии, а Куэрк уехал на грузовике, чтобы поставить его в гараж, им осталось только забрать Джанет Туилли, которая несла вахту за рулем «крайслера», и, воспользовавшись ее ключом, войти в «Семь лиг». Муж Джанет оставался на прежнем месте. Связанный, лежал на полу собственного автомобиля на маленькой стоянке около ресторана «У Луиджи». Не имело никакого смысла переносить его куда-либо еще.

Так что, теперь они дожидались Куэрка. И он, наконец, появился.

20

Куэрк застыл, будто его огрели обухом по голове. Джанет, связанная, сидела за столом, с широко раскрытыми глазами, дрожа всем телом. Даже синяк, и тот побледнел. Келп, все с той же ослепительной улыбкой на лице, сидел рядом, на стуле, предназначенном для клиентов. А Дортмундер стоял неподалеку от Куэрка. Не вплотную, но достаточно близко. Если бы Куэрк вдруг решил развернуться, открыть дверь и убежать, у него бы ничего не вышло.

Запинаясь, дрожа всем телом, Куэрк спросил:

— Что? Что случилось?

— Мы пришли, чтобы уладить возникшие недоразумения. — Когда Дортмундер произнес эти слова, Келп поднялся, подошел к пустующему столу, взял стоящий рядом с ним стул и поставил в центр комнаты, лицом к Джанет и своему стулу.

— Присядь, — предложил он.

— Энди, включи настольную лампу, — попросил Дортмундер, — а то эта слишком яркая.

В длинной комнате прибавилось сумрака, свет смягчился, но Куэрк не мог сказать, что стало уютнее. Во все глаза глядя на происходящее, он старался думать, но мысли никак не хотели выстраиваться в более-менее стройную цепочку. Что происходит? Что они собираются сделать? Он собрался с духом и спросил:

— Что не так, парни? Я думал, что все в порядке.

— Не совсем в порядке. — Дортмундер устроился на краешке стола Джанет.

— Давай, Кирби, присядь. — Келп указал на стул. — Мы тебе все расскажем.

Куэрку не оставалось ничего другого, как усесться на стул, который поставил для него Келп, и сложить трясущиеся руки на коленях. Он чувствовал на себе взгляд Джанет, но не мог заставить себя вскинуть на нее глаза. Вроде бы его стараниями жизнь ее должна была вернуться к лучшему. Но, если два нью-йоркских бандита привязывают тебя к стулу, а повороте к лучшему не может быть и речи.

— Дело в том, Кирби, — продолжил Келп, — что поначалу мы поверили в существование Родриго.

— На какое-то время ты нас провел, это точно, — согласился Дортмундер.

— Мы правильно предположили, что ты готов пойти на все это, потому что знаешь, как обменять сиапы на доллары. Вот почему мы поверили в существование Родриго. И верили, пока не услышали о Джанет. Вроде бы даже случайно.

— Да, как-то попало ее имя в разговор, — кивнул Дортмундер.

— И Гарри Мэтлок говорил нам, что ты — хороший исполнитель, но не организатор. Вот мы и задались вопросом, а кто, все-таки, руководит этой операцией? Поэтому, когда мы приехали сюда на прошлой неделе, я заглянул в турагентство, чтобы посмотреть на Джанет.

— Она... — Куэрку пришлось откашляться. — Она мне не сказала.

— Она не знала, — пояснил Келп. — Я изобразил клиента, которому хочется отправиться куда-нибудь в Южную Америку. Никак не мог определиться, куда именно, и мы беседовали примерно... — он дружелюбно посмотрел на Джанет, — ...минут пятнадцать. И самое забавное, она ни разу не упомянула о нашем туре в Гуэрреру. Собственно, не упомянула и саму Гуэрреру.

— Возможно, — Куэрк все пытался выкрутиться, хотя и знал, что бесполезно, — она уже полностью набрала группу.

— Вот тут следует упомянуть о той легкости, с которой мы получили два билета. Сначала она могла достать один, потом выяснилось, что и два, тебе даже не пришлось связываться с ней. Но я забегал вперед с нашей историей.

— Я думал, вы на нее клюнули, — тихо произнес Куэрк.

Улыбка Келпа стала еще шире.

— Да, я знаю. Далее, побывав здесь, я заметил фингал под глазом Джанет, и мне не показалось, что она из тех женщин...

— Нам обоим это не показалось, — вставил Дортмундер.

— Спасибо, — выдохнул Куэрк.

— В общем, мы обследовали ее дом и поняли, за какое чудо она вышла замуж.

— Поначалу он не казался таким плохим, — объяснил Куэрк.

— Возможно, — развивать тему Келп не стал. — Итак, у нас есть властная женщина... — брошенный на него злобный взгляд Джанет он проигнорировал, — ...с фингалом и плохой муж. Есть еще и ты, который любит, чтобы им командовали. Вот тут мы и решили, что никакого Родриго нет, потому что обменом денег будет заниматься эта Джанет из штата Нью-Йорк. Опять же, ее туристическое бюро больших денег не приносит, потому что второй стол пустует, то есть у нее нет помощника и партнера по бизнесу, и с «наплывом» клиентов она справляется в одиночку. Поэтому, возможно, только возможно, ваша идея состояла в том, чтобы уехать отсюда с сиапами на полмиллиона долларов. Вы бы могли добраться до Гуэрреры на автомобиле, скажем, через Мексику, найти там уютный домик, купить его и спокойно жить на эти сиапы. Могли положить их в несколько тамошних банков, а потом даже иногда приезжать сюда, в Штаты, и тратить, предварительно обратив в настоящие деньги. Разумеется, при таком раскладе для нас ничего не оставалось.

— Я сожалею.

Дортмундер кивнул.

— Ты, конечно, сожалеешь.

— Тебе требовались два помощника, — вновь заговорил Келп. — Ты не мог связываться с местными дилетантами, так что, тебе пришлось искать двух профессионалов, и ты вышел на нас.

— Я вас недооценил, — признал Куэрк.

— Не переживай из-за этого, — посоветовал ему Келп. — В этом мы специализируемся. Так что, ты собирался сделать нам ручкой, а завтра Мэри-Энн и я выглядели бы довольно-таки глупо в аэропорту Кеннеди, пытаясь улететь по фальшивым билетам.

— Я сожалею.

— Мы знаем, — кивнул Дортмундер, но в его голосе не слышалось сочувствия.

— Но вот что я тебе скажу, — продолжал Келп. — Ты должен радоваться, что все так вышло. Роджер, между прочим, догадался о том, что у вас есть какие-то тайные замыслы. Параноик иногда оказывается прав, и Роджер оказался прав. Этой ночью он преследовал Джанет, и, если бы не мы, Роджер основательно попортил бы вам жизнь.

Куэрк действительно боялся Роджера Туилли.

— Роджер? — переспросил он. — Где он?

— Лежит связанный в своем автомобиле, на стоянке ресторана «У Луиджи».

— За это ты у нас в долгу, — заметил Дортмундер.

— Он у нас в долгу за все, — поправил его Келп.

— Это точно, — кивнул Дортмундер.

Келп поднялся.

— Я пойду за нашей тачкой, а ты ему все объясни.

Из этой парочки Келп нравился Куэрку больше. Почему Дортмундер не мог пойти за автомобилем? Нет, Келп кивнул Куэрку и вышел из турбюро, а Дортмундер заговорил:

— Вот что мы собираемся сделать. Мы оставим тебе один ящик с сиапами, это сто тысяч долларов, с которыми вы поедете в Гуэрреру и начнете там новую жизнь. Через шесть месяцев ты приедешь в Нью-Йорк, чтобы купить у нас еще один ящик, за полцены. Пятьдесят тысяч за сто тысяч, но в сиапах. Ты сможешь купить все ящики или будешь покупать их по одному каждые шесть месяцев.

— Но где я возьму деньги? — спросил Куэрк.

— Тебе придется их украсть, — ответил Дортмундер. — Это то, что ты умеешь делать, помнишь? О перевоспитании придется забыть.

Куэрк нахмурился. Мысль о гуэррерской тюрьме оттеснила все остальные.

А Дортмундер продолжал:

— Если ты не появишься через шесть месяцев, четыре ящика отправятся к копам вместе с анонимным письмом, с упоминанием ваших фамилий, места, где вы прячетесь, подробным описанием плана, реализация которого привела к появлению этих ящиков, и номерами купюр, находящихся у вас. После этого вам придется туго.

— Это точно, — вздохнул Куэрк.

— Взгляни на все это вот с какой стороны, — предложил Дортмундер. — Ты нам лгал, воспользовался нашим доверием, но мы не собираемся поквитаться с тобой, причинить тебе вред. Потому что мы хотим получить только то, что принадлежит нам по праву. Так что, пройди свою половину пути, а мы пройдем свою. — Он посмотрел в окно. — А вот и эта гребаная компакт-модель. Надеюсь, мы сможем засунуть в нее ящики. Пойдем, Куэрк, поможешь нам.

— Хорошо. — Куэрк поднялся. — А что будем делать с Роджером?

— Ничего, — ответил Дортмундер. — Утром его найдет повар ресторана «У Луиджи», пусть он и решает, что делать с Роджером. Берись за ящик.

Вдвоем они выносили ящики по одному, а Келп торопливо укладывал их в машину. Им удалось засунуть три в багажник, а четвертый кое-как разместился на так называемом заднем сиденье. Сверху они положили свои вещи.

Когда погрузка закончилась, Куэрк, переминаясь с ноги на ногу, пробормотал:

— Я хочу поблагодарить вас, парни. Вы могли бы обойтись со мной куда круче.

— Напрасно думаешь, что легко отделался. — Дортмундер мотнул головой в сторону «Семи лиг». — Рано или поздно, тебе придется вынуть кляп и развязать веревки. □

Перевод с английского Виктора Вебера.

Уважаемые читатели!

Начата подписка на II полугодие 2006 года.

Оформить подписку на наш журнал вы можете:

1. В редакции.

1.1. С получением по почте.

Как оформить?

Шаг 1. Заполните **разборчиво** все поля прилагаемого купона и квитанции об оплате. В купоне укажите тот адрес, по которому вы хотите получать журнал. **Шаг 2.** Оплатите подписку в любом отделении Сбербанка. **Шаг 3.** Отправьте заполненный **купон-заявку и копию квитанции** о переводе денег по адресу: **127994, Москва, Бумажный проезд, д. 19, стр. 2, ООО «ИДЖ «Смена» (подписка)** или по факсу: **(495) 250-59-28**. Если мы получили заявку до 20-го числа текущего месяца и деньги поступили на расчетный счет Издательского дома журнала «Смена», подписка начнется со следующего месяца. Не забудьте, пожалуйста, указать в купоне разборчиво свою фамилию, инициалы, а также точный адрес с почтовым индексом.

Сколько стоит подписка в редакции?

Стоимость подписки на 1 номер «Смены» во втором полугодии 2006 г. — 62 руб. 70 коп. Стоимость подписки на 3 номера «Смены» во втором полугодии 2006 г. — 188 руб. 10 коп. Стоимость подписки на 6 номеров «Смены» во втором полугодии 2006 г. — 376 руб. 20 коп. **Цена подписки включает стоимость доставки** в пределах РФ. При оформлении подписки на 6 номеров второго полугодия 2006 г. **до 1 июня** предоставляется **скидка 5%**, т.е. стоимость подписки будет равна 357 руб. 39 коп.

Как получить журнал?

1. Журнал отправляется из Москвы заказной бандеролью. Почтальон принесет журнал вам домой. Если же дома никого не окажется, то вы получите в почтовый ящик уведомление о том, что вас ждет посылка. Затем вы сможете получить журнал на почте по уведомлению и паспорту. Такая система доставки **гарантирует получение**, так как **каждая бандероль пронумерована и застрахована**.

Кто может ответить на вопросы по оформлению подписки?

Вы всегда можете задать любой интересующий вас вопрос по телефону: (495) 257-31-37 (или (495) 612-15-07) с 10 до 18 по московскому времени. Факсу: (495) 250-59-28 E-mail: sales@smena-id.ru

ВНИМАНИЕ:

Редакционная подписка осуществляется только в пределах РФ. Редакция не несет ответственности, если подписка оформляется через другие фирмы. Деньги за принятую подписку не возвращаются!

1.2. Если вы **оплачиваете и получаете** журнал непосредственно в редакции, стоимость 1 экз. — 38.00 руб.

Квитанция и купон для оформления РЕДАКЦИОННОЙ ПОДПИСКИ

Я подписываюсь на 1 номер журнал «Смена» и плачу 62 руб. 70 коп.
на 3 номера журнала «Смена» и плачу 188 руб. 10 коп.
на 6 номеров журнала «Смена» и плачу 357 руб. 39 коп. **(подчеркнуть)**

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____

Дом _____ Корп. _____ Кв. _____ Код города _____ Телефон _____

Эл. адрес _____

Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Итого: 357 руб. 39 коп. (подчеркнуть)

Купон № 501018106-00000000119

Итого: 357 руб. 39 коп.

Ф.И.О. _____

Итого: 188 руб. 10 коп. (подчеркнуть)

Купон № 501018106-00000000119

Итого: 188 руб. 10 коп.

Ф.И.О. _____

Итого: 62 руб. 70 коп. (подчеркнуть)

Купон № 501018106-00000000119

Итого: 62 руб. 70 коп.

Ф.И.О. _____

Итого: 188 руб. 10 коп. (подчеркнуть)

Купон № 501018106-00000000119

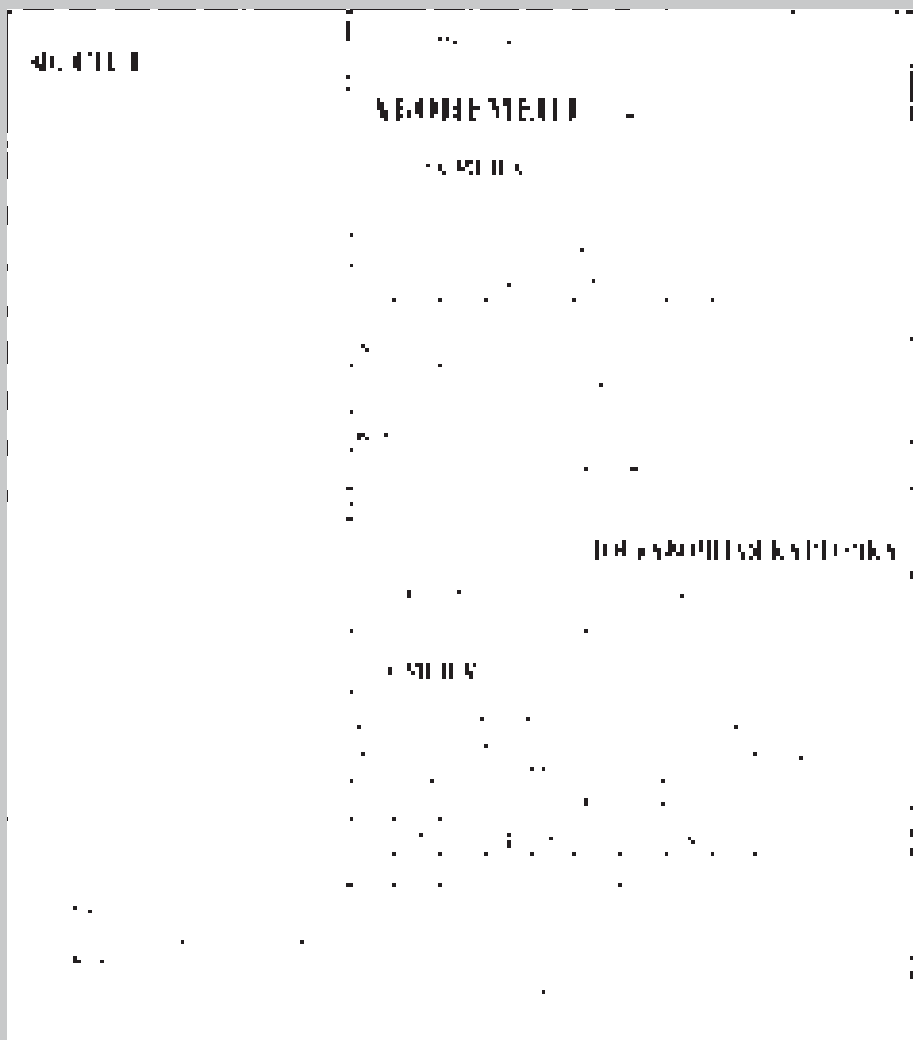
Итого: 188 руб. 10 коп.

2. В любом почтовом отделении

по каталогу Роспечати индекс 70820

по каталогу Объединенному индекс 88998

по каталогу Почта России индекс 99406

Информация об условиях оформления подписки через Сбербанк

Для оформления подписки в приведенном подписном купоне необходимо:

- Указать фамилию И.О., почтовый индекс и полный адрес, на который будет производиться отправка выписанных изданий, а также телефон (по желанию).
- Заполнить графы «Подписной индекс», «Период подписки» и «Сумма» в соответствии с указанной информацией. (Например: СМ 0634; 7—12 мес. 2006 г.; 424 руб. 20 коп.),
- Вырезать купон и оплатить его в любом филиале Сбербанка, в удобное для вас время.

Наименование комплекта	Периодичность выхода изданий	Подписной индекс	Подписные цены на 2-е полугодие 2006 г.		
			1 мес.	3 мес.	6 мес.
Журнал «СМЕНА»	1 раз в месяц	СМ 0634	70,70	212,10	424,20

Все суммы включают в себя НДС, стоимость услуг Сбербанка по перечислению денежных средств и услуг по доставке изданий заказными бандеролями по почте.

По вопросам подписки через Сбербанк и отправки изданий обращаться: тел.: **(495) 363-42-62**, Адрес: **125284, г. Москва-284, а/я 25, ООО «С-инфо», отдел подписки; e-mail: stimu19@si.ru**

Матьяна Смертина

Всё, что было предательским в мире,
Потемнело до черных глубин
И зависло, как туча в эфире,
И сплотилось вдруг в образ один:

Брови — хмурые, взгляды — опасны,
Лоб — землистый и голос лукав.
На экранах всех телеков ясно
Он предстал, передачи прервав...

И попадали в обморок тыщи,
И заплакали тысячи враз.
На других он уставил глазищи,
Те — с ума посходили смеясь.

Только дети и чистые девы
Равнодушно туманили взгляд,
Просто — слышали ветра напевы,
Просто — видели белый квадрат.

Опять гроза страшила души,
Кидались молнии в окно.
Небесный гром округу рушил,
И всё мелькало, как в кино:

Я на балу в туманной шляпе,
Как будто это и не я,
На юбке белые капли,
И брызжут кружовом края.

Вокруг снуют лакеи, люди.
И кто-то в черном — мил, не мил? —
Мне преподнес браслет на блюде
И алый лютик подарил.

А я уйду в дождливый вечер,
Одна, холодная, как лёд.
Чтоб в ближнем храме ставить свечи
И звать того, кто не придет.

Сорвижи, звёзды, звон ключа.
За лесом воют волки.
Я — на полатах. Снег плеча.
И свет от лампы долгий.

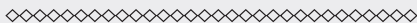
Скрестила ноги и сижу.
Мой ноутбук — цветами.
Сквозь мониторный шелк гляжу
И ворожу мирами.

Кот так и лезет в то окно,
Дуреют волки в сони,
И мыши возятся темно,
Одна — скользит в ладони.

Тулуп раскинут подо мной,
Дух валенок, овчины.
Глядит из мрака домовой
В компьютера глубины.

Звенят браслеты вдали и вблизи,
Глубины интернета
Взорвет мой хакерный каприз —
Иду чутьем Поэта.

Швыряю мысли, словно нож!
От игр биополями —
Всемирной Паутины дрожь
И той, за чугунами.

Жизнь для чего — постигнуть радость?
боль?

Боль превышает — значит,
в этом соль?

Так восприимчивы к нападкам тьмы,
Что в радость Бытия — не верим мы.
И что есть радость — свет? сирень?
вода?

Умрем, и тоже — эта благодать.

А птица счастья с кем была всегда?
Так может, птицам крылья обрубать?

Ответа жаждаем: грешить иль как?
Кто чист, а кто грешит в бесовский час.
Но даже в самом низменном из нас
Вопросы те — как белых молний знак.

Родились мы, явились в этот свет.
Явление — факт. А факт — уже не бред.
Как жить? Скончаемся — найдем ответ.
И избежавших тех ответов — нет.

* * *

Белый шиповник бутонами бел,
Красными каплями бредят шипы.
День лепестками навек отлетел —
Стали и мудрые в мраке слепы.

Тихо прозрачность скользит по плечу,
В поймах туманы ей вторят всю ночь.
Ангел проносит златую свечу
Мимо окна. Как печаль превозмочь?

Выйду босая, ломая росу.
В ёлках готический облик Луны.
Свитки стихов, но куда понесу?
Ветер и тот — бесконечность стены.

К ней прислонюсь, электронов волна...
Сруб избяной, паутина кольца.
С белой сорочки стекает луна,
Пряди стекают — не видно лица.

* * *

В материальной вашей стыни
Биоволной купав плесну,
Царевной-лебедью с картины
Слегка ресницами качну.

Напрасно скажете: «Виденье!» —
В овальном зеркале явлюсь,
Рассыплю вербы в воскресенье
И вазой с полки разобьюсь.
Качнусь лозиной, вспыхну высю,
Родена линией скользну,

Или бесшумно темной рысью
Пред вами по ковру пройду.

Так не бывает и бывает.
Закрыв глаза — дано прозреть.
Нежизнь и жизнь —
два близких края.
Познать — важнее, чем владеть.

Кто в квантов мир войдет
без крика?

Тот, кто сумеет мрак отсечь,
Кто в трезвости блажен великой,
Чьи мысли острые, как меч.

Смотрите, в наш врубилась день
— Русалкой! — Врубеля сирень:
Рубиновую гроздь беру!
Прощайте.
Точка.
Ru.

* * *

Еду лесом, конь буланный
Так и пляшет подо мной.
Ткут осенние туманы
Белый полог над травой.

Здесь доверчивые нравы,
Здесь и я так хороша —
Встречный путник —
самый braveй! —
Вскрикнул, словно от ножа.

Что же мне? Ресницы-копья
Опустила и молчу.
Круто дернула поводья
И в глухой туман скачу...

Конь буланный очень жарок,
Вихри юбок на ветрах,
Мой венец из ягод ярок —
Всё исчезло в сосняках!

Бедный путник, не забудешь
Звонкий окрик и сквозняк!
Бедный путник, затоскуешь,
Зря пошел через сосняк...

АЛИМЕНТЩИК

Быть отцом — это прекрасно. Особенно если дети у тебя красивые, умные, талантливые, да еще и «королевская» пара — мальчик и девочка. Вот только счастье отцовства иногда разрушается одной прозаической вещью — разводом с мамой своих замечательных детей. И приводит это иногда к совершенно неожиданным последствиям...

Виктор Седых (фамилия изменена) получил ту самую повестку в суд в августе 2002 года. К тому моменту свою бывшую супругу он не видел уже больше полутора лет. Расстались они, что называется, интеллигентно: ни скандалов, ни упреков, и даже детей договорились воспитывать «по очереди», то есть половину всех выходных и праздников сын с дочкой должны были проводить у отца, половину — у матери.

Бывшая жена, Марина, считала себя женщиной современной, широких взглядов. Она сама подала с Виктором на развод, когда поняла, что семейная жизнь, как говорится, себя исчерпала. Тем более на горизонте уже появился новый претендент на ее руку и сердце, некто Михаил, преуспевающий бизнесмен.

Но человек предполагает, а Бог располагает. Действительность оказалась совершенно иной, чем виделось в мечтах. Во-первых, Михаил, который сначала строил планы счастливой семейной жизни, вдруг сообщил, что совершенно к этому не готов и хочет пока «просто пообщаться, чтобы лучше узнать друг друга». Во-вторых, Виктор, по самолюбию которого развод ударил довольно сильно, неожиданно и резко отказался выполнять взятые на себя обязательства. А в-третьих, алименты, на которые серьезно рассчитывала Марина, выразились в такой ничтожной сумме, что впору было запаниковать.

И Марина действительно запаниковала.

На самом деле произошло вот что. Михаил вовсе не собирался на ней жениться, более того, он был давно и счастливо женат, о чем женщина даже не подозревала. Просто одно дело — говорить о любви и браке с замужней любовницей, рисовать ей картины светлого будущего и наслаждаться мечтами, а совсем другое — вдруг узнать, что любовница развелась и ищет нового мужа и нового отца своим детям... Поэтому «дядя Миша» в кратчайшие сроки просто исчез, клятвенно пообещав позвонить «через неделю».

У Виктора сложилась другая ситуация. Мучаясь бессонницей после развода и пытаясь понять, почему его вдруг подло бросили, он забрел глубокой ночью на интернетовский сайт знакомств и сразу же познакомился там с девушкой. Она — также разведена, но детьми не обременена, да и лет ей оказалось аж на десять меньше, чем предательнице Марине. Роман закрутился так стремительно, что Виктор забыл не только о бывшей жене, но и о своих обязательствах насчет половины выходных и праздников. Ему было просто не до детей, да и новая знакомая не выражала особого энтузиазма при мысли, что на прогулках их будут сопровождать восьмилетний мальчик и десятилетняя девочка. Поэтому звонки Виктора в бывшую семью сначала сделались редкими, а потом и вовсе прекратились.

Марина, которая о девушке ничего не знала, сделала попытку вернуть мужа, когда поняла, что с Михаилом ничего не выйдет. Она позвонила ему домой, но приятный женский голос ответил, что Виктора нет, ушел в магазин, будет попозже. «А это кто?» — в полном недоумении пробормотала Марина. «Жена», — спокойно отозвался голос. «Как — жена?! Всего три месяца прошло...», — Марина уже спохватилась и поняла, что выставляет себя в глупом и смешном виде, но слово — не воробей. «Ну, вот так... — сказала девушка. — А что такого?»

Телефонная собеседница не лукавила, она действительно уже три дня являлась законной женой Виктора. Марина повесила трубку: говорить было больше не о чем.

Ну, а алименты... Наверное, вся загвоздка оказалась именно в них. Если предательство любовника и даже молниеносный брак бывшего мужа Марина еще могла как-то перенести, то при виде жалкой суммы, ежемесячно приходящей по почте, ее начинало просто трясти. Она не могла поверить, что официальная зарплата Виктора так мала, ведь до развода их семья считалась состоятельной. Виктор, насколько она знала, был совладельцем фирмы по продаже компьютеров и мог позволить себе отдых за границей, дорогую иномарку, хорошие рестораны, в общем, деньги считать не привык. Но оказалось, что числился он в этой фирме всего лишь бухгалтером и получал по ведомости 600 долларов в месяц... Из этих 600 долларов он и переводил бывшей жене алименты.

Сама же Марина высокими доходами похвастаться не могла. Она работала менеджером по рекламе в компании хоть и солидной, но не слишком раскрученной, зарплату получала среднюю, и никакой прибавки ей не светило. Поэтому, подумав еще пару месяцев, она решила поговорить с бывшим мужем. В конце концов, это же его дети, и он обязан им помогать!

Виктор пришел на условленную встречу в кафе, как всегда, без опозданий, и Марина сразу заметила, как он изменился. Немного поправился, сменил гардероб и выглядел сытым, довольным и даже счастливым. На бывшую жену смотрел равнодушными глазами человека, у которого все в порядке с личной жизнью, и искренне не понимал ее претензий.

— Послушай, ты сама подавала на развод. Я был тебе не нужен. Чего ты сейчас хочешь? Естественно, у тебя теперь мало денег, но ты ведь не могла не понимать, что после развода я тебя содержать не буду.

Марина, которая собиралась выдерживать спокойный интеллигентный тон, против своей воли начала заводится:

— Но это твои дети! Ты обязан им помогать!

Виктор удивился:

— Но я помогаю детям. Двести долларов в месяц — неплохая сумма.

— Этого мало, и ты это знаешь!

— А как же другие семьи? Некоторые на двести долларов вчетвером живут, и ничего.

— Не сравнивай! — Марина зло стукнула ладонью по столу. — Ты можешь давать больше, а отделяешься копейками!

Виктор пожал плечами:

— Я считаю, что двести долларов — вполне достаточно для того, чтобы прокормить двоих детей. С меня двести, с тебя двести — получается четыреста.

— Какие четыреста? — Марина опешила.

Виктор стал загибать пальцы:

— Ну, смотри. Как отец я должен нести половину расходов на детей. Ты — как мать — вторую половину. У нас же равные обязанности по содержанию детей. Если им понадобятся какие-то вещи, одежда, например, я дам половину стоимости, и ты купишь все, что надо. Тебе останется только показать мне чек.

— Чек?!!! — Марина вскочила из-за стола. — Ах ты, сволочь!

— Почему? — удивился Виктор. — По-моему, у меня правильный подход. Права у нас с тобой равные, обязанности — тоже. Расходы на детей — пополам. Или ты думала, что я буду содержать их полностью? Хорошо, я согласен, но только в том случае, если дети переедут ко мне. Не хочешь? Тогда извини. А что касается чека, то это я тоже считаю правоммерным. Имею же я право знать, на что ты будешь тратить деньги, которые я дам?

— Ладно, — его бывшая жена вдруг успокоилась. — Контролировать меня хочешь? Ну-ну. Смотри, как бы тебе самому это не аукнулось.

На том разговор и кончился.

Прошел месяц. От Марины не было никаких вестей. Виктор и его новая жена Настя делали в квартире ремонт, планировали отпуск, по выходным гуляли за городом, завели собаку, в общем, жили спокойно и счастливо. Фирма процветала, появились новые зарубежные партнеры, и Виктор с чистой совестью увеличил размер алиментов до 250 долларов, так как теперь — официально — его зарплата возросла. Однако Марина поняла это неправильно: решила, что бывший муж «дал слабину».

Она позвонила, когда Настя была дома одна.

— Ну что, наш папочка вспомнил о своих отцовских чувствах? — Голос в трубке звучал холодно.

— Это не мое дело. — Настя хотела нажать отбой, но ее перебили:

— Правильно сделал. Я думаю, если он немного поднатужится и станет присылать еще на двести долларов больше, с моей стороны претензий не будет.

— Это не мое дело, — повторила Настя.

— Почему же? Как раз твое, — усмехнулся голос. — Ведь это на тебя уходят деньги моих детей. Насколько я знаю, ты не работаешь, сидишь дома, детей у тебя нет, и мой муж тебя полностью содержит.

— Во-первых, не «тебя», а «вас», — поправила Настя. — А во-вторых, меня содержит не ваш муж, а мой. А в-третьих, это не ваше дело.

— Передай ему то, что я сказала. — Марина усмехнулась. — На двести долларов больше, и никаких претензий от меня не будет.

Вечером расстроенная Настя рассказала мужу о разговоре, который на весь день выбил ее из колеи. Виктор махнул рукой:

— Не обращай внимания. Завтра я поставлю АОН, и если от нее будут еще звонки, просто не бери трубку. Она очень хочет денег, но будет так, как я сказал, и не иначе.

Через неделю в фирме Виктора началась внезапная аудиторская проверка. Еще через несколько дней к ним нагрянул налоговый инспектор. Ни то, ни другое результатов не дало, так как финансовые документы компании были в полном порядке. Тогда неизвестно зачем к ним пришли представители районной СЭС и накопили массу нарушений. Следом явился пожарный и обнаружил неисправность в электро-

проводке. Кончилось тем, что офис фирмы пришлось закрыть на неделю — дляustrания.

— Измором берет, — ворчал Виктор, рассказывая Насте о своих проблемах. — Таковую бы энергию, да в мирных целях...

— Да ладно, дай ты ей денег, — убеждала Настя. — Она же по-другому не отстанет! Ты видишь, что делается? Она тебе работать спокойно не даст.

Подумав, Виктор увеличил размер алиментов до 300 долларов и на том решил остановиться. Сумма и так приличная, рассуждал он, дети ни в чем не нуждаются, а если будет что-то нужно, он и сам может купить им необходимое.

Однако Марина и не думала останавливаться на достигнутом. Триста долларов, конечно, лучше, чем двести пятьдесят, но ведь получает бывший муж тысячи! Неужели он не может давать детям больше?

Примерно через неделю после окончания всех проверок Виктору позвонила мать Марины, то есть — бабушка детей. Почти плача, она рассказала, что сын опасно болен, у него опухоль лимфатических узлов, требуется дорогостоящее лечение. Виктор сорвался с работы, поехал в больницу, чтобы лично узнать результаты анализов, и ему сообщили, что у мальчика банальная свинка.

Еще через несколько дней позвонила дочь и пожаловалась, что дома нечего есть, так как все деньги ушли на лечение брата. Виктор назначил ей встречу и привез большую сумку продуктов из супермаркета. В ответ на расспросы простодушная девочка «раскололась», что позвонить ей велела мама. Кроме того, она рассказала, что мама что-то «выясняет» и даже кого-то наняла для этого.

Как-то незаметно, но очень быстро новая семья Виктора оказалась буквально на осадном положении. Марина больше не звонила, но зато фирма подвергалась постоянным проверкам, бывшая теща периодически жаловалась на безденежье и болезни детей, директору компании стали поступать жалобы на Виктора как на сотрудника, якобы от клиентов, потом его вызвали в школу и сообщили, что его дети плохо учатся, поскольку дома у них нездоровая атмосфера, семья живет очень бедно и еле сводит концы с концами.

— Она психопатка... — Дома, за ужином, Виктор разводил руками. — Чего она хочет? Я и так много даю...

Настя в точности повторяла его жест — разводила руками:

— Денег она хочет, Вита...

Виктор попытался поговорить с бывшей женой, но та отказалась подойти к телефону. Теперь разговоры в ее планы не входили: она влезла в долги и наняла частного детектива для того, чтобы тот вывел «должника» на чистую воду. Наверное, если бы ее прямо спросили, чего именно она хочет, женщина не смогла бы вразумительно ответить. Денег? Не только. И не в деньгах было дело. Скорее, ей хотелось как-то отомстить бывшему супругу за то, что он смог легко забыть все прожитые вместе годы, быстро заменить ее молоденькой девушкой, за то, что он отказался жить по ее правилам... да Бог знает, за что еще. И мы не узнаем этого никогда, поскольку Марины уже нет в живых.

Но не будем забегать вперед.

Повестка в суд пришла заказным письмом с уведомлением о вручении, и в тот же день Виктору позвонил адвокат Марины. Он передал ее требования: либо размер алиментов увеличивается до восьмисот долларов в месяц, либо на заседании суда обнарудутся документы, подтверждающие, что Виктор на самом деле не бухгалтер, а совладелец компании. Кроме того, будут представлены финансовые ведомости, из которых следует, что реальная его зарплата намного выше официальной, со-

ответственно, размер алиментов будет пересмотрен, а также будет взыскана задолженность за все прошлые месяцы...

— Хорошо, — спокойно ответил Виктор. — Я подумаю.

На следующее утро Марина выехала на собственной машине из дома и, как обычно, отправилась на работу. Больше живой ее никто не видел, потому что на сороковом километре МКАД ее «школа» не смогла затормозить, выехала на встречную полосу и столкнулась с бензовозом. Женщина погибла на месте.

Когда, по настоянию родственников Марины, расследованием дела занялась районная прокуратура, никаких улик против Виктора найдено не было. В момент гибели бывшей жены он находился на работе и как раз завтракал в офисе с коллегами и начальником. Вечер накануне он провел с женой и ее друзьями, потом отправился домой. Возле гаража бывшей жены, где стояла машина, ни его, ни Настю, ни их общих знакомых никто не видел.

Адвокат Марины удивленно пожал плечами и сообщил, что о существовании частного детектива знал только с ее слов и никак доказать это не может. Материалов, найденных этим мифическим детективом, он не видел, и вообще в его задачи входил только звонок Виктору, призванный убедить должника раскошелиться.

Версии происшедшего были такие:

1. Марина действительно наняла частного детектива, и тот обнаружил документы, компрометирующие Виктора. Шантаж с помощью адвоката не удался. Виктор нашел способ испортить тормоза машины, принадлежащей бывшей жене, и Марина погибла.

2. Никакого детектива не было, Марина просто решила погугать бывшего супруга, но тот принял все за чистую монету и, испугавшись суда, убил ее.

3. Детектив был, но Виктору удалось после смерти Марины разыскать его и выкупить документы.

4. Виктор не убивал Марину, произошло обычное ДТП.

Следствие склонялось к версии номер 2, но доказать ничего так и не удалось. Либо это было так называемое «идеальное преступление» (то есть преступление без улики и свидетелей), либо Виктор действительно никого не убивал. Так или иначе, размер алиментов остался без изменений, дети переехали к бабушке (таково их собственное желание), а Настя в скором времени родила собственного отпрыска.

Только вот ведет она себя странно: перед тем, как выехать на своей симпатичной «тойоте» из гаража, обязательно заползает под машину и тщательно проверяет тормозную систему. Кто знает, перестраховывается, наверное... □

Анатолий Пимонов

ПОБЕДИВШИЙ

СМЕРТЬ

Каждый человек рано или поздно начинает задавать себе вопросы, на которые найти ответы почти невозможно. Кто и для чего нас создал? В чём смысл жизни? Существует ли что-нибудь за гранью нашего обычного восприятия? Есть ли прошлые жизни? Куда уходит человек после земного существования?

Вовсе не секрет, что наше сегодняшнее состояние крайне невротично и беспорядочно. На протяжении последних десятилетий количество клиник для душевнобольных увеличивалось. От бешеного ритма жизни в огромных мегаполисах, от постоянного страха потерять всё, что копилось годами, человек впал в депрессию. И многих уже не радует денежная работа, семейное благополучие, карьерный рост и перспективы на будущее. Всё это когда-нибудь будет перечёркнуто той самой чертой, за которой, по мнению большинства людей, лежит чёрное небытие. И многие обращаются к различным эзотерическим и философским трудам, с надеждой изучают труды восточных мистиков, ищут смысл жизни в индийских и китайских практиках. Сегодня существует огромное количество литературы различных тематик, начиная от дыхательных гимнастик и всевозможных йог, до описания жизни инопланетян, нас

якобы создавших и непрерывно курирующих человеческий быт. И первенство в определении смысла жизни человека и посмертного его существования, безусловно, принадлежит восточным мистикам и их философским школам.

А между тем некоторые наши современники, не принадлежащие ни к каким восточным кланам, не исповедующие вообще никакие религии, руководствуясь современными знаниями о природе и Вселенной, добились потрясающих результатов. И уже ответили себе на самые главные вопросы жизни. Не теоретически, а практически...

Роберт Аллан Монро — человек-легенда, основавший в 1973 году Институт прикладных наук (Институт Монро) в

Эфтоне, штат Виргиния. В лабораториях Института Монро тысячи людей изучают феномен внетелесного существования. Сам директор и основатель Института много лет практиковал внетелесные путешествия, отделение сознания от человеческого тела, систематизировал накопленный опыт. Роберт Монро является автором трёх бестселлеров, завоевавших внимание во всех уголках мира. «Путешествия вне тела», «Далёкие путешествия», «Окончательные путешествия» — теперь эти книги можно прочитать и в нашей стране.

Он родился в семье профессора колледжа и доктора медицины. Изучал технику и журналистику, занимался радиовещанием, был сценаристом, режиссёром и продюсером более 400 радио- и телепрограмм. Еще писал музыку, пробовал себя в коммерческой деятельности в качестве владельца сети радиостан-

ций Северной Калифорнии и Виргинии, руководил созданием кабельного телевидения. Роберт Монро — более чем обеспеченный человек, и уличить его в желании заработать деньги не представляется возможным. Более того, опубликование книг на мистическую тему поставило предпринимателя в щекотливое, если не сказать — трудное положение! В мире бизнеса не терпят чудачков и философов, с ними просто не хотят иметь дела... Но Роберт Монро не отступил, потеряв много душевных сил и материальных средств, он позволил себе заниматься тем, что ему было всегда интересно. И не ошибся!

Всё началось весной 1958 года. Будучи уже далеко не юношей, Роберт испытал во сне полное осознанное сновидение. Он отчётливо понимал, что спит, но какая-то часть его существа во сне произво-

дила действия, ощущала эмоции, трогала предметы и рассуждала совершенно здраво. Проснувшись, он отчётливо помнил всё, что с ним происходило. Это состояние во сне стало повторяться регулярно. Разумеется, как современный человек Роберт не мог понять случившегося и подумал, что просто болел. Обращаться к психотерапевтам было опасно, мог пострадать бизнес. В церкви его посчитали еретиком. От семьи всё приходилось тщательно скрывать. Роберт решил не противиться навалившемуся заболеванию, тем более что оно не влияло на повседневную жизнь. Он просто стал вести дневник. Постепенно любопытство и желание понять происходящее вывели Роберта на тропу исследования. Внетелесные переживания (ВТП), именно так их назвал Монро, повторялись с завидной регулярностью. Появилась возможность отработать сам выход, проана-

лизировать ощущения при отделении от физического тела, упорядочить всё это со временем суток, лунным календарём и психофизическим состоянием. Наконец, Роберт решил расширить пределы обитания своего второго тела. Попробовал более удаляться от собственной кровати, разработал теорию безопасного возвращения, наметил маршруты и пути своих путешествий. Тут и начались встречи с различными сущностями, обитающими в нашем мире и в мирах не похожих и загадочных. В беседах с новыми друзьями Роберт узнавал структуру невидимого мира, перенимал приёмы овладения сознанием для более качественного существования в новых пространствах. Он понял силу мысли и вред многих земных привычек. Дневник приобрел внушительный вид, статистический материал копился, навыки оттачивались.

Узнав слоистую структуру нашего мира, Роберт побывал в местах, где правят эмоции, религиозный фанатизм, насилие и вражда, любовь и согласие. По его мнению, никаких ада и рая не существует, просто человек в течение жизни испытывает эмоции, которые сам в себе возвращает, и после смерти попадает в ту зону, где эти эмоции наиболее плотно сосредоточены. Подобное притягивает подобное. Каждый сам строит свой ад и рай. И только сам человек решает, родиться ему вновь или нет, в каком месте и у каких родителей, в какое время и на какой срок. Умершие сущности живут сообществами, согласно своим вкусам и пристрастиям. Наиболее духовные люди, в течение жизни культивирующие осознание себя и окружающего мира, имеют свободную силу и направляются в неизведанные зоны и пространства, вибрации которых не воспринимаются обычным человеком.

Роберт Монро не успокоился на этом. Как настоящий исследователь, временно рискуя не вернуться в собственное тело, он расширял зоны своих посещений. Он хотел увидеть свою настоящую Родину.

На «спиритической» фотографии У. Мамлера — Мэри Тодд Линкольн. Она явилась на съемку инкогнито, и когда сам фотограф на снимке узнал покойного президента, призналась: «Да... я его вдова».

Это удалось, но Монро был разочарован. Да, он попал в свой родной мир, и мир был бесспорно прекрасным, но настолько однообразным и маленьким, что из него, через многие повторения фрагментов существования, захотелось сбежать. Монро плакал, чувствуя себя вечным скитальцем Вселенной. К этому времени он уже не сомневался в потустороннем существовании, специально для себя, накопив множество неопровержимых доказательств. Чужие мнения его перестали интересовать. История со своей Родиной надолго травмировала психи-

ку Роберта. Он думал, что это будет конечным и всё объясняющим пунктом путешествий, но оказалось, что существование огромно и непостижимо. Ему нет конца и начала, оно не подчиняется времени и играет пространствами, как мячиками.

В своих дальнейших путешествиях Монро встречает многих существ из параллельных миров, нечеловеческих и необъяснимых, но желающих помочь отважному исследователю. Перед Робертом разворачивается потрясающая панорама вневременной Вселенной. Его возможности и опыт растут, он начинает понимать своё предназначение на планете Земля. Понимает, что его «я» — всего лишь маленькая часть огромного непространственного и вневременного живого организма. Роберту объясняют, кто и зачем создал человечество. И здесь он снова испытывает жестокое разочарование. Оказывается, человеческий мир — одна из цепочек пищевого обмена. Поедая материальную массу растительной и животной пищи, люди производят Эмоции,

являющиеся питательной средой для более развитых «Садовников». Неужели это всё?! Монро не может смириться с этим фактом. Он продолжает исследования...

Всё труднее называть это исследованием. «Исследование» — человеческий термин, подразумевающий логический аппарат обыкновенного разума. Но опыты Роберта выходят за рамки человеческого. Из последних сил он пытается в своих дневниках обосновать всё с точки зрения нашей логики. Он учится пребывать во всевозможных зонах, внедряться в тела существ, проживающих в разных пространствах и временах. Ему открывается будущее и прошлое человечества. Наконец, он «собирает» себя по частям, принадлежащим другим мирам, в единое целое и понимает, что единственно сдерживающим фактором развития человека является «Система представлений». Огромное количество людей замыкаются в своей «Системе представлений» и уже никогда не возвращаются в другие миры, даже во сне. Они навсегда

падают в пищевую цепочку Вселенной, и их развитие этим и ограничивается.

В 1973 году появляется Институт Роберта Монро. С помощью различных методов, разработанных самим Робертом и его последователями, людям помогают испытать ВТП.

Затем человек, окрылённый осознанием другой, не ведомой ему жизни, продолжает совершенствоваться в своих внетелесных путешествиях. С 22 июня 1991 года начинает действовать программа «Линия жизни».

Через программу «Линия жизни» прошли тысячи людей. Как доказательство реальности существования после смерти были зарегистрированы сотни случаев общения вышедших из тела участников программы с умершими людьми. Совершенно не зная о факте проживания умершего человека, после сеансов, испытуемые рассказывали о том, как погиб потусторонний собеседник, как его зовут, где он жил и кем работал и многие подробности из его жизни. Родные и знакомые умершего родственника были в шоке.

Наиболее успешные студенты Института Монро стали оказывать помощь умершим людям, сопровождали их в свою зону, разьясняли способы бестелесного передвижения, утешали в горе. Особенно нуждались в помощи люди, умершие от насилия, и маленькие дети. Околосземное пространство было разбито на зоны, в зонах определены точки, были разработаны маршруты. Исследования велись круглосуточно.

К 1993 году более семисот человек прошли обучение по программе «Открытые врата». Эта шестидневная программа представляет собой освоение принципов «фазового смещения» относительно обычного человеческого сознания. Суть программы состоит в выравнивании импульсов левого и правого полушарий мозга с помощью специальных звуковых сигналов, подаваемых в управляемую Камеру с Оптимальной Средой (УКОС), в которой располагается испытуемый.

Существуют и другие программы, позволяющие добиться сознательного контроля над состоянием сна. К прогрессивным методикам ускоренного обучения относятся аудиокассеты, компакт-диски с записями упражнений.

Уже многие наши соотечественники прочитали книги Роберта Монро. Равнодушных нет! В большинстве, восхищение и благодарность. Многие читатели рассказывают о спонтанных выходах из тела в период прочтения книг. У некоторых эта способность остаётся и после. Другие подвергают всё сомнению и беспрестанно критикуют на страницах печати и интернета. Я с удовольствием прочёл все три книги, и вот — моё личное мнение.

Во-первых, я не сомневаюсь в том, что Роберт Монро говорит правду. Существует множество вопросов, на которые он сам не может дать ответ. В ряде случаев автор сам подвергает свои выводы сомнению. Другими словами, редко встречаются такие самокритичные труды.

Во-вторых, книги Монро можно назвать не только изыскательными, но и глубоко философскими. Если отбросить практическую часть повествования, то всё оставшееся завораживает совершенно новым взглядом на мир.

В-третьих, относительно практики, советую особо любопытным попробовать. В семидесяти процентах гарантирую успех. Ну, а остальным тридцати подойдет что-нибудь другое, например Карлос Каста-неда или Эммануил Сведенборг.

А в заключение хочу привести слова самого Роберта Монро:

«Получайте удовольствие от пребывания в этом мире, доводите до максимума свои спады и подъёмы — однако не слишком увлекайтесь. Пройдите период неприязни к устройству нашего мира, период озлобленности его кажущейся несправедливостью, нечестностью, неравенством, жестокостью, бездушностью и коварством. Мир земной жизни задуман как мир хищников — но в то же время — это великолепное учебное пособие». □

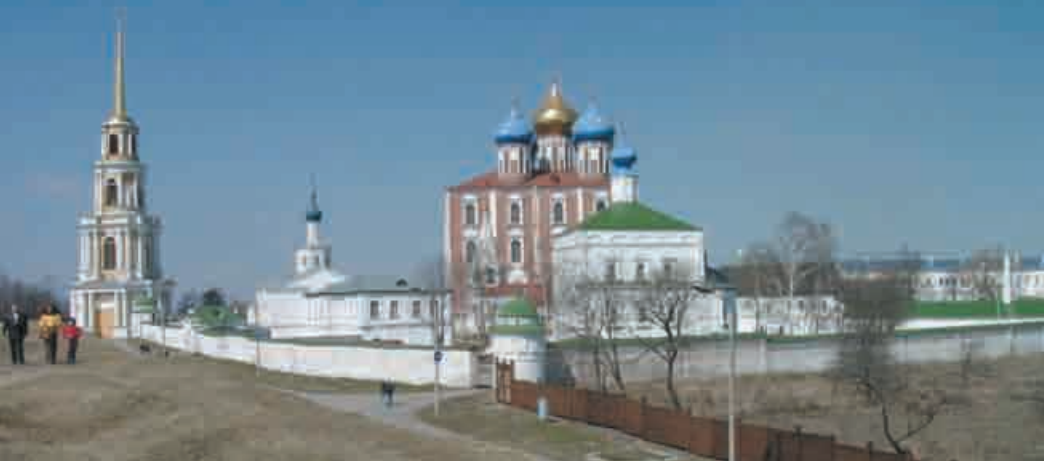
Татьяна Полева

А у нас в Рязани грибы с глазами!

Ассоциация

Первая ассоциация, связанная с Рязанью, — конечно же, провинциальность. При упоминании этого города в голову тут же приходит старая дразнилка: «А у нас в Рязани грибы с глазами. Их едят, а они глядят». Произносить эту фразу нужно нараспев, нарочито подчеркивая «а» и «я». Действительность же — совершенно иная. При близком знакомстве Рязань оказывается красивым, ухоженным, спокойным, можно сказать, европейским городом. Ассоциация вторая, разумеется, — Сергей Есенин. И снова мимо. Поэт рос в Константинове, учился в Спас-Клепиках, а взрослую жизнь проводил в Петербурге, Москве и других европейских столицах, а в Рязани-то толком и не бывал. Здесь, правда, ему поставлен памятник, но не на центральных улицах, а на берегу речушки Трубеж, вдали от людских глаз. Хотя народ, конечно, до памятника добирается, а особенной популярностью огромных размеров поэт, врытый по грудь в землю (такова задумка автора монумента), пользуется.

ся у местных женихов и невест. Этот обязательный пункт свадебной программы — здоровая конкуренция банальному вечному огню. В самом же центре города (почему-то, перед филармонией) высится почти в кубическом стиле физиолог Иван Павлов, действительно рязанский уроженец.

А был ли город?

При разговоре об истории Рязани на ум сразу приходят монголы и татары со своим игом. В памяти всплывает известное со школьных времен произведение «Повесть о разорении Рязани Батыем». Однако оказывается, что когда-то, в далеком 1237 году войско Батыея захватило и сожгло совсем другую Рязань — в те времена город с таким названием располагался ниже современного на 90 километров по реке Оке. Нынешняя же Рязань развивалась из сменившего впоследствии название города Переяславля-Рязанского, основанного в 1095 году — именно эта дата теперь и считается днем основания города. С этими местами связаны русские предания, герои которых отважно сопротивлялись врагу: о славном воине Евпатии Коловрате; о зарайской княгине, бросившейся с кремлёвской башни, чтобы не стать заложни-

цей хана, об Авдотье Рязаночке. С именем Олега Рязанского связаны наиболее драматические страницы в истории великого княжества, когда оно лелеяло мечту быть на равной ноге с Москвой. Это произошло в XIV веке, во времена Дмитрия Донского. Князь Олег Иванович был незаурядным воином и политиком, эти качества ему помогали постоянно лавировать между Ордой, Литвой и Москвой. Потомки князя Олега Ивановича после его смерти в 1521 году не смогли противостоять Москве, и Рязанское княжество перешло в подчинение Москвы. В 1778 году, по Указу императрицы Екатерины II, Переяславль-Рязанский получил свое теперешнее название Рязань.

Кремлевская история

Древнее ядро Рязани — кремль — заложен в 1095 году. С него теперь и считается основание города. О кремле, конечно, стоит сказать особо. Под ним здесь понимается своего рода полуостров, окруженный водами трех рек — Трубежа, Дунайчика и Лыбеди. Где начинается кремль — непонятно. Парковая аллея — вроде бы еще не кремль, а колокольня — уже кремль. Границы никакой. Впрочем, стена, окружающая Спасский монас-

тырь, здесь все-таки присутствует. Центральный памятник кремля — Успенский собор, грандиозное сооружение, своими размерами превзошедшее почти все современные ему постройки. Резьба по белому камню порталов и наличников

окон собора, иконостас XVII века, ажурные стволы колонн являются, по словам экскурсоводов, настоящими шедеврами. Рядом с собором находится его колокольня, самый поздний памятник архитектуры кремля. Это — грандиозное четырехъярусное сооружение с позолоченным 25-ти метровым шпилем, уникальное, как говорят, по чистоте и строгости стиля — подобных колоколен в стиле классицизма в других городах России нет. На третьем ярусе колокольни оборудована смотровая площадка, откуда открывается прекрасная панорама кремля, Рязани и окрестностей города. На территории рязанского кремля находился княжеский двор, на предполагаемом месте которого сейчас построено красивое здание с цветными наличниками, барочным фронтоном и термальными окнами. Не только в народе, но и в специальной литературе оно истари известно как «Дворец Олега». У историков нет единого мнения по поводу происхождения этого названия. Предположительно, именно на этом месте когда-то располагался терем князя. Или же

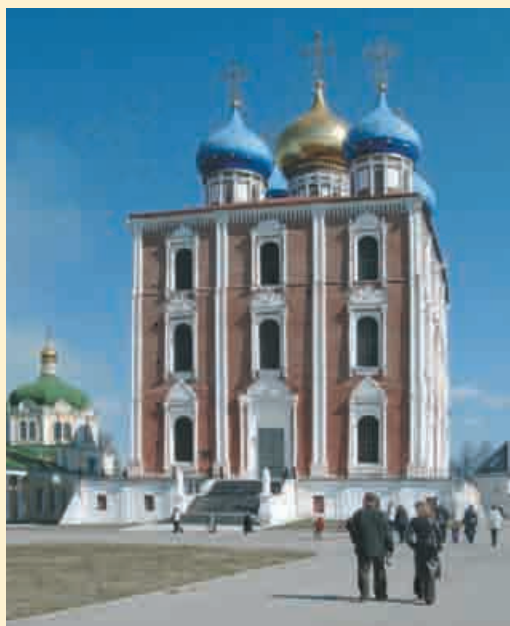

название возникло в связи с тем, что парадный фронтон здания был украшен рязанским гербом с изображением Олега. Сейчас во Дворце Олега экспонируются кольчуга князя-воина и порсуна, на которой он изображен в монашеской одежде. Почти все остальные здания кремля также музеефицированы, и в настоящее время здесь находятся исторические экспозиции музея-заповедника Рязанский Кремль.

Интеллектуальные прогулки

Гулять по Рязани приятно и просторно. Мало машин, и людей не так много. Во время прогулок не бойтесь сбиваться с пути, заглядывая в переулки, в которых может прятаться все самое интересное. Причем, гуляя по Рязани, невольно отмечаешь тот факт, что до революции город считался одним из самых образованных в России: уже к середине пути в глазах начинает рябить от многочисленных гимназий, училищ, школ, университетов. Поэтому ваш променад может получиться, так сказать, с налетом интеллектуальности. Начать прогулку

можно от кремля, а точнее — от Соборной площади, этаким прихожей, устроенной перед кремлем на радость местным жителям и неместным туристам. В центре площади — парк, среди деревьев которого то и дело обнаруживаешь

разные оригинальные архитектурные постройки — гауптвахту, например, или часовенку. Соборная площадь постепенно сужается и превращается в Соборную улицу. В доме № 7 по Соборной улице расположилась школа № 2. Она известна тем, что здесь учительствовал Александр Солженицын. Отсюда можно свернуть на улицу Каляева (бывшую Семинарскую). Здесь, в доме № 10, действовал самый популярный в дореволю-

ционной Рязани литературный салон. Чуть дальше находится единственный на всю страну Музей военно-воздушных сил. Если же за ним свернуть налево, то в скверике на улице Сенной можно увидеть еще одно уникальное сооружение — памятник погибшим десанникам, где полностью перечислены их имена. Дальше — Первомайский проспект, на котором находится немало любопытных зданий. Например, четырехэтажный дом с

острым балкончиком и маленькой башенкой. В соответствии с тогдашними конструктивистскими обычаями балкон играл роль капитанского мостика, маленькая башня — капитанской рубки, а сам дом был призван вызывать ассоциации с величественным океанским кораблем. Стоит пройти по улице Почтовой. Эта пешеходная зона — рязанский Арбат. Неудивительно, что в основном тут — всевозможные кафе и легкомысленные магазины.

Впечатляют гостиные дворы. Так называемые «Новые» — особенным провинциальным пафосом, а так называемые «Старые» — напротив, своим европейским, петербургским обликом. Последние находятся на главной площади города, названной в честь памятника Ленину, что, впрочем, является характерной особенностью для многих городов России. Первоначально же площадь называлась Хлебной, или же Но-

чий клич» (рязанская газета) опубликовал воззвание: «Построим памятник Ильичу!» Однако, когда пожертвования на Ильича были собраны, власти приняли неожиданно гуманное для тех времен решение — с памятником повременить, а деньги перечислить на строительство детского санатория. Памятник все-таки поставили чуть позже, а в 1957 году его сменили на другой, побольше. Он и по сей день стоит на пло-

вым базаром. Здесь еще в начале девятнадцатого века были выстроены замечательные торговые ряды. Именно тут располагался центр торговой жизни города, своеобразная столица рязанского купечества. В двадцатые годы прошлого века произошла капитальная реконструкция площади. Она свелась к тому, что половину гостиных рядов снесли, разрушив уникальный памятник архитектуры. Тоже, в общем-то, характерная особенность эпохи. Зато «Рабо-

щади, и если сравнивать его с великолепными остатками Гостиного двора, то смотрится этот памятник довольно жалко.

Несмотря на некоторые архитектурные «ляпы», современная Рязань — город, в котором присутствует дух старого города. Вместе с этим чувствуется его цивилизованность, приветливость и интеллигентность, перед которой, кажется, и татаро-монголы склонили бы голову. □

Безбрежный дар

Весь мир знает Владимира Васильева как гениального танцовщика XX века, балетмейстера, хореографа, педагога, но не каждому известно, что он еще и поэт, и художник.

На протяжении многих лет Владимир Васильев не расстается с холстом и кистью. Невозможно остаться равнодушным, глядя на его пейзажи, чаще всего это русский лес, поля, реки... Живопись Васильева излучает энергетику света и доброты, в его полотнах есть чувство и духовность, поэзия высоких устремлений и красота.

Уже прошло несколько его персональных выставок, одна из них — в Музее изобразительных искусств имени Пушкина.

Самовар

— Владимир Викторович, сначала вы начали танцевать или рисовать?

— Я взял в руки карандаш еще в детском саду. Первым рисунком была любимая и единственная игрушка, висевшая над моей кроватью, — трехцветный попугайчик — красно-сине-зеленый. Воспитательница в детском саду посоветовала маме показать меня художнику. Но я постепенно перестал рисовать. В 10 лет начал писать стихи, увлекся танцем. А когда мне было лет 14, я поехал в пионерлагерь хореографического училища при Большом театре, который, как оказалось, передали на баланс художникам. Мы, подростки, работали там водовоза-

ми, качали насосом воду, а в свободное время занимались рисунком. Тогда я впервые взял в руки уголь. Через несколько лет судьба свела меня с начинающим художником Валерием Косоруковым. Он пригласил меня в студию, дал холст и масло.

Постоянно заниматься живописью не получалось из-за огромной занятости — с утра до вечера — в театре, и только десять лет назад, закончив работу танцовщиком, серьезно увлекся рисованием. После ухода из Большого театра,

Венеция

Венеция

летом 2000 года, на даче в Рыжевке я писал целыми днями.

— На выставках представлены ваши потрясающие работы акварелью, непростая техника...

— Акварелью начал заниматься три года назад, до этого пробовал, но ничего не получалось, потом как-то вдруг пошло. Всегда с собой в поездки беру наборы акварельных карандашей, краски, бумагу, кисти. Легче, чем таскать с собой этюдник с маслом. Из каждой страны, скажем, Италии, Франции, привозил этюды, эскизы. У меня много рисунков и картин Венеции. Вообще Венеция — живописная Мекка, вода и архитектура, что может быть лучше для художника?! Мне нравится писать Кострому — зелень и вода, самое приятное для глаза.

— Что для вас главное в живописи?

— В живописи для меня главное — настроение и чувство, только то, что волнует. Иногда смотришь на работы какого-нибудь маститого художника, рисовальщика, но, как ни странно, остаешься равнодушным. Есть нечто, что не объяснишь словами. Научить рисовать можно любого, но у настоящих мастеров есть удивительное чувство и разнообразие даже в простом наложении мазка.

— Сколько времени в день вы посвящаете живописи?

— Этот процесс, в отличие от танцевального, может продолжаться беско-

Зима.
Солнце.
Рыжевка

Перед дождем

нечно. Три часа в театре днем идет репетиция и три — вечером — изматываешься физически, даже если час «попрыгаешь» в зале. А когда дома или на даче рисую по семь часов — они проле-

тают незаметно, встанешь в 6 утра и начинаешь работать, раз — вдруг полдень, прервался, пообедал, опять за мольберт, и так до ночи. Иногда 10—11 часов пролетают мгновенно. Когда пишешь, кажется, что холст получится, а на следующий день уже все не нравится. В моей профессии я всегда критически относился к творчеству, никогда не останавливался на достигнутом, в этом и заключается настоящий профессионализм.

— Кто, на ваш взгляд, интересен из наших современных художников?

— Владимир Маслов. Он — один из самых больших мастеров России. Живет в Белом Городке. Много у нас замечательных художников, которые работают, не думая о деньгах, которые, казалось бы, должны быть обеспечены хотя бы для своей работы, но они бедствуют. Придет время, и мы о них узнаем, но, к сожалению, как всегда, поздно.

В соборе

Живенко.
Закат

— Владимир Викторович, вы недавно отметили 65-летие. Вы в великолепной форме, как ее поддерживаете?

— Всегда занимался спортом, а раньше вообще всеми видами: коньки, волейбол, бокс, лыжи, настольный теннис, фехтование, плавание. В теннис люблю играть, ракетку взял впервые в руки в 30 лет. Это — замечательный вид спорта, и хорошо бы находить на него время постоянно.

— Вы, наверное, любите животных, на одной из выставок представлен ваш замечательный автопортрет с собакой; рисунок акварелью дымчатой кошки...

— Бездомных кошек и собак еще в детстве приводил домой со двора, заботился о них. Всю жизнь у меня были большие собаки — овчарки, дворняги, я их очень любил, а маленьких терпеть не мог, они казались мне злобными москыками. А сейчас у самого — трехлетний той-терьер Бемби, подаренный маме Кати — Татьяне Густавовне ко дню рождения. На даче у меня — дворняга Марья и дивная овчарка, верный пес Буля. Кошка тоже есть, она крайне независима, сама по себе!

— Вы продаете свои работы?

— Нет, только отдавал на благотворительный аукцион, когда нужно было

помочь Марфо-Мариинской обители, обездоленным детям. Один раз в Большом театре продали мое полотно, где изображена Екатерина Максимова. Картину продали, чтобы помочь Большому театру.

— Каковы творческие планы? Знаю, что вы сейчас работаете с Франко Дзеффирелли. Многие помнят в вашей постановке и исполнении блистательный испанский танец с Екатериной Максимовой в фильме-опере Дзеффирелли «Травиата».

— Собираюсь в Италию, там на сцене Арена ди Верона идет «Аида» Дзеффирелли, все танцы спектакля — в моей постановке. Приступаю к постановке танцев и пластической части в фильме Эльдара Рязанова «Ганс-Христиан Андерсен», музыку пишет Алексей Рыбников. Режиссер и композитор мне очень нравятся, поэтому согласился взяться за эту работу. Впереди — великое множество интересных и новых проектов во имя истинного Искусства. □

Беседовала
Елена Воробьева.

СЕКРЕТАРЬ В ДВУХ ШАГАХ

**Как может
заработать
честная, скром-
ная девушка с
неполным высшим
образованием
в огромном
мегаполисе?**

Один из вариантов — поработать секретарем. Беда в том, что секретарь — одна из тех профессий, которые буквально кишат стереотипами. Ну, например, секретарша никогда ничего не делает на работе, кроме собственного маникюра. Высшего образования для этой должности не нужно. Секретарша — одна из наложниц своего начальника и так далее. Однако все вышеперечисленное как-то мало останавливает желающих работать секретарем. Как влиться в их стройные ряды? Предлагаю пошаговую инструкцию.

Шаг № 1. Найти и обезвредить

Моя подруга — неустанная искательница работы — Ксения решила пойти на повышение. И сменила место работы, превратившись из консультанта парфюмерно-косметического магазина в секретаря фирмы.

— Ксюша, как ты нашла работу?

— Искала по-разному: и через интернет, и через газеты-журналы, и сама резюме писала, отправляла. Я ходила на уйму собеседований, но безрезультатно, либо меня не устраивал график работы или зарплата, либо их не устраивало то, что я — очница или то, что у меня нет опыта работы в данной сфере. А потом я поняла, что найти работу, учась на дневном отделении, нереально. Как только перешла на заочку, моментально нашлась работа — недели за полторы.

— Как ты выбирала объявления о работе: каким доверяла, каким — нет? Ведь известны случаи, когда секретарш ищут исключительно с одной целью и она явно не рабочего характера...

— Мне было важно, чтоб была указана зарплата. Все остальное уже становится понятно только в процессе разговора. Хотя, конечно, когда идешь в незнакомую контору, не по себе немножко. Был случай — я нарвалась на так называемый «лохотрон». Первый признак — это когда звонишь в фирму, а тебе гово-

рят следующее: «У нас очень много вакансий с разными обязанностями, графиками и зарплатой, приходите на собеседование, оно проходит каждый день». На собеседовании увидишь кучу соискателей, для которых проводится лекция о предприятии с подробным описанием схемы его работы. По окончании лекции ты понимаешь, что ничего не понимаешь — например, откуда у этой организации складывается доход. Потом заполняешь анкету, с тобой все очень любезны, готовы идти навстречу при любой ситуации. Прописки нет — ничего; гражданства нет — тоже не страшно; 14 лет не исполнилось — ничего, вырастешь; можешь работать 2 дня в неделю по 2 часа — и для тебя работа найдется. Сдаешь анкету, тебе обещают подобрать вакансию, подходящую именно под твои условия. Звонят дня через три и говорят, что все великолепно: вас взяли, надо приехать оформить документы, но только за них надо заплатить. В моем случае было 60 у.е., но это было года 2,5 назад. Почему так дорого? Так у них же сложная система пропусков, а, кроме того, не все так плохо, ведь вы еще получите дисконтную карту, дающую сумасшедшую скидку в магазинах-партнерах! Сама не платила, но слышала, что наивные товарищи, оформившие документы, далее получают работу в сарае на другом конце города с совершенно не подходящим графиком и зарплатой — и уходят. Естественно, деньги никто не возвращает. В общем, на что нарвешься, угадать сложно. С другой стороны, знаешь, волков бояться — в лес не ходить.

— Твой нынешний шеф оказался не из разряда «волков»?

— Нет. Фирма — вполне надежная, за «пропуска» платить не заставляли. Сам начальник оказался совершенно не падким на женщин. Даже чай всегда сам себе готовит. Говорит, что у него такой принцип — не просить секретаршу делать чай. Получилось, что я — не его личный секретарь, а секретарь организации.

— **А как проходило собеседование на твою нынешнюю работу?**

— Да никак. Пришла, а вместо начальника — офис-менеджер. Я с ней поговорила, она мне рассказала, что от меня будет требоваться: прием звонков и корреспонденции, делопроизводство, какие-то минимальные бухгалтерские обязанности, порядок в офисе, хозяйство. Работать надо с 10 до 17 часов с зарплатой 500 у.е. (это мне просто так повезло).

— **Получается, никаких особенных испытаний при приеме на работу ты и не проходила...**

— В общем-то, да. Единственное, что волновало моего будущего шефа — это знаю ли я английский язык. А я учусь на переводчика, в том числе и с английского языка. Как выяснилось позже, шеф раз в год участвует в отраслевой выставке в Лондоне, где без английского языка общаться сложновато.

— **Слушай, а как же резюме? Там не было написано про твоё свободное владение английским? Или будущий шеф не ознакомился с ним? Или ты не составляла резюме?**

— Резюме было. Сочиняла я его из принципа: «От скромности не помру», но без особого вранья, просто все красиво написала. Знаешь, резюме вообще штука нужная — на тебя и смотрят по-другому, когда с ним приходишь, и в интернете можно работу искать, просто отправляя резюме. Хотя на конкретном месте работы мне не понадобилось ничего.

Итак, предположим, этап с поиском работы успешно завершён. Что дальше?

Ради чистоты эксперимента и немного корысти ради я решила самостоятельно действовать изнутри. Иными словами, сразу после сессии, в июле месяце я устроилась на работу в качестве секретаря. Проблемы с поиском работы у меня как раз не возникло — в знакомой фирме на две недели уходила в отпуск секретарь, что по масштабности грозящей катастрофы могло сравниться разве что с кораблекрушением. Фирма за-

нималась распространением и сопровождением бухгалтерских компьютерных программ, и основной источник заказов — телефон — должен быть «прикрыт» всегда, с 9.30 до 18.00. За все мои труды мне полагалось 400 у.е. в месяц.

Особенности национальной работы

Первый день на новом рабочем месте дался мне нелегко. Мне несказанно «повезло» с главбухом, Марией Ивановной. Общение «с первого взгляда» не сложилось, зато сложилось со второго: окна нашего офиса ежеутренне штормовала орава голодных кошек с соседней помойки, которых сердобольная Мариванна подкармливала колбаской, килькой в томате и прочими деликатесами. Я решила не отставать и на следующее утро принесла полкило сарделек. Не то чтобы у меня сердце кровью обливается при виде пушистых нахалов, просто надо было сблизиться с бухгалтершей — как-никак вдвоем в замкнутом помещении в течение восьми часов без перерыва, к тому же именно в ее руках находится моя зарплата. Как выяснилось, путь к сердцу бухгалтера и в самом деле лежал через желудок непризорных котов. В тот же день от Мариванны я узнала массу полезных подробностей о моей работе.

Во-первых, мне предстояло общение с клиентами по телефону — состоявши-

мися, потенциальными, доброжелательными и разъяренными. Было «три негласных кита» общения по телефону с любимыми собеседниками:

1. «Компания «Веник-пряник», добрый день».

2. «Как вас представить?»

3. «По какому вы вопросу?»

Однако пару раз услышав в ответ на вопрос «Как вас представить?» — «Представьте меня в душе», я целомудренно решила опустить эту фразу. Сразу спрашивала: «По какому вы вопросу?..» Тут же выяснилось, что все звонящие — от клиентов до «менеджеров по продаже топлива для дизельных машин» — звонят нам исключительно по «личным вопросам»!

Во-вторых, нужно было освоить все особенности работы в данной фирме. Первые дни в незнакомой фирме почти ничем не отличаются от сессии, когда за короткий период времени нужно уместить в своей светлой голове дикий объем новой информации, при этом не забывая о своих прямых секретарских обязанностях. Нужно отправить документы — причем не с курьером, а почтой. Пришлось выяснять, сколько же теперь стоит отправить конверт по Москве, какое количество марок соответствует данному весу письма. Запомнить, какой программист годен только на элементарные заказы, а какой — на разработку нетиповой конфигурации.

В-третьих, следить за порядком в офисе. Это значит — гонять программистов в туалет мыть за собой посуду. Если кто-нибудь пытался совершить подобный героический подвиг, он меня поймет.

Но самое главное — отвечать упрямим голосом на вопросы, ответы на которые я не знала. При этом я пыталась проявлять чудеса конспирации — отвечать на эти вопросы так, чтобы никто не понял, что я ничего не знаю. Поэтому с первого же дня во мне поселился чудовищный страх к телефону. Звонит клиент и невинно интересуется, что нового

в отчетности за второй квартал. А что там с пенсфондом? А как обстоят дела с ЕСН? Как не изменилось? Должно было измениться! Девушка, вы не отделяйтесь, пожалуйста, общими словами! Позже оказалось, что все изменения были еще в первом квартале, просто клиент об этом не знал. И я, кстати, тоже.

Еще сложнее — выслушивать жалобы клиентов на работу программы, пытаться их записать, а потом складно пересказать программисту, так, чтобы и он еще что-то понял. Не верите? Попробуйте сами!

— Девушка, мне вот тут надо бы выяснить, как, вернее, можно ли, нет, ну, я знаю, что можно, но не знаю, как... Как можно заполнить автоматически форму Т-54А. Ну, лицевой счет, по каждому из сотрудников, в программе? У меня вся база по сотрудникам заполнена, но форма автоматически не заполняется!

Впрочем, клиенты — не единственная категория звонящих, с кем мне приходилось иметь дело.

Рекламные паузы

На меня падала почетная обязанность отшивать рекламных агентов (они же — менеджеры по продаже). Стоит отметить, справедливости ради, что рекламщики бывают разными. Бывают умные. Бывают — не очень. Бывают приставучие и тактичные. Или два в одном: приставучие и не очень умные. Весь этот диалог произошел со мной в пик рабочего дня.

Звонок.

— «Веник-пряник», добрый день! — улыбаюсь в трубку я.

— Здравствуйте, вы водичку пьете?

— Ну... не знаю... Человеческий организм без воды долго жить не может.

— Ну, вот, видите, как хорошо. А какую водичку вы пьете?

— Кипяченую!!! Открываем кран! Наливаем в чайник!! Кипятим!!!! И пьем...

— Вот!!! А я хотел вам предложить совершенно бесплатно установить кулер... вы знаете, что такое кулер?

— Знаем. Не хотим.

Опять звонок.

— Добрый день, будьте любезны вашего директора.

— По какому вопросу?

— Мы бы хотели ему предложить приобрести недвижимость на Канарах.

— Его, к сожалению, нет, но я могу вам точно сказать: недвижимость на Канарах он пока приобретать не будет.

— Да? Ой, а позвоните тогда, пожалуйста, вашего системного администратора — Ивана Васильевича Точкина.

— А по какому вопросу вы хотите с ним поговорить?

— По тому же самому.

Для непосвященных. Сисадмин в нашей фирме — бедный студент, прописанный в Подмосковье, живущий в общежитии и очень переживающий на тему жилья — где ему жить, когда кончится обучение.

— Бюсь, что ему пока вилла на Канарах не нужна — у него две в Болгарии, и одна в Турции, и он между ними, ну, просто разрывается!

Испытав все прелести секретарской должности на своих, так сказать, хрупких женских плечах, могу со всей ответственностью заявить: времени на маникюр на работе нет. Во всяком случае, у меня не хватало этого времени катастрофически. На интрижками с начальниками — собственными или соседскими — тоже было маловато. Зато хватало ответственности — ибо секретарь по определению — человек, который должен знать и уметь делать абсолютно все, быть в курсе того, что происходит в фирме. Кстати, именно поэтому в последнее время все больше популярности приобретают секретарские курсы и «Высшие школы секретарей». Стоимость обучения в подобных заведениях составляет около 8-10 тысяч рублей за три месяца, особо способным ученицам организаторы обещают бесплатное трудоустройство. По прогнозам кадровых агентств, спрос на услуги секретаря в ближайшее время будет только расти. Чем не достойный повод пополнить ряды секретарей собственной персоной и собственный кошелек — зарплатой? □

Дела мужские

Севиль
Гусейнова

**Что такое
«Кодекс Броутона»?
А «Правила
маркиза Куинсберри»?**

Броутон? — что-то знакомое, кажется, какую-то теорему придумал...

Маркиз Куинсберри? — наверное, что-то из средневековья, может быть, на шлагах хорошо дрался?

Вот такие ответы я получила на вопросы, заданные сильной и молодой половине московского человечества на улицах города. Но, честно говоря, других ответов и не ждала.

Да. Не стоит задавать подобные вопросы на улице, тем более первому встречному. Гораздо разумней задавать их в другом месте, и места такие есть по всей стране в многочисленных городах, городках, пригородах, посёлках и т.д.

фото Владимира Чейшвили

Это — спортивные стадионы, залы, студии, где настоящие мужчины занимаются самым мужским видом спорта — боксом. Ответы на свои вопросы я нашла в зале бокса одного из старейших стадионов Москвы — «Торпедо».

О зале и об истории

Этот спортивный зал носит имя Заслуженного тренера СССР — Червоненко А.К., который в 1972 году сделал настоящей сенсацией победу кубинского боксёра Теофило Стивенсона на XX Олимпийских играх в Мюнхене, подготовив его к выступлению на ринге.

В этом зале тренируются молодые люди разных возрастов. Они-то нам перед тренировкой и рассказали, что родина бокса — Англия, а Джек Броутон построил первый публичный амфитеатр для проведения кулачных боёв и ввёл в обращение перчатки (до этого изобретения бои велись «голыми» кулаками), а также дал определение ринга как площадки для проведения боксёрских матчей. А «Правила маркиза Куинсберри» в 1867 году придумал никакой не маркиз Куинсберри, а журналист, член Любительского атлетического клуба Джон Грэхэм Чемберс, сам маркиз Куинсберри только поддержал настоящего автора материально и помог в продвижении его идеи. Введение правил было просто необходимо, так как действовавшие до этого обычаи царили, по меньшей ме-

ре, жестокие: разрешалось добивать противника, душить его, ломать руки и ноги, а «фирменным» приёмом считался удар пальцем в глаз. Экипировка выглядела устрашающей: ботинки, из подошв которых торчали гвозди, для того, чтобы во время боя можно было буквально пригвоздить противника, наступив ему на ногу, и не дать уйти от удара. Теперь же подобные приёмы и экипировка запрещены (слава Богу!).

Реальность

Правила Куинсберри, с небольшими изменениями, действуют и сегодня. Честно говоря, просто поразительно, что ребята так много знают и легко оперируют понятиями и именами людей, «сделавших» историю бокса — невооружённым взглядом видна работа тренеров, заботящихся не только о физических достижениях своих спортсменов, но и об интеллектуальной составляющей предмета. Одному из таких специалистов — Житиневу Борису Дмитриевичу, Заслуженному тренеру России, ваша покорная слуга задала несколько вопросов.

— **Борис Дмитриевич, с какого возраста можно заниматься боксом?**

— Ребят принимают с 10-ти лет, раньше — нет смысла, ведь именно с этого возраста начинает формироваться «стержень» будущего молодого человека — сила и воля. Насколько спо-

собен юноша к данному виду спорта, видно не раньше, чем через год тренировок, причём в первый год тренировки проходят в младших группах не чаще трёх раз в неделю, и только на второй год, если молодой спортсмен чувствует себя уверенней, тренироваться уже можно 5—6 раз в неделю (желательно, не реже).

— Ребята сами к вам приходят, или вы кого-нибудь сами отбираете, в школах на уроках физкультуры, например?

— В секцию приходят разными путями: кто — сам, проходя мимо к футбольному полю и прочитав вывеску «Зал бокса...»; иногда приводят мамы с просьбой «спасти» мальчика, попавшего под дурное влияние в школе или на улице; кого-то побили и он не смог ответить. И, как выяснилось, спорт помогает, мальчишки увлекаются, приводят с собой товарищей из своих школ. А специально мы никого за шкуру не тащим.

Второй дом

На тренировках приходится осваивать не только спортивную технику, но и много говорить о нравственности. Как утверждает одна английская поговорка: «Бокс — это выяснение отношений между джентльменами с помощью жестов». Бокс — интеллектуальный вид спорта, и овладеть им надо не только для того, чтобы уметь постоять за себя и близких, а, прежде всего, для поддержания собственной спортивной формы.

Мальчишки проводят много времени в зале, так что этот зал становится для многих из них буквально вторым домом, где они могут, по-мужски, поговорить со своим тренером о проблемах в семье, в школе, с друзьями. Проблем довольно много, одна из которых — учёба в школе — самая сложная. Борис Дмитриевич признался, что довольно часто бывают случаи, когда ему вместо мамы или папы приходится ехать в школу и «биться» за своего подопечного, объясняться с учителями, давать обещания, что повлияет на нерадивого ученика. И уж будьте спокойны, повлияет: и на тренировке особое внимание уделит (пару дополнительных кружков вокруг стадиона), и дневник проверит!

Эпилог

Зал бокса выпустил уже много хороших спортсменов — это и Алексей Леонов, занявший пятое место на XXVII Олимпийских играх в Сиднее в 2000 году, и Марат Храчев, победитель летних Олимпийских игр-2004, проводимых в Афинах; здесь тренируются такие мастера спорта международного класса, как Д. Арустамян, Д. Черныш, В. Носов, С. Водопьянов, А. Овсепян. И, пообщавшись с Борисом Дмитриевичем Житиневым и его учениками, я думаю, что очень скоро у нас появятся свои «Тайсоны-Каратаевы», «Моххамед Али-Золаяны»... □

← **Легенда
Российского
бокса
Борис
Лагутин**

Вечно МОЛОДОЙ

**Алла
Люден**

1956 год. Весна. Странное время, волнующее, пугающее, подающее надежды — все вместе это было названо «Оттепелью». Только что, в феврале, прошёл XX съезд КПСС. Н.С. Хрущёв потряс страну знаменитым разоблачительным докладом, вызвавшим в обществе настоящий шок.

И никому тогда и в голову не могло придти, что в Советском Союзе совсем скоро произойдет еще один взрыв, который будет в течение многих лет отдаваться эхом на всем театральном пространстве страны. И название этого не-

природного явления знакомо не только любителям театра — «Современник» завладел душами и умами даже тех, кто ни разу не входил в здание этого театра. Так сильно здесь чувствовали потребности времени.

Один из самых любимых наших театров 15 апреля будет отмечать свой пятидесятилетний юбилей.

Но начиналось все очень скромно. Просто выпускники школы-студии имени В.И. Немировича-Данченко при Московском Художественном театре готовили

дипломный спектакль. Руководителем у них был молодой артист Центрального детского театра, в свое время тоже окончивший эту школу-студию, Олег Ефремов. Ставили пьесу известного и любимого драматурга Виктора Розова «В добрый час». Работа над дипломным спектаклем увлекла ребят настолько, что мысль о расставании казалась невозможной. И потихоньку начали задумываться о том, чтобы не расставаться, а создать новый театр, который смог бы сказать новое, именно свое слово в искусстве. Им хотелось не только самоутверждения, как это часто бывает у молодых, но подувший ветер свободы подталкивал их уйти от принятой на сцене внешней фальшивой приподнятости, от пустых «красивых слов», от лжи, наконец.

Молодые актеры окончили студию и начали работать в различных московских театрах. Но когда в зрительных залах гасли огни ramпы, заканчивался театральный разъезд, начиналось самое интересное: в крошечном зальчике школы-студии собирались пятнадцать бывших студентов во главе со своим вдохновителем Олегом Ефремовым и репе-

тировали уже не ученический, а профессиональный спектакль «Вечно живые» все того же любимого Розова.

Тогда их было пятнадцать: Евгений Евстигнеев, Игорь Кваша, Михаил Зимин, Светлана Мизери из МХАТа, из Центрального детского театра — друг Ефремова артист Геннадий Печников, из Театра имени Моссовета — Лилия Толмачева, из Центрального театра Советской Армии — артисты Николай Пастухов и Виктор Сергачев. Вместе с ними работали и студенты школы-студии Галина Волчек и Олег Табаков, еще несколько человек. Правда, впоследствии кое-кто из них остался в своих театрах, и там они стали знаменитыми и любимыми артистами. А пока ребята днем репетировали на своих сценах, вечером играли в спектаклях, а поздней ночью, иногда до рассвета, упорно работали над постановкой. Нужно ли говорить, как им было нелегко. Тем более, все остальное они тоже делали сами. Писали декорации, шили костюмы, готовили реквизит и даже помещение убирали сами. Бывало, что и ночевали здесь же, в зале студии. А московские мамы приносили им еду.

А потом показали готовый спектакль. Это произошло через год, весной 1957. Но своим днем рождения все равно считают 15 апреля 1956 года, когда была основана «Студия молодых актеров». Так они назывались на первых порах.

О «Вечно живых» заговорили в Москве. И, в конце концов, разговоры вылились в невероятный успех. Практически попасть на постановку молодых, неизвестных студийцев стало тяжелее, чем в любой престижный московский театр.

Впервые в несвободной, лагерной стране открыто заговорили о проблемах нравственности, морали, поведения советского человека.

Родившись не по распоряжению свыше, а органически, из насущной потребности времени, новый творческий коллектив совсем не добивался шумного успеха и не хотел эпатировать устоявшиеся вкусы. Артисты хотели просто, без фальши рассказать о времени, об обычных людях, их чувствах. Они хотели заставить зрителей сопереживать, искренне раздумывать, искать истину. Все эти слова могут показаться общими и надуманными, но именно благодаря принци-

пам студийцев в зале рождалась необыкновенная атмосфера взаимной веры и связи между сценой и зрителями. Об этом с ностальгией, благоговением и любовью вспоминают все, кто был счастливым зрителем спектаклей студии.

Очень скоро у молодого театра появилось новое название — «Современник». Кто его предложил, сейчас вспомнить не могут, но получилось так, что оно больше всего подошло этому необыкновенному коллективу единомышленников, работавшему для своих современников. Тогда же возникла творческая программа «Современника»: правда жизни рождает правду искусства. Новый театр шутивно называли дитя любви. Любви народной, всеобщей, невероятной. Этот очень небольшой театрик был настоящим бомжем, без дома, без денег, без зарплат, скитался по чужим площадкам, вплоть до гостиницы «Советская». И часто в воспоминаниях очевидцы рассказы-

вают, что из ресторана в зал доносились разные пищевые запахи и звуки саксофона, который тогда только-только разрешили слушать советским людям.

Но, наконец, «Современник» признала и власть, и он даже получил свою законную жилплощадь — знаменитый двухэтажный особнячок на площади Маяковского. Настоящая беспризорная развалюха, где дуло из всех трещин, щелей и покосившихся окон, по коридорам разгуливали крысы. Но это был свой дом, и современниковцы сами приводили его в порядок, ремонтировали, готовили при этом новые спектакли. И целых четырнадцать лет вместе со своими верными зрителями наслаждались каким-то невероятным театральным счастьем.

У «Современника» были такие зрители, какими не мог похвастаться ни один советский театр. К ним выстраивались длиннющие очереди, они змеей тянулись через всю площадь. В них записывались с вечера, а потом стояли всю ночь, зимой забегая погреться в ближайšie подъезды и даже, говорят, иногда разводили небольшие костры. У театра был зрительский актив, в котором состояли известные ученые, студенты, врачи, учителя — настоящая московская интеллигенция, но без кликушества, свойственного некоторым театральным зрителям. «Современник» стал центром передовой, культурной жизни. Статьи, рассказывают, что билеты на первые премьеры не продавались, а раздавались даром, и в зале забивались

все проходы и «почетные» места на полу перед сценой.

В самом коллективе царил настоящий демократический дух студийности. Ведущие актеры с готовностью, без возражений играли в массовках. Вопрос об увольнении или о принятии нового сотрудника решался не руководством, а всей труппой.

И в творческом плане «Современник» рос вместе со своей аудиторией, со всем обществом. Они тогда не думали, что когда-то их назовут «театром-легендой», а легко и естественно делали свое театральное дело. Даже установили коллективное «вето» на любые звания и награды. Они были во всем равны.

Рос и расширился репертуар. Сначала в афише стояли только три спектакля: «Вечно живые» В. Розова, его же «В поисках радости» и пьеса итальянского классика Эдуардо де Филиппо «Никто».

Потом советские драматурги дружно понесли свои пьесы. Виктор Розов отдал «Старшую сестру», «Традиционный сбор», «Назначение». Молодой прозаик «оттепельного времени» Василий Аксенов пришел в театр с пьесой «Всегда в продаже», ставшей настоящим хитом того времени.

В списке авторов театра — Константин Симонов, Михаил Роцин, Михаил Шатров, здесь ставили русскую и зарубежную классику. И в ней находили те же проблемы, что волновали и современную публику.

А какие артисты играли в этом театре! Невозможно перечислить все имена,

чтобы не потерять ни одного из них. Наверное, почти все нынешние знаменитости прошли через «Современник». Это были максималисты, но при этом совсем не «проповедники со сцены» и не «строгие учителя». А жизнерадостные члены одного ансамбля. После спектаклей и репетиций артисты не разбегались по домам, даже когда начали обзаводиться семьями и детьми. Им не хотелось покидать друг друга. Стихия капустника и озорства заражала не только членов коллектива, но и весь тот поток поэтов, писателей, ученых, мировых знаменитостей, приходивших сюда запросто посидеть, поговорить, послушать. Нескончаемые ночные разговоры стали настоящей «университетскими» для многих.

Этот театр призывал к доброму и лучшему в человеке. И, может, поэтому он был храним. Прежде всего, как ни странно, высоким начальством. Многие тайно ему помогали. А тогдашний министр культуры Екатерина Фурцева — демонстративно открыто, хотя тем самым наживала

себе врагов. Помогали и дети больших советских начальников. Например, дочь генсека Л.И. Брежнева Галина много сделала для театра.

Ансамбль «Современника» стал настолько легендарным, что в 1964 году руководство киностудии «Мосфильм» предложило театру необычный эксперимент — самостоятельно сделать фильм с обязательным участием всего коллектива. На основе одного нашумевшего очерка о людях мостотряда написали сценарий. И, в результате, появился фильм «Строится мост», имевший достаточно большой успех. Режиссером, естественно, выступил Олег Ефремов.

Но как любой живой организм театр узнал, кроме удач, и неудач, даже провалы. Появились и элементы застоя, что, конечно, отражалось на уровне постановок. А настоящий кризис возник в 1970, когда главный режиссер Олег Ефремов после долгих мучительных сомнений под давлением свыше согласился уйти во МХАТ. Для театра наступило тяжелое вре-

мя, тем более, что с лидером ушла группа ведущих артистов. И как это часто бывает, когда в беде одни помогают, то другие радуются и бросают без поддержки. «Современник», привыкший только к атмосфере любви, начал испытывать равнодушие и травлю. В лихорадочных поисках нового пути в театре поставили несколько малоинтересных спектаклей. Но, собрав все силы, пережив несколько перестановок в руководстве и получив, наконец, в качестве главного режиссера талантливую Галину Борисовну Волчек, театр оправился, заявил о себе и пережил несколько лет величайшего подъема.

Тогда были поставлены очень яркие спектакли, о которых вновь заговорила не только Москва, но и другие города, где бывали на гастролях артисты. «Валентин и Валентина» Михаила Рощина, «Восхождение на Фудзияму» по Чингизу Айтматову, «Записки Лопатина» Константина Симонова, где забываемо трагедийно сыграл Валентин Гафт. На помощь театру пришли другие театральные режиссеры и поддержали его своими постановками. Приехал из Ленинграда великий Георгий Товстоногов и поставил фантастический спектакль по произведению Салтыкова-Щедрина «Балалайкин и К°», заставивший говорить о себе весь театральный мир.

А потом в театре произошла еще одна перемена. Их дом на Маяковке снесли, так требовалось для улучшения городского автодвижения. Театр переехал в здание бывшего кинотеатра «Колизей» на Чистых Прудах. Опять пришлось приводить старое помещение в приличный вид, налаживать новую жизнь. И опять «Современник» выстоял и, как говорят, в умелых руках Галины Волчек он стал одним из самых «крутых» в Москве. Она — сильная, сложная и необыкновенно интересная не только как режиссер, но и просто женщина. Она — романтик и суровый бытописатель при этом. И не забывая, что «Современник» основан Олегом Ефремовым, все чаще говорят, что

это — театр Галины Волчек. Очень жаль, что у нее не хватает времени и сил на актерскую игру. Ведь Волчек — талантливейшая актриса. Но главное для нее — режиссура. Поставленные ею «Крутой маршрут», «Три товарища», «Обыкновенная история», «На дне» — спектакли яркие, эпические, заставляющие спорить, размышлять, ненавидеть и радоваться.

В 1996 году «Современник» пригласили в Нью-Йорк на Бродвей показать «Крутой маршрут». Капризные, избалованные американцы плакали и возрикли, что спектакль — самое сильное, что они видели в театре. Их поразила не только история заключенных в советском Гулаге, но и работа режиссера и артистов. Такое признание дорогого стоит.

Сегодня «Современник» упрекают в том, что он уже не тот любимый, легендарный театр. Но ведь и время другое. И права Галина Борисовна: «Конечно, мы стали другими. И это счастье, что театр изменился. Иначе он был бы похож на человека, который стареет, а внешне похож на ребенка».

И несмотря на то, что он теперь «не тот», здесь все так же продолжают говорить о времени, об ошибках, несовершенствах, печалях и радостях современной жизни. В театре играют талантливейшие артисты разных поколений. Волчек ищет и приглашает ставить режиссеров, очень отличающихся друг от друга и от нее самой. Роман Виктюк, Римас Туминас, Николай Коляда — все они полярно противоположные, и тем интересны, что вливают новую кровь в легендарный театр.

Да, пятидесятилетний «Современник» — легенда, и о нем самом сложно много легенд и мифов. Но это — по-прежнему живой, сильный ансамбль, один из самых аншлаговых и любимых московских театров. Он остается театром для зрителей, современников.

Мы поздравляем любимый «Современник» с днем рождения и желаем зрелости, удачи и вечной молодости. □

РУССКАЯ РУЛЕТКА

Алина Гуринова

Мы приходим в магазин и, не задумываясь, покупаем продукты, например, чтобы приготовить всеми любимый крабовый салат или поджарить хрустящий картофель фри. И никто из нас не знает, что крабовые палочки и кукуруза (из чего, собственно, и состоит салат) являются генетически измененными продуктами, а любимый картофель фри был когда-то скрещен с генами скорпиона.

Никакого указания о том, что продукт генетически изменен, на маркировках, как правило, нет. Да и саму маркировку разглядеть можно лишь с помощью огромной лупы. Многие ученые думают, что трансгенная пища — отрицательное влияние на здоровье человека, и еще необходимы долгие годы исследований для того, чтобы дать ей зеленую улицу...

История распространения генетически измененных продуктов начинается с 1994 года. Именно тогда предприняли попытку изменить гены помидора для увеличения сроков его хранения. Однако «первый блин», как говорится, «вышел комом». Помидоры оказались такими отворачивательными на вкус, что затею быстро оставили. Но, увы, не надолго. Уже в 1997 году американские фермеры засе-

фицированные продукты «пищей Франкенштейна».

Одним из основных аргументов сторонников генной модификации является убеждение в том, что «улучшенные» растения позволяют спасти растущее население земного шара от голода. Действительно, генетически модифицированные культуры

по сравнению со своими естественными собратьями более устойчивы к всевозможным вирусам и бактериям, им не страшны ни холод, ни засуха. Они могут расти на менее плодородных почвах и при этом давать больший урожай, затем долго храниться, не портясь и не теряя товарный вид.

Защитники «пищи Франкенштейна» также считают, что методы генной инженерии, по сути, ничем не отличаются от селекции. Они только позволяют достигнуть результатов гораздо быстрее. Но здесь резко возражают их оппоненты. Ведь селекция скрещивает только близкородственные виды, а генная инженерия пересаживает что угодно и куда угодно, совершая тем самым насилие над природой. И это случайное проникновение генетически измененных форм в дикую природу может привести к катастрофическим изменениям в экосистемах.

«Продажной девкой капитализма» называли генетику в темные сталинские времена, отдавая предпочтение теории Мичурина. Тогда существование генов всячески опровергалось, а исследователей возможностей генной инженерии попросту уничтожали. Однако продукты селекции Мичурина кормят людей вот уже полстолетия без каких-либо вредных последствий. А вот что будет, если, например, созданный методами генной инженерии, не подверженный болезням, моментально размножающийся «супер лосось», наберет в весе до двухсот пятидесяти килограммов и вырвется из американских лабораторий на волю, еще не известно...

яли огромные площади земли генетически измененным зерном и соей. То же самое сделали и в нескольких других странах мира. Далее производство трансгенных продуктов стало набирать обороты со стремительностью катящегося под гору колеса. И соя, кукуруза, картофель, рапс, маис, пшеница, подсолнечник, папайя, хлопок, горох, молоко с повышенной жирностью начали попадать на прилавки магазинов.

Но для начала давайте разберемся, что же такое генетически измененные или трансгенные продукты, и какую опасность они могут представлять для людей.

Ученые вводят в геном растения или животного фрагмент ДНК из любого другого живого организма (растения, бактерии, насекомого, рыбы или даже человека) с целью придания ему определенных свойств. Например, томаты, прозванные «помидорами с жабрами», получили ген морозоустойчивости от полярной камбалы, картофель стал смертоносным для своего извечного врага колорадского жука благодаря «скрещиванию» со скорпионом и так далее. Все эти творения генной инженерии получили обобщенное название *genetically modified organisms* (GMO). Противники подобных экспериментов над природой окрестили генетически моди-

Что же касается вреда, причиняемого человеку, то пока конкретных фактов немного. Один из них связан с пересадкой в ДНК сои гена бразильского ореха. У многих потребителей стали возникать аллергические обострения. Другой — с результатами британского ученого Арнада Пуштаи, который обнаружил результаты своих наблюдений за подопытными крысами, питающимися трансгенным картофелем. Он заявил, что потребление этого модифицированного продукта негативно сказывалось на иммунной системе животных, вызывало аномальные изменения кишечника, болезни почек, печени и головного мозга. Заявление Пуштаи подняло волну протестов. И ученого быстро уволили из родного научно-исследовательского института. Однако вскоре его коллега Стэнли Юэн еще раз обработал результаты опытов Арнада и подтвердил сделанные им выводы. После проверки всех данных независимыми экспертами результаты исследования опубликовали в одном из самых уважаемых научных журналов мира «Ланцет».

Были зафиксированы и случаи бесплодия у божьих коровок, которые питались тлей, отведавшей трансгенный картофель. Кстати, не для кого не секрет, что бесплодие — весьма распространенная проблема и среди американцев. Именно в США выращивается три четверти всех ГМО-культур мира, а сорок пять процентов продающихся продуктов включают в себя ГМО-компоненты. Кроме того, нация год от года набирает в весе. И связь между активным потреблением «frankenstein food» и непропорциональными округлыми формами американцев напрашивается сама собой.

Тем не менее научный азарт толкает генетиков на новые и новые произведения «экзотики». Например, светящийся в темноте кролик, в ДНК которого включен ген медузы, отвечающий за флюоресценцию. Или свиньи с геном шпината, позволяющим сделать мясо менее жирным. Однако проблема в том, что,

отдавая такого мяса, человек, условно говоря, вступает в контакт не с мясом свиньи, а с неким новым веществом-мутантом, которое еще не известно как поведет себя в дальнейшем.

Кроме США, к крупнейшим производителям трансгенной продукции относятся Канада, Австралия, Аргентина, Уругвай, Мексика. Генно-модифицированными культурами в мире уже занято более пятидесяти миллионов гектаров посевных земель.

Европа объявила пятилетний мораторий на ввоз в страну трансгенных продуктов, но срок недавно закончился. Европейский Союз не продлил его, но и не дал ГМО-продуктам добро.

В Великобритании в течение последнего года тема генетически измененных продуктов не сходит с первых полос газет. Около месяца назад в полемику включились такие высокопоставленные лица, как премьер-министр Тони Блэр и принц Чарльз. Последний в своей статье, опубликованной в газете «Daily Mail», серьезно критиковал использование продуктов из генетически измененных растений. Принц Чарльз сформулировал ряд конкретных вопросов, на которые, по его мнению, следует ответить прежде, чем разрешать использование подобной еды. Он также отметил недостаток независимых научных исследований в этой области. Принц отказался признать веским аргумент, что использова-

ние подобных продуктов спасет мир от голода.

Особый разговор ведется об обязательной маркировке, которой должны подлежать подобные продукты. В Японии она указана на пище, содержащей более 0,5 процента ГМО-ингредиентов.

В Казахстане пункт об обязательной маркировке продуктов с ГМО-компонентами внесен в проект закона «О качестве и безопасности продуктов». Однако в магазинах удалось обнаружить только один продукт, на котором честно была нанесена маркировка об использовании ГМО-компонента. Речь идет о хорошо всем известных крабовых палочках. В нанесенном на упаковку перечне ингредиентов, входящих в состав крабовых палочек, значится соевый белок, а затем следует пометка в скобках — ГМИ. Эта аббревиатура как раз и означает, что белок получен из генетически модифицированного источника.

В России официально зарегистрированные трансгенные продукты проходят многоуровневую проверку в научно-исследовательских институтах и подлежат маркировке, если содержат более пяти процентов генетически модифицированных компонентов. Впрочем, маркировку многие импортеры нарушают, и российским потребителям разобраться в том, какие продукты имеют трансгенное происхождение, а какие нет, очень сложно.

Совсем недавно один из российских телеканалов сообщил о том, что американский генетически измененный картофель без всякой «изоляции» выращивается в Подмосковье. И никаких жарких дебатов по этому поводу не ведется, хотя пока только соя является единственной трансгенной культурой, разрешенной к применению в России.

В США до сих пор не введена обязательная маркировка продуктов, содержащих генетически измененные организмы. Избежать их потребления американцы могут лишь с помощью списка, регулярно публикуемого активными борцами против «пищи Франкенштейна» — международной организацией «Greenpeace».

Возьмем столь популярные и всеми любимые чипсы, спрессованные из «картофельно-сметанно-луковой» (или какой-либо другой) массы до идеально изогнутой формы. Согласитесь, они меньше всего похожи на ломтики жареного картофеля. По внешнему виду американские чипсы, конечно, выигрывают в сравнении, например, с российскими. Но если по поводу последних можно быть практически уверенными, что они натуральные (при желании вы и сами сделаете подобные из отечественной картошки в домашней фритюрнице), то естественное происхождение американских вызывает очень большое сомнение.

По мнению ряда ученых, использование в пищу ГМО-продуктов может привести к последствиям мутационного или канцерогенного характера. Но самое главное, что и сторонники, и противники таких продуктов не могут с точностью сказать, как их потребление скажется на последующих поколениях. Ведь это — сравнительно новое явление, а чтобы делать более-менее достоверные выводы, необходимо прожить хотя бы лет пятьдесят.

Судя по всему, геновая инженерия бросила человечеству уникальный вызов. Что будет, когда человек научится побеждать боль, страх, старость и, в конце концов, смерть? Что все это принесет, — счастье или беду? Все мы, по сути, являемся участниками большого эксперимента с неизвестными последствиями. Однако канадский профессор молекулярной биологии Джон Фейган привел, на наш взгляд, удачное сравнение: «Использовать сегодня трансгенные продукты в пищу, все равно, что играть всем миром в «русскую рулетку». □

Геннадий Новожилов

Это имя, дорогие читатели, вы видите в каждом номере журнала «Смена». И не устаете восхищаться его талантливейшими портретами и иллюстрациями, которые радуют не только высочайшим художественным мастерством, но и глубочайшим знанием истории.

Более сорока лет назад он буквально ворвался в мир мультипликации. «Снежная Королева», «Дюймовочка», «Золотая рыбка», «В некотором царстве», «Заколдованный мальчик» и многие-многие другие фильмы, автором которых является Геннадий Новожилов, радовали и сегодня радуют самых маленьких зрителей.

Одновременно с анимацией Геннадий работает и в более «взрослом» жанре. Книги А. Пушкина, И. Бунина, А. Толстого, А. Платонова, Ю. Нагибина и опять же многих и многих авторов прозы и поэзии, а точнее, более двухсот с иллюстрациями Геннадия стали золотым фондом Российской литературы.

В свое время, когда в Советском Союзе существовал Союз художников, его туда не принимали по причине слишком яркого таланта. Дескать, он в нас не нуждается, у него и так очень много заказов как от отечественных, так и зарубежных заказчиков.

Нет уж и тех художников и их союза, а у Геннадия, которому нынче исполняется 70 лет, очень много работы.

Искренне, от всей души мы поздравляем нашего коллегу с этим замечательным юбилеем, благодарим за совместную работу и желаем ему не только здоровья и творческих успехов, но и счастья, чтобы жена Аида, как и всегда, была рядом, чтобы дети и внуки радовали, чтобы правнуков со временем учил держать карандаш и кисть, чтобы продолжал дарить всем нам свет и тепло своей души.

Думаем, что и вы, дорогие читатели, с удовольствием присоединитесь к нашим поздравлениям и пожеланиям.

Сменовцы

ЦВЕТЫ «Мёртвых Дельфинов»

Непривычное для слуха название группы из города Грозного «Мёртвые Дельфины», по словам ее лидера Артура Ацаламова, не расшифровывается.

Первые «крики», песни и философии исполнялись на чем придется, в том числе и на банках из-под водоземulsionной краски. Такие банки в то время водились вокруг зачинщика «Мёртвых Дельфинов»

Артура Ацаламова в избытке. С другом зарабатывали тем, что делали лепку и накаты: штукатурили, малярили, а в свободные вечера садились в ремонтируемой комнате и начинали наигрывать полуафриканские напевы.

Записывались эти самые напевы что ни на есть самым варварским образом: просто нажималась кнопка «Рес» на обычном магнитофоне, что, впрочем, не мешало потом этим кассетам крутиться на радиостанции в Грозном. О появлении на сцене тогда и речи не было.

Первое выступление «Мёртвых Дельфинов» прошло в сентябре 1996 года в Назрани. Концерт принёс группе мгновенно

венную известность в пределах республики. Через полгода подпольные записи группы разлетались «голубиной почтой».

Освоив просторы Северного Кавказа и поняв, что дальше тут «расти» некуда, а менять жесткий гитарный звук на народные напевы как-то не хотелось, — в 1997 году «Мёртвые Дельфины» предприняли первую «разведку боем» на «предмет завоевания московских музыкальных территорий».

Наполеоновские замыслы осуществились в новом столетии, когда к продюсеру Михаилу Козыреву попала демо-запись и за три недели до большого фестиваля «Нашествия-2001» он позвонил вокалисту коллектива: «Артур, а вы в курсе, что играете на «Нашествии»?»

После выступления на фестивале встал вопрос о выпуске дебютного альбома. Его выпустила фирма грамзаписи «Никитин» осенью 2003 года. Писали альбом «Мёртвые Дельфины» самостоятельно, без помощи саундпродюсера, с чем прекрасно справились.

Композиция «На Моей Луне», особо отмечаемая критиками и слушателями, уже спустя почти три года после «Нашествия», весной 2003 появилась в пределах видимости все того же Михаила Козырева. Благодаря этой песне о группе «Мёртвые Дельфины» вновь заговорили в столице как о музыкальном явлении с потенциалом на дальнейшее существование.

«Эта песня отблагодарила нас за то, что была написана, и за всё творчество «Мёртвых Дельфинов» самым щедрым образом», — говорят сами музыканты. Появившись последовательно в рубриках «Нашего радио» — «Оно вам надо?» и «Худсовет», «На Моей Луне» получила отличные отзывы от аудитории, попала в «Чартову Дюжину», заняла первое место в национальном хит-параде, попала в долговую, жесткую радиоротацию. В довершение всего вошла в сборник «Нашествие. Шаг 13» и основательно доказала слушателям и музыкальным критикам, что «Оно нам-таки надо!»

По мнению известного критика Артема Троицкого, жить в городе Грозный и еще играть на электрогитарах и сочинять песни — уже подвиг сам по себе. И что эти песни получаются такими жалобными и депрессивными — ничего удивительного в этом нет. «Так что, надеемся, что «Мёртвые дельфины» выстоят, их потом «за хвосты» кто-нибудь оттянет в теплую воду, и они там оживятся и зарезвятся. В общем, поздравляю группу из Грозного с тем, что они дошли до первого места в общероссийском хит-параде».

— Ребята, на ваш взгляд, почему песня «На Моей Луне» так понравилась слушателям?

Сергей Золотухин, барабанщик:

— Потому что это классическая рок-баллада, которая сделана по всем канонам жанра, четко и искренне. И наш вокалист Артур Ацаламов еще и определенным образом ее поет. В отличие от дворового, «никакого» пения, которое мы можем слышать во многих песнях других исполнителей, голос Артура абсолютно узнаваем, очень выразителен.

— У меня создалось впечатление, что вы своим творчеством хотите добиться, чтобы россияне лучше узнали культуру чеченского народа. Я права?

Александр Помараев, бас-гитарист:

— Мы хотим донести до наших слушателей тот факт, что есть совершенно иная чеченская культура, чем та, что представляется многими средствами массовой информации. Мы хотим стать «первыми цветами из выжженного леса», и долгое время я представлял нас ландышами. В нашей музыке нет «чеченской депрессуши». Она — позитивная: послушаешь нас — вешаться не захочется...

— Вы можете объяснить оригинальное название первого альбома «Одуванчики для канареек»?

Артур Ацаламов, вокалист, поэт, композитор:

— У меня есть знакомый Сергей Поляков, бывший сценарист документальных фильмов. Один из его сценариев

назывался «Одуванчики для канареек». В нем он вспоминает, как вместе со своим дедом собирал одуванчики и кормил ими канареек! Я услышал это название и понял, что никакие мы не ландыши, представлял наши песни одуванчиками, тёплыми и позитивными, а ценителей этих песен — канарейками.

Поскольку фильм Сергея так и не будет снят, я попросил у него эту фразу для имени нашего первого альбома.

— Артур, говорят, ваш гитарист нашелся оригинальным способом.

— Саня нашелся так, как хорошие музыканты, в принципе, не находятся! Когда песня «На Моей Луне» вошла в хит-парады, и стало ясно, что нужно срочно «сколачивать» состав, то первым делом начали искать басиста. Кинули объявление скромного содержания в интернет на какой-то совершенно неизвестный музыкальный форум: «Группа «Мёртвые Дельфины» ищет бас-гитариста. Любителям «Арии» и «КиШа» — просьба не беспокоить: мы играем хорошую музыку».

На следующий же день позвонил Саня, который слышал нас еще на «Нашествии», где выступал с группой «Магнитная Аномалия». Договорились встретиться на репетиционной базе и «попробовать» друг друга. Саня как нам выдал! Мы все только переглянулись: «Да ведь так не бывает!» Однако ж...

— Не собираетесь возвращаться домой?

Сергей Золотухин:

— Почти два года были положены Артуром на «создание перспектив на будущее», обживание в Москве, поэтому возвращаться обратно на Северный Кавказ после выступления на крупнейшем российском рок-фестивале, таком как «Нашествие», было бы уж совсем нездоровой тенденцией.

— Много ли вы сейчас выступаете? Какие планы?

Артур:

— Сейчас мы выступаем в основном на больших площадках в рамках крупнейших рок-фестивалей, слегка подустали, хочется месяца тишины. И снова в бой! □

Беседовала **Ольга Быстрых.**

Ксения Мишина

ТЕГЕСТОЛОГ ЗВУЧИТ ГОРДО!

— Молодой человек, вы мне не дадите, пожалуйста, вот тот симпатичный зелененький бирдекель? А то у меня такого нет.

Бармен беспомощно шарит глазами по стойке:

— Что дать?!

— Бирдекель. Понимаете, пиво-то я не пью, но я — тегестолог. Тот, кто собирает бирдекели. А бирдекель — вот та симпатичная картонная подставка под пивной бокал.

Стандартная ситуация. О том, что к пиву полагается подставка, знают практически все, но «умное» слово «бирдекель» ставит людей в тупик.

Само слово в переводе с немецкого означает «пивная крышка». Минуточку, почему же крышка, когда это подставка?

Ответ кроется в истории происхождения этого предмета. Появились первые бирдекели в Европе в XIX веке. Пивные кружки тогда делились на два типа: для состоятельных посетителей и для тех, у кого деньги на пиво были, а вот на «изыски» уже нет. Первых поили из кружек с отделкой и серебряными (в крайнем случае — оловянными) откидными крышками.

Такие крышки часто были образцом изящного литья, являясь самостоятельным произведением искусства, но главное — исправно выполняли свою основную функцию. Они надежно прикрывали пиво от наглых насекомых, плевков недружелюбных соседей и прочих напастей. Менее обеспеченным клиентам пивных заведений доставались простые кружки без всяких там крышек. Вместо них трактирщики выдавали простому люду фетровые коврики. Жесткий фетр, как материал для пра-бирдекеля, был выбран недаром — такой коврик плотно прикрывал кружку, а в процессе «распития» подкладывался под нее, эффективно впитывая пену и пролитое пиво, что и являлось его основной функцией. Фетровые коврики были многоцветными, их стирали, сушили и снова выдавали посетителям. В общем, негигиенично и непрактично. Надо было найти для подставок другой материал. Это и произошло в 1880 году, когда была изготовлена первая подставка из гипрскопичного картона диаметром 107 мм (стандартная величина, сохраняющаяся и сегодня) и толщиной 5 мм. Картонная подставка очень быстро вытеснила фетровую.

В начале XX века вместо обычного серого картона для подставок начали применять разноцветный. Тут-то все и началось. Бирдекелями заинтересовались рекламодатели. К получавшимся в итоге ярким красочным картонкам стали проявлять интерес коллекционеры.

В наши дни тегестология по популярности сравнима с филателией и нумизматикой. Сегодня самая большая коллекция бирдекелей принадлежит австрийцу Лео Пискеру. Она насчитывает более 140 тысяч (!!!) экземпляров из 155 стран мира. Примечательно, что ее владелец не пьет пива.

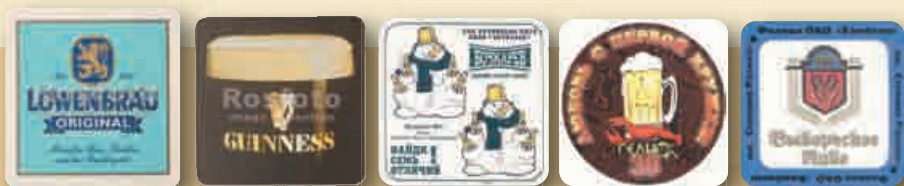
Среди пивных подставок иногда встречаются настоящие произведения искусства, на которые и кружку-то ставить жалко. В городе Райздорфе, выпускающем одноименное пиво, на одной из сторон бирдекелей размещают гравюры с изображением городских церквей, на подставках к пиву Schneiberger Rider, которое производят в Швабии, можно увидеть национальную одежду этого региона. Существуют подставки, выпускаемые к проведению фестивалей или рок-концертов. Они, как правило, тиражируются малыми сериями и быстро расходятся по частным коллекциям. Есть и подставки, выпускаемые регулярно и в большом количестве, но только для определенных мест — например, Planet Hollywood или Rock Cafe.

Бирдекели бывают не только картонными, но и кожаными, пластиковыми,

деревянными и даже стеклянными. Правда, пополнить коллекцию подобными экземплярами бесплатно не удастся.

В наше время пивная подставка является важным атрибутом международной пивной культуры. Но пылливый человеческий мозг редко позволяет ограничиться использованием предмета лишь по его прямому назначению.

В некоторых странах, например, в Австрии, бирдекели используются официантками в качестве своеобразного средства ведения бухгалтерии. При расчете количество выпитого определяется по числу бирдекелей, на них же официантки указывают стоимость закуски, выданной к пиву. Пивные подставки выступают в роли «именного счета». Подобная система, вероятно, не прижилась бы в условиях нашей суровой отечественной реальности, но австрийцам даже в голоду не придет самостоятельно подкорректировать итог, «потеряв» парочку бирдекелей. Правда, привилегии «бирдекельной бухгалтерии» достаиваются только постоянные местные клиенты. Туристы оплачивают заказ сразу же после получения. А что же делать, если вы уже готовы «повторить», а официантка не торопится к вам подойти? Изобретение двух компьютерных специалистов из Германии спасет вас от мук жажды и нервирующего ожидания. Андреас Бутс и Михаэль Шмиц изобрели «умную» подставку под пивную кружку, которая автоматически сообщает бармену о том, что пора

повторить заказ. В бирдекель немцы встроили чип, реагирующий на изменение веса кружки. После того, как сделан последний глоток, подставка передает сигнал на компьютер, находящийся за стойкой бара.

А еще в бирдекели можно... играть. Сами фирмы-производители относятся к этому вполне серьезно: бирдекели активно используются в программах по продвижению, поддержанию и увеличению продаж определенных марок пива. Организовываются различного вида лотереи, конкурсы и игры с использованием обычных и специальных подставок, например, в виде паззлов: собрал из нескольких пивных подставок законченную картинку — получи приз. Выпускаются бирдекели с разметкой для игры в «крестики-нолики», мини-шашки, средневековую игру «старый мельник».

А что вы скажете про ароматизированные бирдекели в форме фруктов? А если они будут еще и светиться в ваших руках?

«Обычные» бирдекели также пригодны для игр. Самое популярное развлечение — «frisbee». Для игры не требуется ни специальной спортивной подготовки, экипировки, ни напряжения расслабленных пивом мозгов. Она рассчитана на веселую компанию (а кто же пьет пиво в скучных компаниях?) и поэтому пользуется очень большой популярностью в европейских барах. Суть проста: необходимо ударить рукой по выступающей за

край стола стопке бирдекелей так, чтобы она взлетела в воздух, и поймать ее на лету той же рукой. Если хотя бы один бирдекель упадет на пол — ход переходит к следующему игроку. Если игрок поймал все бирдекели — в стопку добавляется новая подставка. Тот, кто за один круг поймал меньше всех — проиграл (играют, естественно, на пиво). И хотя посетители пивных баров «сражаются» в «frisbee» довольно азартно, с шумом и гамом, обслуживающий персонал ни в коей мере не заинтересован в прекращении игры: ведь для того, чтобы добавить к стопке новый бирдекель, надо заказать и выпить очередную кружку пива. На этом перечень дополнительных функций бирдекеля не заканчивается. В некоторых странах на пивных подставках размещается разнообразная справочная информация (иногда напечатанная светящимися или ароматизированными красками). Бирдекели также используются для моментального розыгрыша призов, организации лотерей и в качестве льготных проездных билетов, а иногда — показывают температуру стоящих на них кружек.

О всех бирдекелях рассказать просто невозможно. Эти красочные кружочки притягивают взгляд и сами просятся в руки. Поэтому не удивительно, что число тегестологов растет с каждым днем. Представьте, как это интригующе: на вопрос о вашем хобби гордо ответить: «Я тегестолог и коллекционирую бирдекели». □

Игры в компьютерной индустрии — двигатель прогресса.

НЕВИДИМОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО

Игры в компьютерной индустрии — двигатель прогресса. Вряд ли с этим кто-то не согласится. Конечно, есть и более ресурсоемкие приложения, но, к сожалению, их нельзя причислить к массовой продукции. Обратите внимание, о чем спорят молодые люди или дети — насколько хорошо работает та или иная игра и у кого качество картинки выше. Каждому игроку хочется процессор мощней, памяти побольше и видео карту покруче. Исходя из таких потребностей,

производители выкладывают на прилавки «новомодные» и прогрессивные решения.

Шо цэ такэ?

Тема сегодняшнего разговора — «шина» PCI-Express. Она до сих пор не теряет своей актуальности, особенно для тех, кто еще только собирается приобрести компьютер.

Появившись в 1991 году благодаря инициативе Intel и стараниям «PCI Special

Interest Group» (PCISIG), стандарт PCI в течение уже 15 лет остается востребованным. В 1993 году вышла ревизия 2,0, способная работать с видео (графические карты). Тогда еще господствовал стандарт ISA, на который возлагались определенные надежды.

Перспективность PCI и улучшенные возможности, такие, как энергосбережение, технология Plug and Play (автоматическая настройка устройств), раздельное IRQ между девайсами и доработанная система прерываний, возможность обмена данными между самими устройствами в обход процессора, что резко увеличило производительность и снизило нагрузку на CPU. Это только малая часть того, чем выделялся PCI, не оставив ISA шансов. Хотя последняя держалась еще долго — встречалась на платах, выпущенных в 1999 и 2000 годах.

И опять эти цифры!

PCI классическая (486-е и простые Pentium) представляла собой:

- Синхронная передача данных при шине 33 МГц.
- Максимальная пропускная способность 133 Мб/сек.
- Адресное пространство 32 бита.
- Напряжение от 3,3 до 5 вольт.

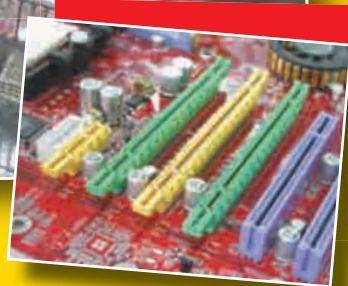

Ревизия 2,2 расширила шину до 64-х бит и тактовой частоты 66 МГц, что обеспечило 533 Мб/сек пропускной способности. Эту спецификацию в настольных ПК уже не использовали.

Дальнейшее развитие PCI касается исключительно серверов и промышленных компьютеров. Достижения оказались значительными, но дорогими. Тем не менее перечислим некоторые из них:

PCI-X — логическое продолжение ревизии 2,2, у которой увеличили тактовую частоту до 133 МГц и соответственно полю пропускания до 1066 Мб/сек.

PCI-X 266 — работает уже на DDR PC 2100, частота шины — 133x2 (266 МГц), следовательно, пропускная способность 2,1 Гб/сек.

PCI-X 533 — новые типы памяти, такие, как DDR II и QDR помогли достичь шины 533 МГц (133x4) и 4,3 Гб/сек.

Со временем производительности начинает не хватать, что подтолкнуло разработать улучшенную версию PCI, а именно AGP (Accelerated Graphics Port), предназначенную исключительно для графических ускорителей. Впервые этот слот появился на материнских платах Pentium II и Super Socket 7. AGP существует в нескольких модификациях: 1x (266 Мб/сек), 2x (533 Мб/сек), 4x (1066 Мб/сек) и 8x (2,1 Гб/сек). Хороший плюс — пониженное энергопотребление от 1,5 до 0,8 вольт. Никакой универсальности, а возможность подключить одно устройство не позволяет AGP назвать шиной.

Гвоздь программы

Прогресс не может топтаться на одном месте, поэтому наступила пора, когда необходимо заменить уже медленную шину PCI и родной AGP 8x. Проблема еще в том, что дальнейшее развитие требует значительных затрат. Если PCI исчерпал свои возможности, то графический порт далеко не все, поэтому на тему последнего многие не понимают, зачем тогда нужен PCI-Express 16x.

Спецификации новой «шины» озвучили и опубликовали в 2002 году. Ранее ее называли 3GO (3rd Generation I/O) — ввод и вывод третьего поколения, которые должны применяться в настольных компьютерах, серверах, мобильных устройствах и во многих других решениях. Цель — сохранение такой же универсальности, как у PCI.

PCI-Express тоже нельзя назвать полноценной шиной, так как опять же возможно подключение только одного устройства, но разработчики нашли выход с помощью Switch (нечто похожее на маршрутизатор), благодаря которому все идеально работает (обмен данными между девайсами, не нагружая процессор).

Процесс установки устройств не претерпит изменений — поменяется только внешний вид слотов. Такая же ситуация

и с операционной системой — полная совместимость с PCI, что говорит о том, что драйверы будут подходить как к старым, так и к новым вариантам.

PCI-Express — как это было

Развитие новой шины условно можно разделить на три этапа.

Первый: есть материнские платы, но нет графических процессоров (GPU), способных работать с новой спецификацией, поэтому просто «перепаяли» существующие видеокарты под новый стандарт и добавили HSI (High Speed Interconnect — Высоко-Скоростное Соединение или сокращенно «Мост»). Получилось, что информация на карту преобразовывалась в AGP, а с карты — в PCI-Express. Несмотря на то, что теоретически графические акселераторы работали на AGP 16x (реально 12x) — производительность заметно упала, да и Мост стал одним из основных источников тепла. Примеры: GeForce PCX 5750 = GeForce FX5700 и ATI Radeon X600Pro = ATI Radeon 9600. Первые решения не обрели популярности.

Второй: эксплуатировались еще GPU, разработанные для AGP, следовательно, заложенный потенциал в PCI-Express не мог использоваться в полной мере. Наличие нового разъема еще не говорит о том, что вставленное устройство использует все возможности. На этом этапе видеокарты лишились признаков старших аналогов, но для повышения КПД требовалась новая архитектура графических процессоров. Первыми «настоящими» PCI-Express картами стали GF 6600 \ 6600 GT от NVidia и Radeon X700 от ATI. Изначально разрабатывались под новую спецификацию, соответственно, они реализовывали все возможности (небольшой размер плат, минимальный нагрев, отсутствие дополнительных разъемов питания, полноценный plug & play, расширенное управление питанием).

Третий: апогей, но не финал PCI-Express! Полная реализация возможностей. Благодаря «дуплексности» (одновременная передача данных, но не синхрон-

ная, от видеокарты к чипсету и обратно) и высокой скорости обмена гигабайтами разработчики заявили полную поддержку HDTV (Телевидение Высокой Четкости — данные передаются со скоростью 600 Мб/сек, что в три раза превышает показателя AGP 8x на отсыл данных к чипсету). Возможность выделения каналов под несколько разных задач без снижения производительности, а также возможность встраивать видеодекoder (уменьшение нагрузки на CPU при просмотре видео) позволяют сделать графические акселераторы многозадачными.

Что несет нам PCI-Express

Рассмотрим кратко еще несколько особенностей новой «шины».

— Последовательная архитектура типа Point-to-Point (вместо общей шины), то есть множество соединений, обеспечивающих пакетную передачу информации в одну и в другую сторону одновременно (но не синхронно). Реализуется большой поток данных на одном физическом соединении, для сравнения — PCI-Express 1x — 36 контактов, а у классического PCI их 120, при том, что первый обеспечивает 250 Мб/сек, а второй — всего 133 Мб/сек. Благодаря этому упрощается и удешевляется разработка устройств и развитие самой технологии. Уменьшение количества контактов, да и малый размер самих разъемов — громадный плюс для миниатюризации.

— Разделение на каналы (однаправленные от устройства к чипсету и обратно; итого — один канал — это два линка), в зависимости от пропускной способности (суммарно в обе стороны): 1x — 500 Мб/сек (на практике выходит 400 Мб); 4x — 2 Гб/сек (на самом деле 1,6 Гб); 8x — 4 Гб/сек (фактически 3,2 Гб); 16x — 8 Гб/сек (используется для видеокарт и обеспечивает реальных 6,4 Гб); 32x — 16 Гб/сек (для серверов и промышленных компьютеров — 12,8 Гб эффективных).

К примеру, у AGP 8x идет 2,1 Гб/сек от чипсета к карте и 264 Мб/сек от GPU к чипсету. Подобная ситуация не позво-

ляет реализовать на AGP реалистичность изображения в полной мере.

— Горячее подключение изначально заложено в спецификацию (применение в мобильных компьютерах и серверах).

Еще раз припев и кода

Если сравнить производительность графических адаптеров AGP и PCI-Express, то разница незаметна. Дело в том, что

еще с переходом с AGP 4x на 8x — пропускную способность увеличили в два раза, а на практике разницы не ощутили. Поэтому говорить о лидерстве PCI-Express только за счет пропускной способности — неправильно. Преимущества заключаются в другом и более важном — если вы собрали систему на базе AGP, не расстраивайтесь, ведь сегодняшние игры не способны его загрузить полностью.

Постепенно ОС обретает поддержку дополнительных функций PCI-Express, но то, что уже есть или будет — пригодится для приложений будущего — только на них почувствуется разница.

PCI и PCI-Express, как и ISA и PCI, еще долго проживут вместе, ведь пикайя устройства до сих пор активно выпускаются и разрабатываются. Посчитайте все за, против и сделайте свой выбор — в любом случае, он будет правильным. □

Просто Кир

podolak@rambler.ru

www.prostokir.pbnet.ru

СВЕТЛОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО

История Пасхи своими корнями уходит в глубокую древность. Первыми ее стали отмечать иудеи как годовщину своего исхода из Египта. На первом Вселенском соборе Христианских церквей в Никее (325 год) было принято решение отмечать христианский праздник на неделю позже еврейского. Этим же собором определен и день празднования — первое воскресенье, следующее за первым полнолунием после весеннего равноденствия...

Праздник, таким образом, получился кочующим и выпадает каждый год на разные дни. В этом году Пасху будут отмечать 23 апреля.

Само слово «Пасха» пришло к нам из греческого языка через Византию и означает «прехождение», «избавление». В этот день мы торжествуем избавление через Христа Спасителя всего человечества от рабства диаволу и дарование нам жизни и вечного блаженства.

У православных славян существовало множество различных обычаев и ритуалов, связанных с пасхальной неделей. Особенно интересен в этом плане Чистый четверг. В этот день рано утром, чаще всего до восхода солнца, купались в реке или озере. А если ни того, ни другого поблизости не просматривалось, обливались холодной водой в бане. После омовения дружно убрали избу. Мыли и чистили. В европейской части России кое-где ещё сохранилась традиция окуривать все помещения веточками можжевельника. Окуривали не только жилище, но и хлеб, чтобы можжевеловый дым оградил человека и домашний скот от нечисти и болезни.

Если в Чистый четверг курица несла яйца, их съедали на Пасху. Считалось, что они на весь год защитят от болезней. Скорлупу же относили на пастбище и зарывали — это должно было охранить животинку от сглаза. С четверга же начинали варить овсяный кисель. Хранили его до воскресенья, а потом съедали, обязательно перед куличом. Кулич также готовился с четверга. Вместе с ним хозяйки делали Пасху, блины, пекли разнообразные мелкие изделия, обязательно из лучшей муки с изображениями крестиков, барашков, петушков, курочек, голубков, жаворонков и пряники. Запекали барашка, окорок, жарили телятину. Все блюда подавали к столу только в холодном виде.

Пасха — светлый и сытный праздник. Во всех домах на Руси зажигали весь свет, какой только был. Всяк стремился перещеголять соседа в богатстве трапезы. Все, кто мог себе это позволить, ставили на стол 48 разных блюд — ровно по числу дней пос-

та, предшествующего Пасхе. Все яства обязательно украшались. Из цветной бумаги обычно всей семьёй вырезали цветы и украшали ими и стол, и дом.

Праздник длился всю Светлую неделю. Всё это время стол был накрыт. Приглашали гостей, сами ходили в гости. Обычно к родне. Привечали нищих, убогих и больных. В некоторых губерниях существовал обычай вечерами играть на скрипке. Скрипач под окнами играл в честь Воскресения Христова, а хозяин одаривал его, чаще едой и пасхальными яйцами, а иногда и деньгами.

Яйца

Крашенные яйца — обязательный атрибут пасхального стола. Согласно легенде, их появление связано с Марией Магдаленой. Именно она, чтобы пробудить у властных особ Рима интерес к христианству, преподнесла императору Тиберию со словами «Христос воскрес» окрашенное в красный цвет яйцо. Этот цвет должен напоминать о том, что искупление человечества совершилось пролитием на кресте крови Спасителя.

Как и много веков назад христиане по всей стране дарят друг другу крашенные яйца. В деревнях красили луковой шелу-

хой, молодыми берёзовыми листиками, красящими нитками. Натирали до блеска тряпочкой, пропитанной растительным маслом. Эта процедура давала эффект лакирования. В городах больше красили акварелью и покрывали яйца уже настоящим лаком. Кроме того, делали сахарные, шоколадные, деревянные и стеклянные яйца. А сделанные из золота или серебра и украшенные драгоценными камнями и богато расписанные, они превращались в настоящие произведения искусства. Вспомните маэстро Фаберже.

Освящённому яйцу приписываются магические свойства. Например, если его бросить в огонь, то оно может потушить пожар. Правда, перед этим необходимо трижды обежать вокруг дома... К сожалению, хотя бы приблизительных

данных о том, сколько пожаров таким образом потушили, не сохранилось. В Ярославской губернии с пасхальным яйцом ходили в лес. Считалось, что оно поможет отыскать заблудившихся коров и овец. Яйцом же гладили живность по хребту, чтобы шерсть была ровная и лоснистая. Делали это перед первым выгоном скотины на пастбище.

Любимой пасхальной забавой было катание яиц. Оно начиналось в первый

день Пасхи, сразу после обеда, и продолжалось всю неделю. Сперва выбирали яйцо подходящей формы — чтоб другие разбивало, а само оставалось целым. Яйца катали, как и просто с подходящего бугорка, так и со специально выстроеной горочки. Если катящееся яйцо разбивает яйцо, лежащее на земле, игрок забирает его себе. Посмотреть, как катают яйца, обычно собиралась вся деревня.

Почему большинство пасхальных традиций связано с яйцами? Известно, что в древних Китае, Египте и Персии в различных языческих ритуалах присутствовали яйца птиц, поскольку они ближе всего летают к богам. Ритуалу окрашивания яиц — больше четырёх тысяч лет и родился он на Среднем Востоке. В Греции красный цвет — цвет скорби, поэтому красные яйца символизируют гробницу Иисуса. Разбитие же яйца — открытие гробницы и воскресение Христа. В некоторых европейских странах дети на Пасху получают чистые белые яйца, потому что вся жизнь у них ещё впереди. А пожилые получают тёмные, со сложным рисунком и орнаментом.

Примета

Воистину несметное число различных примет, суеверий и обычаев приурочено к празднику Пасхи. В Тамбовской губернии считали, что если на первый день

Пасхи наступят заморозки или прогремит гром, то будет особенно хорош урожай льна. В Пинежье существовала другая примета: если на Пасху пошёл дождь, то и вся весна дождливой будет.

По мнению крестьян, в пасхальную ночь вся нечисть бывает необычайно зла, так что с заходом солнца мужики и бабы опасались выходить из дому даже во двор. В каждой кошке или собаке видели оборотня или черта. А если поцеловать на Пасху церковный замок, можно увидеть ведьму. Некоторые твёрдо верили, что если покатить по дороге освящённое яйцо, то вся окружающая нечисть обязательно покажется и спляшет трепака...

На Пасху старики с особым старанием расчёсывали свои волосы, чтобы внуков было, сколько волос. Старухи, желая разбогатеть, умывались с серебра и с золота. Девицы залезали на крыши и встречали восход солнца, высматривая суженого. Во время пасхальной службы девушки тихонько шептали: «Воскресение Христово! Пошли мне женишка холостого, в чулочках да в порчонках! Дай Бог жениха хорошего, в сапогах да с калошами, не на корове, а на лошади». Все мысли девицы на Пасху были на одно направлены. Если локоть ушибла — милый вспомнил, таракан или муха в суп попала — к свиданию, губа чешется — к поцелуям.

На Пасху повсюду парням и мужчинам разрешалось звонить в колокола. Поэто-

му везде звучал радостный, несогласованный колокольный звон, поддерживающий общее веселье. Ни одна Пасха не обходилась без качелей. Едва ли не в каждом дворе их устраивали. А в центре деревни, на площади, загодя возводились общественные качели. Возле них образовывалось некоторое подобие деревенского клуба: девушки с подсолнухами, мужики с тальянками и гармошками. И так до позднего вечера.

Христос во воста!

Пасхальные богослужения особенно торжественны. Ещё с древних апостольских времён христиане бодрствуют в священную предпраздничную ночь Святого Воскресения Христова. Незадолго до полуночи во всех храмах служится полунощница, во время которой дьякон и иерей поднимают плащаницу и возлагают её на святой престол, где и будет она оставаться до Отдаения Пасхи.

Крестный ход в пасхальную ночь — это шествие церкви навстречу Спасителю. Идут вокруг храма под непрерывный аккомпанемент колокольного перезвона. Впереди несут фонарь, за ним — запрестольный крест и образ Божией Матери. Все ждут того прекрасного и торжественного момента, когда можно уже будет с чистой душой воскликнуть «Христос Воскресе!», а в ответ услышать столь долгожданный отзыв «Воистину Воскресе!»... □

ДЕВОЧКА- ВЕСНА

**Екатерина
Кочеткова**

Во все времена женщины прилагали много усилий, чтобы покорять сердца сильной половины человечества, быть красивой, очаровательной, обольстительной... Но не всем это удастся. Хотя стилисты и имиджмейкеры уверены — нет некрасивых женщин, из любой заурядной внешности можно создать ослепительную красавицу. И, кстати, без вмешательства новомодных нынче пластических хирургов. Просто не каждая женщина задумы-

вается, сочетается ли ее внутренний мир с ее внешним видом. А это очень важно. Потому диссонанс между «внешним и внутренним» у окружающих вызывает, в лучшем случае, равнодушие. Какое уж тут очарование! Еще одна ошибка. Почему-то велико желание походить на кого-то. Вместо того, чтобы совершенствовать свою индивидуальность, женщины подгоняют себя под звезд экрана или эстрады, одеваются, накладывают маки-

яж, стремясь не отставать от див с обложек дамских журналов.

Когда-то Голливуд «запустил в жизнь» стандарт: красивая женщина — только блондинка. И... понеслось. Даже негрятки превращались в белокурых. Правда, в последнее время произошел крен в другую сторону. В моду вошли брюнетки. Ну, еще бы! Ведь многие звезды Голливуда — выходцы из Латинской Америки. Хорошо, не из Ирландии. Иначе бы все девичьи полыхали огненной шевелюрой.

В слепом подражании капризной моде и заключается просчет многих женщин. А ведь так важно определить свой образ и следовать ему в жизни.

В январском номере нашего журнала мы рассказывали об одном из них — зимнем. Материал так и назывался: «Девочка-зима». И призывали вас, милые дамы, понять, кто вы: зима, весна, лето, осень. Потому что эти времена года не только на улице, но и в вашем сознании, состоянии души, внешнем виде и стиле.

Сейчас окончательно утвердилась весна. Поэтому поговорим о следующем типе: Девочке-весне.

Они милы, на первый взгляд, спокойны и уравновешенны. Но ведь на то и весна, вот сейчас греет ласковое солнышко, а через минуту налетел резкий порыв ветра, небо заволочло тяжелыми тучами... Так и у Девочки-весны настроение меняется неожиданно и без всяких, казалось бы, на то причин. Что и говорить, у нее переменчивый нрав. И вообще, она уж очень разная, непредсказуемая. Только что застенчиво улыбалась, и вдруг — озорной мальчишеский смех. Или тиха, задумчива, и сразу же вся — порыв, движение. Или как тот самый омут, в которм «не пойми, кто» может водиться...

Весна — это легкость, свежесть. Не льдистая царственность зимы, не знойная ласка лета, не тихое прощание осени... Это луч, растопивший лёд. Внезапная свежесть воздуха. Стремительная неизбежность новизны. Таяние снегов под беснующимся в небе солнцем...

Но лёгкость — совсем не значит поверхностность. Быстрый ум Девочки-весны способен высветить любые детали, моментально добравшись до сути... Она не оценивает, как зима, не возвращает, как лето, не раздумывает, как осень. При всём своём уме, предпочитает жить чувствами. Ее миссия — согреть мир, остальные ее не волнуют...

Так же и с мужчинами. Присутствует в их жизни до тех пор, пока ей это интересно или необходимо. Но даже когда уходит дальше — ее потом долго вспоминают с благодарностью.

Существует несколько основных образов «Девочки-весны».

Лесная фея. Очень женственный и романтический стиль для стройных и умеренно полных. Платья из нежно струя-

щихся тканей. Не обязательно светлые, но изысканно-природные оттенки. Тонкие украшения ручной работы, напоминающие о магии, силе стихий и красоте мира. При этом — идеально гармонирующие с внешностью и внутренним миром владелицы. Волосы либо распущены, либо собраны в затейливую причёску «под средневековье».

Есть и более повседневные варианты этого стиля. Например, длинная широкая юбка зелёного сукна и такая же жилетка. Жилетка украшена сборкой на спине, а спереди нашиты два ряда кожаных «листьев», от которых идут завязки с деревянными бусинами на концах. Кроме собственно жилетки, это напоминает то ли корсет, то ли колет... Выглядит совершенно феерически! Так что — импровизируйте, выдумывайте, пробуйте...

Мэри Поппинс. Оптимальный стиль для деловой «весны». Тонкое сочетание элегантной официальности и весеннего праздника.

С одной стороны — английская сдержанность. Безупречные костюмы зелёно-

го, василькового, коричневого сукна, кипенно-белые перчатки, строгие папки или портфельчики...

С другой стороны — что-то, вносящее

элемент весеннего порыва, радости, чуда... по крайней мере, его возможности. Шляпка, чуть сбитая на бок, веселенький платок, миленькие пряжки на туфельках... Таких деталей должно быть не более двух, но они не должны бросаться в глаза! Чтобы не нарушать деловой обстановки, только — необъяснимым образом поднимать настроение...

Солнечный офис, улыбки сотрудников, легко решаемые дела... Никто не будет знать, в чём дело: то ли в шляпке, то ли в улыбке, то ли — в «полном совершенстве во всех отношениях»!

Хозяйка. Это образ для полных. Длинные юбки, этнические блузки, вышивки,

драпировки... Волосы, традиционно скрученные в «пучок». Конечно, у многих такая внешность ассоциируется исключительно с образом бабушки с пирогами, и как это неверно...

«Хозяйка» — типичная весна и хозяйка жизни и мужских сердец...

Они очень активны, несут в себе атмосферу свежести, в их доме всегда праздник... Только не суетитесь, пожалуйста, излишне, милые хозяйюшки весны!

Арабелла — дочь пирата. Образ для непоседливых и спортивных. Весне без него никак нельзя... Активный стиль Девочки-весны встречается в трёх видах:

- амазонка: часто присуще профессиональным спортсменкам. Вечное и беспощадное стремление к победе. Спортивный стиль — в цветах весны: нежные пастельные;

- собственно, Арабелла: любительницы стиля «этника» в активном варианте. Джинсы-клёш или соответствующая юбка. Этнические блузки и туники. Шнуровки, корсеты, декоративные заплаты, жилетки, шляпы, ремни, бахрома, бисер, «рваные края». Волосы распущены, иногда собраны, вариант — заплетены, как у кельтских или индейских девушек. Очень красивый стиль. Сочетание романтики и даже гламура — с активной порывистостью весны. Этакая прекрасная охотница...

- Пеппи Длинныйчулок: стиль для девочки, или для той, кто хочет ею быть. Весне это подходит... Даже когда далеко за... можно заплетать косички и сильно укорачивать юбки. Иногда разрешается уподобляться Пеппи — это вариант девушки-шута, клоунессы. Получается смешно и мило. Если же не хочется быть смешной — вносите в свой образ одну-две «девчоночьи» детали. Скажем, схватывать два длинных хвоста резинками в начале — и в конце. И в свои ...надцать — выглядеть на пятнадцать... Но с этим образом будьте осторожны. Когда молодятся зрелые дамы — это ужасно. С другой стороны, женщине столько лет, на сколько она выглядит...

И в заключение — основные моменты создания своего имиджа.

1. Всё важно в комплексе. Как там, в песне Мэри Поппинс: «Кто от тупфелек до шляпки...»

2. Ни в коем случае не берём чужих образов! Изучаем себя. Развиваем воображение: быть, а не казаться.

3. Дело не в цветах, а в оттенках! Всё должно работать на образ. В тонах одежды, косметики, аксессуаров. Подбираем стиль к себе, а не себя — к стилю...

4. Не стоит смешивать разные образы. На двух стульях не усидишь, а какофония во внешности — это ещё хуже, чем в музыке. Даже если вы поклонница экстремального искусства — попробуйте найти гармонию своего экстрима. Ведь согласитесь: много хорошо — тоже плохо. Хотя бы тем, что утомляет...

Так что, милые дамы, красавицы и умницы, вы уже поняли — как стать соблазнительной и желанной. Рецепт-то прост: понять, к какому типу вы относитесь, и разумно этим распорядиться. И тогда успех у мужчин и в жизни обеспечен.

В летних номерах нашего журнала мы расскажем об еще одном женском образе — Девочке-лете. ☺

Алла
Пустынова

НЕ прыгайте с платформы, ЛУЧШЕ ЕЕ НОСИТЕ

Великая законодательница моды Коко Шанель говорила: «Если женщина хорошо обута, значит, она хорошо одета». И вслед за ней все стилисты утверждают, что, надев дешевенький костюмчик с рынка и хорошую аккуратную обувь, можно добротнo и модно выглядеть. Внешность делают ноги.

После холодной снежной зимы хочется одеться во что-нибудь легкое и невесомое. И обязательно новое. Хотя, наверняка, у многих из нас в хорошем состоянии сохранились с прошлого лета

красивые и еще модные туфли и босоножки. Так что, не торопитесь в магазины, и не горюйте, что вам просто нечего надеть.

Сколько пар обуви нужно человеку для полного счастья? В принципе, среднестатистической женщине необходимо иметь как минимум десять пар. Так свидетельствует пресловутый рейтинг. Судите сами: зимние теплые сапоги, туфли на каждый день, выходная обувь, босоножки, летние нарядные туфли, кроссовки, демисезонные туфли, шлепанцы для пляжа, и даже домашние тапочки.

Ну, кое-что еще по мелочи. А если согласиться с тем же рейтингом, то в гардеробе модной женщины должно быть не меньше тридцати пар обуви чуть ли не для каждого платья, с соответствующими сумочками и поясами.

Но как часто мы покупаем обувь, а потом сожалеем о выброшенных на ветер деньгах, и притом немалых. Конечно, приобрести удобные, практичные и модные туфли и сапоги — задача не из легких. Мода на обувь меняется так же стремительно, как и на одежду.

Но какие бы они ни были — из шикарной кожи или замши, на шпильке или на платформе и даже на низком каблуке — туфли должны быть комфортными. То есть легкими, устойчивыми, из натуральных материалов, с удобной колодкой, качественной подкладкой и надежной подошвой.

Между прочим, помните сказку про Золушку? Как ее сестры пытались втиснуть ноги в потерянную хрустальную туфельку? Одной из них это удалось, но туфелька во время танца все-таки с ноги слетела. Ведущий специалист по обуви Валерия Гуревич объясняет такой казус тем, что сестра-то не была родной, следовательно, могла быть другой нацио-

нальности. А башмачки одного размера, но разного «происхождения» подходят не всем ногам. Оказывается, народы отличаются не только цветом кожи и менталитетом, но формой, размером ступни, и соответственно обувью. И эталон ноги, по которому делается обувь, у каждой страны свой. У северных народов стопы ног шире. В азиатских странах маленькие, но полные. Французские ножки изящные и узкие, у итальянок низкий подъем и маленькая полнота. Американки отличаются узкой ступней и длинными пальцами. У россиянок, как и у финских, австрийских и немецких женщин, большая полнота и высокий подъем. Поэтому их обувь нам подходит больше всего.

Хорошо приходилось средневековым дамам: тогда сапоги и ботинки заменяли носки из кожи и фетра, на которые в особенно плохую погоду надевали деревянные сандалии. Тогда не было различия между левым и правым носком — все шили на одну ногу.

А теперь — просто сумасшедший выбор! И мода уже давно не диктует, что и как носить, ну, если только вот цвет какой-то новый в сезоне посоветует. А так разнообразие фасонов и цветов позволяет выбрать все, что нравится. И вы-

глядеть при этом сногшибательно. Хотя можно все же одним словом определить сегодняшнюю тенденцию — эклектика. Соединяется все ранее несовместимое: детали, образы, ассоциации из разных стилей, тем, эпох.

Ну, могли бы мы еще недавно представить себе высокие ботинки со шнуровкой, сшитые из золоченой кожи. Или сапоги из кружева с открытыми пальца-

ми, как на босоножках. Экзотики в магазинах хоть отбавляй: необычные материалы, сумасшедшие расцветки, малиновые, бордовые, фиолетовые, огненно-красные, все-таки Год Собаки как никак.

Но общее направление — женственность и романтичность. Даже в спортивной обуви. Здесь предполагается комфорт и долгое пользование.

Кожа используется мягкая, на ощупь приятная. Простые фасоны, сочетающиеся с изысканными деталями, элегантностью и комфортом. Носы удлиненные, но при этом слегка закругленные, очень удобные. Устойчивые каблуки. Их высота может меняться, но задники должны быть мягкими. Декоративными украшениями служат в основном тонкие ремешки, плетение, нашитые полоски и маленькие изысканные пряжки. Уже несколько лет на каждый день популярны сабо или очень закрытые босоножки со шнуровкой спереди.

И помимо кожи, из которой привычно шьют обувь, весьма популярны у дизайнеров лен, хлопок, сатин. Очень модна комбинация кожи с тканью.

Женская ножка требует, чтобы на нее обращали внимание всегда, в любую погоду. В холодные весенние дни, случающиеся в нашем климате, высокие ботиночки смотрятся очень изящно, при этом в них должно быть уютно: и в дождь и в слякоть. Стильные высокие сапоги и демисезонные туфли предполагают черный, коричневый и другие спокойные цвета.

Но скверные дни проходят, погода налаживается, «на носу» лето, и что мы наденем на ноги?

Первое впечатление — на ногах разгулялся праздник цветов в необычных образах и комбинациях. Все декоративно, и каждая деталь работает на образ очаровательной женщины. Царствует восточный стиль. В воображении эта обувь ассоциируется с яркими индийскими тканями ручной работы. Силуэты необычные, иногда забавные. Каблуки низкие, почти плоские, высокие, средние — на все вкусы. Снова в моду вернулись платформы. Несмотря на кажущееся неудобство, они практичны и устойчивы. Список дизайнерских предложений широк. Хотите босоножки на пробковой танкетке? Да пожалуйста! А, может, на плетеной? Без проблем! Между прочим, самые продвинутые модницы носят с босоножками на платформе (только не смейтесь!) цветные, пестренькие носочки. Здорово? Зато очень модно.

А на прохладные дни в фаворе продолжают оставаться старые добрые мокасины, некоторые из них в прошлые годы сумели даже превратиться частично в сабо. А еще летом можно надевать высокие мягкие замшевые сапожки с голенищем-гармошкой. Очень нарядно они будут выглядеть в пасмурную погоду благодаря разнообразным, самым невероятным расцветкам.

Про мужчин забывать нельзя. Не наденут же они босоножки со стразами. Поэтому дизайнеры советуют им отдать

предпочтение спортивным полуботинкам. Да мужчины и сами, не дожидаясь советов, их вовсю носят. В кроссовках на шнуровке или липучках можно чувствовать себя комфортно, и главное, надежно. Они не промокают благодаря надежной прошивке, и если даже загрязнятся — ничего страшного. Обувь спортивного стиля не будет смотреться слишком неаккуратно.

Но как бы некоторые мужчины ни возражали против модельной обуви, все же именно она создает о мужчинах благоприятное впечатление и даже, как уверяют знатоки, вносит некоторую загадочность в глаза женщин. Мужчины, уясните себе, что в такой модельной обуви не только удобно, но и в любой обстановке можно выглядеть элегантно.

А если хочется понять секрет неотражимости, то все-таки он прежде всего в гармонии одежды, обуви и природной внешности. □

фото Владимира Чейшвили

ФИНАНСОВАЯ каша

В детстве вы ее ненавидели всеми фибрами неокрепшей души. Воротили нос и отказывались съесть даже ложку «за маму» или «за папу». Речь идет о проклятии всех детей — о манной каше. Но не думайте, что я буду вам тут советовать, как ее варить. Спросите у мамы — она вам подробно расскажет. А я расскажу, как в XIX веке из манной каши умудрились создать настоящий шедевр кулинарного искусства — гурьевскую кашу...

Манка не всегда была такой, как нам ее подавали в детском саду — подгоревшей и с комочками. Знала она и лучшие времена. И считалась блюдом праздничным, дорогим, больше того — десертом, что вообще-то для каши редкость.

Почему каша называется «гурьевской»? Есть два объяснения. Первое, что кашу придумал сам министр финансов России граф Гурьев. Тогда экономическое положение в стране было несколько лучше, чем сейчас — рубль вообще твердой валютой считался, да что уж те-

перь вспоминать... Поэтому министр финансов и мог себе позволить кашеварить в свободное от работы время. Другая версия опять-таки связана с графом. Но создание каши приписывают крепостному повару Кузьмину, которого Гурьев купил сразу же после того, как попробовал приготовленную кашу. В любом случае, кушанье стало носить имя Гурьева, потому что именам крепостных в то время особого почтения не оказывалось...

Но — к каше. Как уже ясно, за основу берется манная каша. На всякий случай расскажу, как ее варить, а то вдруг у вас либеральная мама и в ее кулинарной книжке нет рецепта этой казни египетской? Манку варим на молоке — крупы берем в 5 раз меньше молока. Как только молоко закипит, тонкой струйкой всыпаем крупу и варим минут 10—15 до загустения, помешивая и убавив огонь до минимального. Для приготовления гурьевской каши надо сварить стакан манки в 5 стаканах молока. Не забудьте в конце

варки положить большой кусок сливочного масла и как следует размешать.

Теперь — самая ужасная, лично для меня, часть. Пенки. К ним редко относятся равнодушно — либо обожают, либо терпеть не могут. Но спешу успокоить последних — вкуса пенок вы не почувствуете, а если почувствуете, то в каше он вам понравится. Но надо спокойно отнестись к процессу их получения. Итак, нам понадобится 6 пенок. Это значит, что в каше будет 6 слоев. В зависимости от личных аппетитов и количества гостей можно сделать их больше или меньше, тем более что пропорции в гурьевской каше весьма условны, в чем вы скоро убедитесь! Для получения пенок наливаем в кастрюлю молоко. Кастрюля должна быть примерно того же диаметра, что и сковородка, в которой вы потом будете запекать кашу. Так удобнее, но если нет подходящих, то прикиньте, сколько вам надо пенок, чтобы шесть раз выложить сковороду. Я бы посоветовала брать сковороду не очень большого диаметра — чем выше каша, тем интереснее и тем больше начинок в нее можно положить. Кастрюлю с молоком ставим в духовку на маленький огонь и, как наглотится пенка, снимаем. Пенка должна быть светло-бежевого цвета, если доведете до темно-коричневого, она неминуемо будет горчить... Пенки складываем на тарелку и внимательно следим, чтобы до них не добрался кто-нибудь, кто их любит.

Гурьевская каша — большой конструктор. И собирать его можно по-разному. Первый слой — сковородка. Ее потом есть не надо, а вот маслом смазать нужно обязательно, даже если тефлоновая. У графа Гурьева, между прочим, тефлоновых сковородок не было, а рубль конвертируемый был!!! Ну, ладно, не будем опять о грустном... На смазанную сковородку выкладываем слой каши... Далее — полный простор для вашей фантазии. Перекладывать слои каши можно чем угодно и в каком угодно порядке. Я предложу один вариант, а вы уж

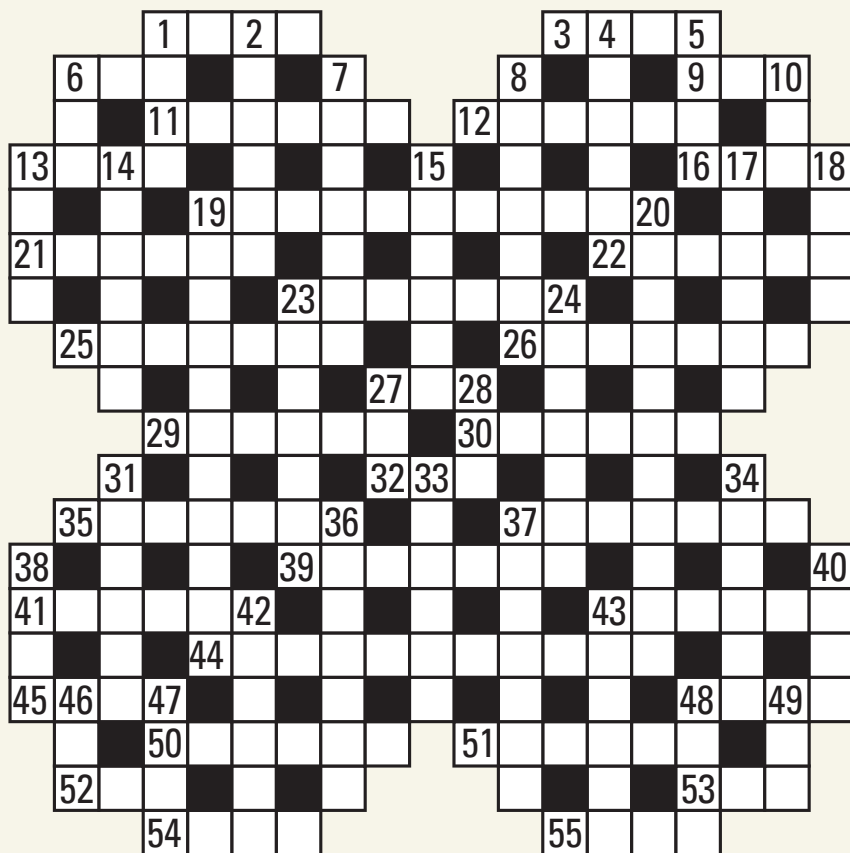
готовьте исходя из запасов в доме и личных пристрастий. Тот вариант, что я опишу, называется «Царский», потому что... Впрочем, сейчас сами поймете, почему.

Итак, первый слой каши смазываем цветочным медом — чуть-чуть, посыпаем толченым фундуком и накрываем первой пенкой. Выкладываем второй слой каши. Его промазываем клубничным вареньем и посыпаем уже грецкими орешками. Далее — вторая пенка. На нее очередной слой каши, а на него — резаного инжира и чуть-чуть корицы, и все это закрываем третьей пенкой. Снова кладем кашу, на нее — гречишный мед (поверьте, он разительно отличается от цветочного), а сверху — резаных цукатов. Прикроем это все четвертой пенкой. Очередной слой каши, потом — черешневого варенья, и опять фундук. Пятая пенка! Этот слой каши посыпаем резаной курагой и изюмом. Пенка, а потом закрываем все остатками каши и посыпаем сахаром. Уф! Можно ставить в духовку, но ненадолго, чтобы чуть-чуть запеклось, и сахар стал карамелью...

Подают гурьевскую кашу в той же сковородке, где и запекали. Будете вынимать целиком — нарушатся слои, а они такие красивые! Так что, совету ю нарезать, как торт. По вкусу каша даже лучше торта. Неужели это говорю я, недержимая любительница тортов?..

Вот такая каша от графа Гурьева. Приятного аппетита и финансового благополучия! ☺

По горизонтали. **1.** Изобретение умных, не желающих идти в гору. **3.** Выговор без занесения в личное дело. **6.** Птица на австралийском гербе, не умеющая пяти-ться. **9.** Последняя постель. **11.** Самый тучный мушкетер в романе А. Дюма. **12.** Пыль, способная проявить твердость. **13.** Невеста в овчарне. **16.** Имя Бовари, в спектакле А. Таирова сыгранной А. Конон. **19.** Независимость России, принесшая благо в основном мошенникам, плутократам и шарлатанам. **21.** Треть роста

конька-горбунка. **22.** Толстовский Петя, брат Наташи. **23.** Французский композитор, проложивший дорогу программной музыке. **25.** Корабельный «картежник». **26.** Седьмой властелин шахматного королевства. **27.** Если широкий, то, согласно фольклору, угрожает целостности штанов. **29.** Умение быстро и продуктивно сообщать. **30.** Американский писатель-фантаст родом из Белоруссии. **32.** Французский скульптор, автор барельефа «Марсельеза» на Триумфальной

арке. **35.** Треугольный верх фасада. **37.** Детки, бегущие за крошечкой или рябчиком. **39.** Один из живущих секунды химических элементов, пока ни на что не годных и способных разве что тешить тщеславие ученых. **41.** Певчая птичка, которую К. Линней назвал «вдовцом». **43.** Американский «стыдливый» кустарник, чьи листочки, если к ним прикоснуться, опускаются. **44.** Хвойное дерево родом из Америки с легкой душистой древесиной. **45.** Двойная доза для соображающих на троих. **48.** И Гоген, и Синьяк, и Элюар. **50.** Подчиненный, не верящий во всемогущество начальника. **51.** Приволжский народ, ставивший на могилах мужчин дубовый, а женщин — липовый столб. **52.** Библейский спаситель земной фауны. **53.** Брат Кия, легендарного основателя Киева. **54.** Бег трусом. **55.** В конце года — желанная покупка, в начале года — уже хлам.

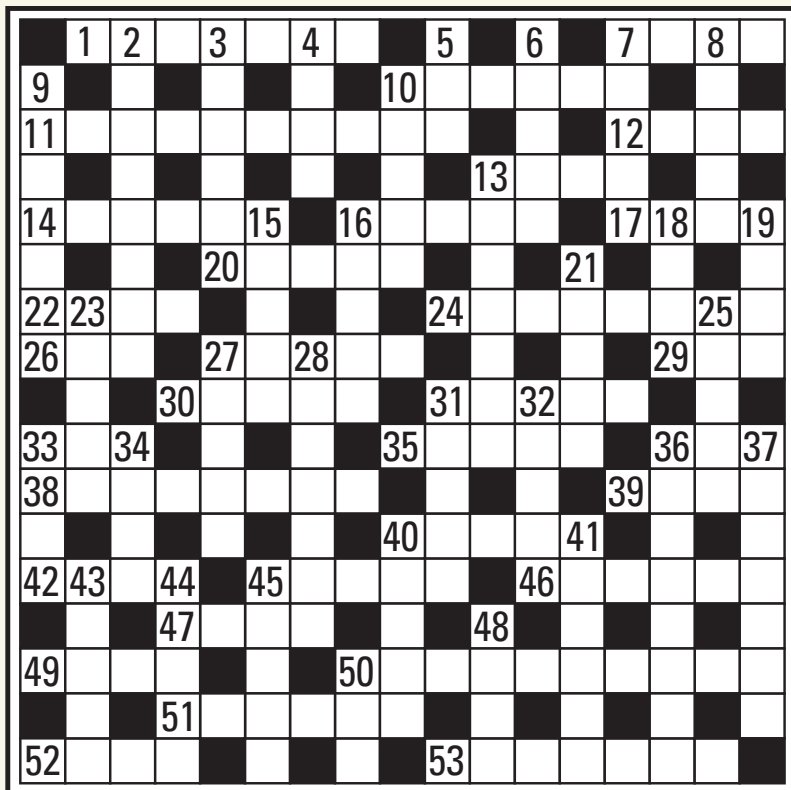
По вертикали. **1.** Стекло, похожее на советскую статистику: увеличивает. **2.** Рабочая одежда кухарки, еще не вступившей в управление государством. **4.** Специалист, каким считает себя чуть ли не каждый футбольный болельщик. **5.** «Кето и ...» — комическая опера В. Долидзе. **6.** Заглавная героиня в романе Ш. Бронте. **7.** Не ковер, а картинка. **8.** Овца с тонкой длинной шерстью. **10.** Такому крепкому

пират всегда был рад. **13.** Человек с жалом вместо языка. **14.** Бытовая посуда, разбитая поэтом в назидание потомкам. **15.** Сельхозмашина, работу на которой нельзя назвать непильной. **17.** Человек с походкой вразвалочку. **18.** Плод в фамилии знаменитого русского мариниста. **19.** Человек, живущий в одни годы с вами. **20.** Пудовая амурская растительноядная рыба. **23.** Сен-Жерве, где Атос собрал мушкетеров на тайное совещание, как укрепление. **24.** Черноморский остров почти напротив устья Дуная. **27.** Круг, как ни крути. **28.** В серпентарии — каждый, а в человеческом обществе — только некоторый. **31.** «Горилла». **33.** Специалист, превращающий ценные металлы в бесценные вещи. **34.** Инструмент с функциями дятла. **36.** Немецкий романтик, к которому прилип «голубой цветок». **37.** Эстрадный Вовчик, друг Левчика. **38.** Завязанный прототип календаря. **40.** Кузькина родственница. **42.** Фригийская богиня, ставшая в Риме богиней плодородия Опис. **43.** Царь, за которого отдал жизнь Иван Сусанин. **46.** «Частичный» термин Фарадея. **47.** Место стоянки корабля без приставания. **48.** Объект, по поводу которого о вкусах и впрямь не стоит спорить. **49.** Овощ, какой Глебу Желлову советовал есть старик, сыгранный З. Гердтом.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 3

По горизонтали. **1.** Звон. **6.** Меню. **9.** Вратарь. **10.** Жвания. **12.** Голиаф. **14.** Проповедник. **15.** Слон. **17.** Лязг. **18.** Канадец. **20.** Дебошир. **22.** Рений. **24.** Сиртаки. **26.** Чертков. **27.** Анненский. **28.** Хеопс. **29.** Песня. **30.** Широкоорот. **32.** Перегар. **33.** Криница. **34.** Лирик. **37.** Симония. **38.** Денница. **41.** Дике. **43.** Акка. **44.** Второгодник. **46.** ...пекарь. **47.** Рекорд. **48.** Хиллари. **49.** Ночь. **50.** Урод.

По вертикали. **1.** Знаток. **2.** Ощип. **3.** Траппер. **4.** Стива. **5.** Бродвей. **7.** Едок. **8.** Юбиляр. **10.** Жест. **11.** Ярмарка. **12.** Тимофей. **13.** Фига. **16.** Наступление. **17.** Лиственница. **19.** Церемония. **20.** Диоскорид. **21.** Лицемер. **23.** Божница. **25.** Инжир. **26.** Чирок. **30.** Шалость. **31.** Транжир. **34.** Лигроин. **35.** Кендырь. **36.** Эдип. **37.** Скакун. **39.** Аккорд. **40.** Санд. **42.** Уголь. **44.** Врач. **45.** Кедр.

По горизонтали. 1. Русская поэтесса, в которой «отсутствовала человеческая теплота» (Н. Бердяев). **7.** Более простое название государственного приказа на Руси. **10.** «Как бы объективный анализ, которому подвергает сама себя действительность» (С. Аверинцев). **11.** «Взойти на белого коня» или «принять большую печать» у хлыстов. **12.** Моро в греческих сказках. **13.** Ставка монгольского или татарского хана. **14.** Слепой музыкант в повести А. Куприна «Олеся». **16.** Сельский фрагмент города в индустриальных странах. **17.** Одно из двух деревьев, чьи ветки в праздничные дни в греческих церквах разбрасывают по

центральному проходу. **20.** Страна на Ниле, где, как считали римляне, живут люди без головы и с глазами на груди. **22.** Союз трав в одном лекарстве. **24.** Отождествление природы и Бога. **26.** Египетский бог, которого греки отождествляли с Гермесом. **27.** Страна, где умер Казанова. **29.** Калья, харчо или чорба. **30.** Город, в чьей бухте П. Нахимов уничтожил эскадру Осман-паши. **31.** Художник, раскрашивавший скульптуры Праксителя. **33.** Царь гетулов, на чьей земле Дидона построила Карфаген. **35.** У нас — усушка, утруска. А в международном праве? **36.** Армянский бубен, увешанный бубенцами и кольцами.

38. Специалист, заинтересованно стоящий у тута. **39.** пляжная, по сути, юбка. **40.** Последователь Ж. Люлли и предшественник Ф. Рамо. **42.** Калмыцкий хан, присягнувший на верность Петру Великому. **45.** Народное название печного тепла на Руси. **46.** Плод, символ доноса в древних Афинах. **47.** Дочь последнего англосаксонского короля Гарольда, ставшая женой Владимира Мономаха. **49.** И русская хороводная игра, и прорыра, и вихор в волосах. **50.** Присущее писательнице Лу Андреас-Саломе качество, которое Ницше, оскорбленный ее невниманием к своей особе, назвал «кошачьим эгоизмом». **51.** Рыба, занимающая первое место в мировом рыболовном промысле. **52.** Разница между броской и смиренной одеждой на Руси. **53.** Хвост борзой в речи охотников.

По вертикали. 2. Иуда-предатель. **3.** Ткань, названная по главе католиков (он обретался в Авиньоне, когда ее там стали выпускать). **4.** Символ посвящения и сокровенной мудрости на лбу фараона в виде змеи. **5.** Шведская монета, впервые чеканенная при Густаве Ваза. **6.** Иудейский ученый и священник, которого Спиноза считал вероятным автором Торы. **7.** Пятирукая религия. **8.** Украшение «чехольчика на зубочистку» у гоголевских Маниловых. **9.** Каждый приверженец династии Бурбонов в 1789-1794 годах. **10.** Ткань, по которой Н. Помяловский первым назвал жеманную, но приспособленную к жизни барышню. **13.** Зимний дом для домиков, наполненных жужжанием. **15.** Один из двух

французских философов, приехавших в 1819 году на выучку к Ф. Шеллингу. **16.** Французский актер, умерший в 1959 году, как теперь считают, от СПИДа. **18.** Основной цветок в икбани в честь мальчиков. **19.** Быстрота атаки в боксе. **21.** Птица в фамилии Свифт. **23.** Участники и гости свадебного обряда в старину. **25.** Клыкастая рыба Атлантики. **27.** Скульптор, участвовавший в работах по возведению храма Христа Спасителя в Москве. **28.** Кирасирская часть народной кавалерии в бытность конфедератов в Польше. **31.** Примыкающая к Мертвому морю пустыня, где можно найти иерихонскую «розу». **32.** Затруднительный, а то и смешной случай, происшествие. **33.** Камень храбрых и суеверных. **34.** Жених Любови Менделеевой, которого она всегда поджидала с красной вербеной в руках. **36.** Самая известная статуя Мирона. **37.** Московский митрополит с 1826 года, сказавший: «Глубоко несчастно то время, когда о злодеяниях говорят все, а победить их никто не хочет». **40.** Умри, ..., лучше не скажешь. **41.** Русский писатель, в «Солнце мертвых» показавший, что революция — бездонная пропасть. **43.** Старейший мужской монастырь Новгорода, погубленный большевиками. **44.** Каждый из кровных родственников-мужчин в праве германских народов. **45.** Вторая госпожа в песне таможенника Верещагина. **48.** Каждая из старших козырных карт при игре в винт или вист. **50.** Самое «многовидное» насекомое.

Ответы на «Эрудит», напечатанный в № 3

По горизонтали. 6. Люцифер. **10.** Позитроний. **12.** Резервист. **13.** Лендлорд. **15.** Урбен. **16.** Латин. **17.** Каштан. **20.** Житие. **22.** Щebetна. **25.** ДВР. **26.** Филофей. **27.** Мититей. **28.** Шут. **30.** Моргалы. **31.** Харач. **36.** Ниццета. **37.** Весна. **38.** Павел. **41.** Тетиара. **42.** Оппозиция. **44.** Грицацyева. **45.** Эйзенах.

По вертикали. 1. Шпилька. **2.** Циньши. **3.** Стеллаж. **4.** Ротру. **5.** Мир. **7.** Юзек. **8.** Извращение. **9.** Евстингеев. **11.** Йемен. **14.** Друид. **18.** Нителла. **19.** Пеликан. **21.** Евнух. **23.** Виночергий. **24.** Боргюноне. **29.** Тацет. **32.** Чилийцы. **33.** Беарнец. **34.** ...каганат. **35.** «Задиг». **39.** Ленца. **40.** ...сила. **43.** Яры.

Князь Владимир

Режиссер: Юрий Батанин

Жанр: Мультфильм

Длительность: Н'цать минут

Год выхода: 2006

Страна: Россия

Роли озвучивали: Сергей Безруков, Владимир Гостюхин, Лев Дуров, Алексей Колган.

Дом Большой Мамочки 2

("Big Momma's House 2")

Режиссер: Джон Уайтселл

Жанр: Комедия

Длительность: 93 мин

Год выхода: 2006

Страна: США

В главных ролях: Мартин Лоуренс, Ниа Лонг, Закари Леви, Эмили Проктер, Марк Мосес.

Видеопрокаты переполнены зарубежными мультфильмами, поэтому появление отечественных всегда радостно приветствуется, хотя бы лишь потому, что это родное. Обычно от картины подобного плана ждешь очередной взгляд в прошлое с некой долей юмора. Но создатели решили уделить большее внимание историческим фактам Древней Руси: правление Владимира Святого, известного еще как Красное Солнышко, принятие христианства, консолидация русских земель, налаживание отношений с Византией и многое другое. В сюжете встречаются и философские моменты, не всегда понятные ребенку, но тем не менее это не умаляет достоинств релиза. Вышел качественный познавательный мультфильм, который будет интересен как взрослым, так и детям.

Снимать по несколько серий одного и того же — болезнь западной киноиндустрии, поэтому второе выходит не всегда такого же качества, как первое. Если вы смотрели первую серию, где полицейский вырядился старушкой для того, чтобы поймать преступника, то вторая вам не покажется настолько новой. Остается ждать, что режиссер попытается реализовать идею как-то иначе. Во втором фильме Малькольму Тернеру (главный герой), расследуя дело об убийстве своего напарника, снова придется наряжаться старушкой, чтобы внедриться в семью подозреваемого в качестве няни. Естественно, фильм полон шуток, интересных моментов, но, к сожалению, до уровня хорошей комедии он не дотягивает.

Розовая Пантера ("Pink Panther")

Режиссер: Шон Леви

Жанр: Комедия

Длительность: 90 мин

Год выхода: 2006

Страна: США

В главных ролях: Стив Мартин, Жан Рено, Бейонс Ноулес, Кевин Кляйн.

Внимание к этому фильму привлекла, как всегда, реклама. Сразу же захотелось посмотреть новую картину. Но, к сожалению, ожидания не оправдались. Клише перемежались с клише. Каждый момент уже где-то был и не один раз. Сюжет прост — неупутевому полицейскому дают расследование громкого дела (убийство тренера футбольной команды и пропажа огромного бриллианта «Розовая Пантера»), но не потому, что он такой хороший, а чтобы отвлечь внимание преступника и схватить его другими силами. Таков корыстный план начальника полиции, который стремился легкими средствами получить медаль. Но фильма бы не было, если бы не получилось все наоборот. Как же Жак Клюзо (Стив Мартин) докопается до истины — вы узнаете после просмотра.

Легенда Зорро ("The Legend Of Zorro")

Режиссер: Мартин Кемпбел

Жанр: Приключения

Длительность: 125 мин

Год выхода: 2005

Страна: США

В главных ролях: Антонио Бандерес, Кетрин Зета-Джонс, Руфус Сьюэл.

С событий, показанных в «Маске Зорро», прошло 10 лет. За это время у Де Ла Вега родился сын, но это его не останавливает. Он продолжает совершать героические подвиги, что вызывает семейные конфликты. Это не звездная болезнь — это стиль жизни, и он ничего не может с этим поделать. Ведь если не Зорро, то кто поможет решить проблемы народа? Кто помешает злодеям, которые задумали разрушить Америку? Множество захватывающих трюков, романтические сцены не оставят никого равнодушным. Вышел один из немногих современных фильмов, достойных внимания. Рекомендуем его для семейного просмотра.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

